

ISSN 2500-3267 (print)
ISSN 2500-0748 (online)

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

**МНОГОЯЗЫЧИЕ
В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ
ПРОСТРАНСТВЕ**

2020

**RUSSIAN JOURNAL
OF MULTILINGUALISM
AND EDUCATION**

ТОМ 12

МНОГОЯЗЫЧИЕ
В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

ISSN 2500-3267

9 772500 326003 >

ЭЛЕКТРОННАЯ ВЕРСИЯ:
journals.udsu.ru/multilingualism

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор:

директор учебно-методического центра «УдГУ-Лингва», доцент, канд. филол. наук
Л. М. Малых (УдГУ, Ижевск, Россия)

Заместители главного редактора:

профессор, канд. филол. наук *Т. С. Медведева* (УдГУ, Ижевск, Россия)
доцент, канд. филол. наук *Н. М. Шутова* (УдГУ, Ижевск, Россия)

Члены редакционной коллегии:

профессор, д-р пед. наук *Н. В. Барышников* (ПГУ, Пятигорск, Россия)
профессор, д-р филол. наук *Т. И. Зеленина* (УдГУ, Ижевск, Россия)
профессор, д-р филол. наук *Н. В. Кондратьева* (УдГУ, Ижевск, Россия)
доцент, канд. пед. наук *Е. Л. Кудрявцева* (научный руководитель международных сетевых лабораторий «Инновационные технологии в сфере поликультурного образования», Германия)
профессор, д-р пед. наук *Л. К. Мазунова* (БашГУ, Уфа, Россия)
доцент, канд. филол. наук *Д. И. Медведева* (УдГУ, Ижевск, Россия)
профессор, д-р филол. наук *С. Л. Мишланова* (ПГНИУ, Пермь, Россия)
профессор, д-р филол. наук *Д. А. Салимова* (ЕИ КФУ, Елабуга, Россия)
профессор, д-р филол. наук *И. Антанасиевич* (Белградский университет, Белград, Сербия)
профессор, д-р филол. наук *Е. В. Стоянова* (Шуменский университет им. епископа Константина Преславского, Шумен, Болгария)
и. о. профессора *S. O. Cheang* (Народный университет Женевы, Женева, Швейцария)
профессор *T. Easley-Giraldo* (Джонсон Каунти Комьюнити Колледж, Канзас, США)
профессор, д-р филол. наук, *R. G. Tirado* (член президиума МАПРЯЛ, Гранадский университет, Гранада, Испания)

Ответственный секретарь:

А. М. Шингаркина

Учредитель журнала:

ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»

Редакция:

426034, Удмуртская Республика,
г. Ижевск, ул. Университетская, д. 1, корп. 2, ауд. 310
Тел.: (3412) 916-267, e-mail: mnogoyaz@yandex.ru

Министерство образования и науки Российской Федерации
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
Институт языка и литературы
НОЦ «Инновационное проектирование
в мультилингвальном образовательном пространстве»
Учебно-методический центр «УдГУ-Лингва»
Международная лаборатория с распределенным участием
«Многоязычие и межкультурная коммуникация»

МНОГОЯЗЫЧИЕ в образовательном пространстве

Том 12

Научный журнал

Сборник научных трудов с 2009 г.
Научный журнал с 2016 г.

Материалы журнала размещаются на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной электронной библиотеки: <https://www.elibrary.ru/contents.asp?titleid=70320>;

Российской научной электронной библиотеки КиберЛенинка: <https://cyberleninka.ru/journal/n/mnogoyazychie-v-obrazovatelnom-prostranstve?i=1057774>;

Международной мультидисциплинарной базы данных научных журналов ResearchBible: <http://journalseeker.researchbib.com/view/issn/2500-3267> и на сайте научной библиотеки УдГУ: <http://elibrary.udsu.ru/xmlui/handle/123456789/16051>.

Ижевск 2020

EDITORIAL BOARD:

Editor-in-Chief:

L. M. Malykh (Udmurt State University, Izhevsk, Russia)

Deputy Editors:

T. S. Medvedeva (Udmurt State University, Izhevsk, Russia)

N. M. Shutova (Udmurt State University, Izhevsk, Russia)

Members of the Editorial Board:

N. V. Baryshnikov (Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia)

T. I. Zelenina (Udmurt State University, Izhevsk, Russia)

N. V. Kondrat'eva (Udmurt State University, Izhevsk, Russia)

E. L. Koudrjajtseva (International Network of Laboratories "Innovative Technologies in the Field of Multicultural Education," Germany)

L. K. Mazunova (Bashkir State University, Ufa, Russia)

D. I. Medvedeva (Udmurt State University, Izhevsk, Russia)

S. L. Mishlanova (Perm State University, Perm, Russia)

D. A. Salimova (Yelabuga Institute of Kazan Federal University, Yelabuga, Russia)

I. Antanasijevic (Belgrade University, Belgrade, Serbia)

V. Stoyanova (Bishop Konstantin Preslavski Shumen University, Shumen, Bulgaria)

S. O. Cheang (University Populaire of Geneva Canton, Geneva, Switzerland)

T. Easley-Giraldo (Johnson County Community College, Kansas, USA)

R. G. Tirado (Granada University, Granada, Spain)

Managing Editor:

A. M. Shingarkina

Founder of the Journal is Udmurt State University

Address for Correspondence:

Editorial Office, Russian Journal of Multilingualism and Education

1, Universitetskaya str., bld. II, room. 310,

Izhevsk 426034, Russia

phone: (3412) 916-267

e-mail: mnogoyaz@yandex.ru

RUSSIAN JOURNAL OF MULTILINGUALISM AND EDUCATION

Volume 12

The journal is included into the Russian Index of Scientific Citation (RISC) and is available on-line in eLIBRARY.ru: <https://www.elibrary.ru/contents.asp?titleid=70320>.

It is also available in one of the leading e-libraries of Russia "CyberLeninka": <https://cyberleninka.ru/journal/n/mnogoyazychie-v-obrazovatelnom-prostranstve?i=1057774>;

in Academic Resource Index "Research Bible" <http://journalseeker.researchbib.com/view/issn/2500-3267>.

You can also find it at the scientific library of Udmurt State University: <http://elibrary.udsu.ru/xmlui/handle/123456789/16051>.

Izhevsk 2020

СОДЕРЖАНИЕ

I. МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОЙ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ.....8

Медведева Т. С., Казакова В. Е.

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МЕТАФОРА В НЕМЕЦКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ
КАК ОТРАЖЕНИЕ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ
ОФИЦИАЛЬНЫХ ЗАЯВЛЕНИЙ ПАРТИИ «АЛЬТЕРНАТИВА ДЛЯ ГЕРМАНИИ»).....8

Сандлер М. Р.

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ В ЕВРОПЕ РУССКОГОВОРЯЩИХ
МИГРАНТОВ ИЗ КАТЕГОРИИ «WOMEN-MIGRANTS ADVANCED».....19

II. ЯЗЫКИ РОССИИ И МИРА В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ.....28

Абдуллабекова У. Б.

МОНОФИНИТНАЯ СЛОЖНАЯ КЛАУЗА В КУМЫКСКОМ ЯЗЫКЕ.....28

Каргушина Е. А.

ИНОЯЗЫЧНЫЕ ЭРГОНИМЫ И ОБЪЯВЛЕНИЯ В ЯЗЫКОВОМ ЛАНДШАФТЕ
СТОЛИЧНОГО ГОРОДА (НА ПРИМЕРЕ МОСКВЫ И ХЕЛЬСИНКИ).....36

Медведева Д. И., Дегтянникова М. С.

К ВОПРОСУ О СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИХ СХОДСТВАХ
ФРАНЦУЗСКОГО И СЕРБСКОГО ЯЗЫКОВ НА МОРФОЛОГИЧЕСКОМ УРОВНЕ.....45

III. РАННЕЕ ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННЫМ И НАЦИОНАЛЬНЫМ ЯЗЫКАМ.....52

Арекеева Ю. Е.

МЕТОДЫ ОБУЧЕНИЯ КИТАЙСКОМУ ИЕРОГЛИФИЧЕСКОМУ ПИСЬМУ
В РАННЕМ ВОЗРАСТЕ.....52

Хасанова Л. И., Петрова С. И.

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ ПРОГРАММА ЗНАКОМСТВА
ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА С УДМУРТСКИМ ЯЗЫКОМ И КУЛЬТУРОЙ
В ПОЛИЭТНИЧЕСКОМ РЕГИОНЕ.....60

IV. КОМПЕТЕНТНОСТНЫЙ ПОДХОД

К ОБУЧЕНИЮ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ.....69

Казанцева А. Н.

ФОРМИРОВАНИЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ
ДЛЯ НАЛАЖИВАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА
В ОБЛАСТИ ДОБРОВОЛЬЧЕСТВА.....69

Серпикова Н. В., Серпикова М. Б.

РОДНОЙ ЯЗЫК УЧАЩИХСЯ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ
ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ВО ВТОРОМ ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ.....77

V. ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС В КОНТЕКСТЕ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА И МНОГОЯЗЫЧИЯ.....	89
Логутенкова О. Н.	
ИЗУЧЕНИЕ ПОЭТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ НА ЗАНЯТИЯХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ В БИЛИНГВАЛЬНОЙ АУДИТОРИИ.....	89
Малых В. С.	
ТРАНСФОРМАЦИИ ВОЛШЕБНОЙ СКАЗКИ В «ГИБРИДНОЙ» НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ АМЕРИКАНСКОЙ И РУССКОЙ ПРОЗЫ XX ВЕКА).....	99
Сузанская Т. Н.	
СИМВОЛИСТЫ АНДРЕЙ БЕЛЫЙ И ДЖОРДЖЕ БАКОВИЯ: ИЗ ОПЫТА СОПОСТАВЛЕНИЯ СТИХОТВОРЕНИЙ О ЛЮБВИ.....	109
VI. ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА В МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ И МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ.....	118
Борисенко Ю. А., Панкратова Е. С.	
СПЕЦИФИКА ПЕРЕВОДА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ПРИЕМА НЕНАДЕЖНОЙ НАРРАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА М. ХЭДДОНА «ЗАГАДОЧНОЕ НОЧНОЕ УБИЙСТВО СОБАКИ»).....	118
Злобина О. Н., Ворожцов Г. Ю.	
ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ КИНО В АСПЕКТЕ ПЕРЕВОДА (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРЕВОДА НА РУССКИЙ ЯЗЫК ФИЛЬМА «A LIFE IN JAPAN» / «ЖИЗНЬ В ЯПОНИИ»).....	126
Рябкова И. П., Дерюгина А. А.	
ИСКУССТВОВЕДЧЕСКИЙ ТЕКСТ КАК ОБЪЕКТ ПЕРЕВОДА (НА МАТЕРИАЛЕ МУЗЕЙНЫХ ТЕКСТОВ НА РУССКОМ, АНГЛИЙСКОМ И ФИНСКОМ ЯЗЫКАХ).....	135
Чертоусова С. В.	
АДАПТАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ КАРТИНЫ МИРА В ПЕРЕВОДАХ СКАЗОК ОРАСИО КИРОГИ НА РУССКИЙ ЯЗЫК.....	142
Шамлиди Е. Ю.	
ЯЗЫК СМИ И ЕГО РОЛЬ В ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ).....	150
Шутова Н. М., Мощевитина В. А.	
СОВРЕМЕННАЯ СОЦИАЛЬНАЯ РЕКЛАМА: ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА (НА МАТЕРИАЛЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ РЕКЛАМЫ).....	163

CONTENTS

I. MIGRATION PROCESSES IN MODERN WESTERN EUROPE.....	8
Medvedeva T. S., Kazakova V. E.	
CONCEPTUAL METAPHOR IN THE GERMAN POLITICAL DISCOURSE AS A REFLECTION OF MIGRATION PROCESSES (BASED ON OFFICIAL STATEMENTS OF THE PARTY “ALTERNATIVE FOR GERMANY”).....	17
Sandler M. R.	
SOCIAL ADJUSTMENT IN EUROPE OF RUSSIAN SPEAKING MIGRANTS FROM THE CATEGORY “WOMEN-MIGRANTS ADVANCED”	26
II. COMPARATIVE STUDIES OF RUSSIAN AND OTHER WORLD LANGUAGES....	28
Abdullabekova U. B.	
MONOFINITE COMPLEX CLAUSE IN THE KUMYK LANGUAGE.....	34
Kartushina E. A.	
FOREIGN LANGUAGE ERGONYMS AND SIGNS IN THE LINGUISTIC LANDSCAPE OF THE CAPITAL CITY (TAKING MOSCOW AND HELSINKI AS AN EXAMPLE).....	44
Medvedeva D. I., Degtyannikova M. S.	
ON THE ISSUE OF STRUCTURAL-SEMANTIC SIMILARITIES OF THE FRENCH AND SERBIAN LANGUAGES AT THE MORPHOLOGICAL LEVEL.....	51
III. EARLY LANGUAGE TEACHING.....	52
Arekeeva Yu. E.	
METHODS OF TEACHING HIEROGLYPHIC WRITING AT AN EARLY AGE.....	59
Khasanova L. I., Petrova S. I.	
EXPERIMENTAL PROGRAMME ON THE UDMURT LANGUAGE AND CULTURE FOR PRESCHOOL CHILDREN IN A POLYETHNIC REGION.....	67
IV. COMPETENCE APPROACH TO TEACHING FOREIGN LANGUAGES.....	69
Kazantseva A. N.	
FOREIGN LANGUAGE COMMUNICATIVE COMPETENCE DEVELOPMENT AS A MEANS OF INTERNATIONAL VOLUNTEERING COOPERATION.....	75
Serpikova N. V., Serpikova M. B.	
STUDENTS’ NATIVE LANGUAGE AS A MEANS OF DEVELOPING LINGUISTIC COMPETENCE IN A FOREIGN LANGUAGE.....	86

V. LITERARY PROCESS IN A MULTICULTURAL AND MULTILINGUAL WORLD...89

Logutenkova O.N.

STUDYING POETRY WITH BILINGUALS IN A RUSSIAN LANGUAGE CLASS.....97

Malykh V. S.

TRANSFORMATION OF A FAIRY TALE IN «HYBRID» SCIENCE FICTION
(BASED ON AMERICAN AND RUSSIAN PROSE OF THE XXth CENTURY).....108

Suzanskaya T. N.

SYMBOLISTS ANDREY BELY AND GEORGE BACOVIA:
COMPARISON OF LOVE POEMS.....116

VI. TRANSLATION PROBLEMS IN CROSS-LANGUAGE AND CROSS-CULTURAL COMMUNICATION.....118

Borisenko Yu. A., Pankratova E. S.

SPECIFIC FEATURES OF TRANSLATING LITERARY TEXTS TOLD BY THE UNRELIABLE
NARRATOR (BASED ON “THE CURIOUS INCIDENT OF A DOG IN THE NIGHT-TIME”
BY M. HADDON).....125

Zlobina O. N., Vorozhtsov G. Y.,

DOCUMENTARY FROM TRANSLATION PERSPECTIVE
(BASED ON THE TRANSLATION OF THE DOCUMENTARY “A LIFE IN JAPAN”).....133

Ryabkova I. P., Deryugina A. A.

TRANSLATING TEXTS ON ART (ILLUSTRATED BY EXAMPLES
FROM MUSEUM TEXTS IN RUSSIAN, ENGLISH AND FINNISH).....140

Chertousova S. V.

ADAPTATION OF THE NATIONAL WORLD PICTURE IN RUSSIAN TRANSLATIONS
OF HORACIO QUIROGA’S TALES.....148

Shamlidi E. Yu.

MASS MEDIA LANGUAGE AND ITS ROLE IN TRANSLATION ACTIVITIES
(BASED ON ENGLISH MEDIA TEXTS).....161

Shutova N. M., Moshchevitina V. A.

CONTEMPORARY SOCIAL ADVERTISING: TRANSLATION PROBLEMS
(BASED ON ECO ADVERTISING).....172

I. МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОЙ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ

DOI: 10.35634/2500-0748-2020-12-8-18

УДК 811.112.2'373.612.2:32(045)

Медведева Т. С., Казакова В. Е.

Удмуртский государственный университет, Ижевск, Россия

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МЕТАФОРА В НЕМЕЦКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ КАК ОТРАЖЕНИЕ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ ОФИЦИАЛЬНЫХ ЗАЯВЛЕНИЙ ПАРТИИ «АЛЬТЕРНАТИВА ДЛЯ ГЕРМАНИИ»)

Статья посвящена изучению метафорических моделей как форм концептуально-метафорической репрезентации миграционной политики правительства ФРГ в текстах официальных заявлений представителей правой оппозиционной партии «Альтернатива для Германии» (АдГ). Цель исследования заключается в анализе особенностей функционирования концептуальных метафор в немецком политическом дискурсе, посвященном миграционным процессам. Материалом для исследования послужили тексты официальных заявлений правой партии «Альтернатива для Германии» (АдГ) за 2016 г. и 2019 г., представленные на сайте <https://www.afd.de/>: всего нами было проанализировано 70 текстов заявлений.

В настоящее время теория политической метафоры является одним из актуальных и активно развивающихся направлений современной лингвистики. Метафоризация миграционных процессов изучена, с нашей точки зрения, в недостаточной степени, что обусловило обращение к данной теме исследования. В результате исследования функционирования концептуальной метафоры в политическом дискурсе можно заключить, что метафора выступает в качестве одного из важнейших и наиболее действенных приемов манипулирования сознанием адресата и способствует формированию политической картины мира, выгодной адресанту. В ходе исследования проанализированы основные метафорические модели миграционных процессов в ФРГ, предложена классификация доминирующих метафор по сферам-источникам метафорической экспансии и предприняты попытки проследить динамику использования метафорических моделей. Как в 2016 г., так и в 2019 г. в официальных заявлениях партии АдГ активно употребляются природоморфные, антропоморфные, социоморфные метафорические модели. Но количество проанализированных метафор в 2016 г. в 1,5 раза превышает соответствующий показатель в 2019 г. и составляет 184 метафоры по сравнению с 120 в 2019 г. Как в 2016 г., так и в 2019 г. в качестве наиболее популярной выступает социоморфная метафорическая модель, но в 2019 г. частотность ее употребления значительно выше. Однако в 2016 г. она представлена дополнительно концептами религии и гостеприимства. В 2016 г. в два раза чаще употребляется природоморфная метафора. Доля антропоморфных когнитивных образов в рассмотренные нами временные отрезки остается неизменной.

Ключевые слова: концептуальная метафора, метафорическая модель, политический дискурс, миграционные процессы, партия «Альтернатива для Германии».

Сведения об авторах:

Медведева Татьяна Сергеевна, кандидат филол. наук, доцент, профессор кафедры перевода и прикладной лингвистики (английский и немецкий языки) Института языка и литературы, Удмуртский государственный университет (г. Ижевск); e-mail: ts_medved@mail.ru.

Казакова Валерия Евгеньевна, магистр лингвистики Института языка и литературы, Удмуртский государственный университет (г. Нижний Новгород); e-mail: valeriyakazakova@yandex.ru.

Введение

Изучение различных лингвистических средств и способов воздействия на адресата остается в центре внимания лингвистов, занимающихся проблемами политического дискурса. Особое внимание уделяется изучению функционирования концептуальных метафор. В настоящее время теория политической метафоры является одним из наиболее перспективных и активно развивающихся направлений современного языкознания. Значительный вклад в разработку теоретических проблем политической лингвистики и метафорологии внесли работы А. П. Чудинова [Чудинов 2012, 2013]. Ряд авторов специальных исследований сосредотачивают свое внимание на детальном описании какой-либо одной (или нескольких) метафорических моделей в политическом дискурсе разных лингвокультур. Предметом исследования Е. И. Чепановой послужила политическая метафора в современной прессе ФРГ [Чепанова, 1999], а Н. С. Воронова сосредоточила свое внимание на описании политической метафоры в немецком и русском языках [Воронова, 2003]. Однако метафоризация современных процессов в сфере миграционной политики ФРГ, с нашей точки зрения, проанализирована в недостаточной степени, чем и обусловлен выбор темы.

Предметом нашего исследования послужили метафорические модели как формы концептуально-метафорической репрезентации миграционной политики правительства ФРГ в текстах официальных заявлений представителей правой оппозиционной партии «Альтернатива для Германии» (АдГ). Цель исследования заключается в анализе особенностей функционирования концептуальных метафор, реализующихся в определенных метафорических моделях, в немецком политическом дискурсе, посвященном миграционной политике правительства ФРГ.

Материалом для исследования послужили тексты официальных заявлений правой партии «Альтернатива для Германии» (АдГ) за 2016 г. и 2019 г., представленные на сайте <https://www.afd.de/>. Всего нами было проанализировано 70 текстов заявлений. АдГ не признает ислам и связанную с ним культуру частью немецкого общества и подчеркивает необходимость сохранения традиционных немецких ценностей. В связи с этим партия АдГ настаивает на ограничении притока беженцев из мусульманских стран. Для этого данная партия считает необходимым закрыть границы Евросоюза, создать лагеря для временного пребывания мигрантов (в процессе присвоения им статуса беженцев) за пределами Германии, чтобы не нарушать сложившийся в стране общественный порядок. Для временно находящихся в стране должны быть созданы финансовые условия, мотивирующие их покинуть Германию. Риторика данной партии, активно выступающей за изменение миграционной политики Германии в отношении беженцев, особенно показательна в плане метафорического представления миграционных процессов, что способствует формированию политической картины мира, выгодной адресанту. При этом концептуальная метафора является одним из действенных приемов манипулирования сознанием адресата.

Выбор временных отрезков для исследования (2016 г. и 2019 г.) объясняется следующим образом. За 2015 г. в ЕС прибыло, по разным оценкам, от 1 до 1,8 миллиона беженцев и нелегальных мигрантов, что явилось причиной миграционного кризиса. Нами предпринята попытка проследить, насколько изменились общее количество метафор и частотность отдельных метафорических моделей в исследуемых текстах при представлении процессов миграции с начала миграционного кризиса и до настоящего времени.

Основными методами исследования являются метод контекстного анализа, метод когнитивного анализа, метод метафорического моделирования, элементы метода количественного анализа, а также описательный метод, состоящий в обобщении, интерпретации и описании полученных данных.

Научная новизна исследования заключается в разработке классификации изученных метафорических моделей по сферам-источникам метафорической экспансии, анализе корпуса текстов, посвященных миграционной политике правительства ФРГ, на основании предложенной классификации, а также в сопоставительном анализе выявленных метафорических моделей в выборке текстовых источников за 2016 г. и за 2019 г.

1. Концептуальная метафора как способ языковой репрезентации политической действительности

В качестве одного из важнейших и наиболее действенных речевых приемов манипулирования сознанием адресата выступает концептуальная метафора, с помощью которой можно достраивать и искажать реальность носителей языка, вызывать у них определенное эмоциональное состояние и тем самым побуждать к действию. Под концептуальной метафорой мы понимаем когнитивный механизм, основанный на установлении связей между концептами, относящимися к разным областям знания [Лакофф, Джонсон, 2004].

Согласно теории концептуальной метафоры, метафорические процессы основываются на взаимодействии двух структур знаний: сферы-источника и сферы-мишени, которые не эквивалентны друг другу. Сфера-источник представляет собой более конкретное знание, приобретаемое человеком из личного опыта, в процессе взаимодействия с окружающим миром, и оформленное в виде «схем образов», с которыми мы сталкиваемся каждый день. Сфера-мишень, напротив, являет собой некую абстракцию, невозможность осознания которой и приводит к метафоризации. В процессе метафоризации происходит однонаправленная метафорическая проекция, «приводящая к тому, что некоторые области цели структурируются по образцу источника» [Баранов, 2014: 29].

Под метафорической моделью понимается существующая и / или складывающаяся в сознании носителей языка схема связи между понятийными сферами, которую можно представить определенной формулой: $X - это Y$ [Чудинов, 2013: 27]. А. П. Чудинов полагает, что метафорическая модель складывается из ряда компонентов, среди которых необходимо выделить следующие: сфера-источник метафорической экспансии, т. е. исходная понятийная область, свойства которой лежат в основе метафорической трансляции; сфера-мишень – новая понятийная область, задающая направление метафорической экспансии и представляющая собой цель метафорического переноса, в ходе которого она моделируется по образу сферы-источника [Чудинов, 2012: 132].

Таким образом, концептуальная метафора в политическом дискурсе, являясь инструментом познания, способствует пониманию разворачивающихся политических процессов, моделированию политической действительности и выполняет ряд важных функций в политической коммуникации, каковыми являются когнитивная, коммуникативная прагматическая функции.

В настоящее время существует множество подходов к изучению и классификации метафорических моделей, которые во многом определяются целями исследователя. В настоящем исследовании мы сосредоточим свое внимание, прежде всего, на комплексном описании метафор, исходя из сфер-источников метафорического переноса, классификация которых, согласно Э. В. Будаеву и А. П. Чудинову, может быть представлена следующим образом [Будаев, Чудинов, 2006: 119]:

- природоморфная метафора: живая и неживая природа служит источником вдохновения, из которого человек черпает новые идеи и в котором находит

ответы на многие занимающие его вопросы, что нашло свое отражение и в языковой картине мира представителей различных лингвокультур. «Животный мир», «стихийные бедствия», «климат и погода», «рельеф» и другие понятийные сферы позволяют индивиду интерпретировать конкретные политические явления с помощью хорошо знакомых концептов.

- антропоморфная метафора: человек пытается объяснить политические реалии, проводя параллели с устройством собственного организма и своим душевным складом и, тем самым, моделируя политическую реальность по своему образу и подобию.
- социоморфная метафора предполагает моделирование мира политики по образцу других сфер социальной деятельности человека. Среди сфер-источников социоморфной метафоры можно выделить следующие: «война», «криминальный мир», «экономика», «театр» и др.
- артефактная метафора: в результате созидательной деятельности человека появляются те или иные продукты, т. е. артефакты (например, «домашняя утварь», «инструменты», «транспорт»), которые выступают в роли источника метафорической трансляции и способствуют концептуализации политической сферы.

Далее мы рассмотрим метафорические модели, репрезентирующие миграционные процессы в изученном нами материале. В связи с тем, что рамки статьи не позволяют представить детальный анализ всех метафорических моделей, мы ограничиваемся изучением природоморфной, антропоморфной и социоморфной метафорических моделей.

2. Анализ метафорических моделей миграционных процессов в ФРГ

2.1. Природоморфная метафорическая модель

Природоморфная метафора широко представлена в официальных заявлениях партии «Альтернатива для Германии», посвященных миграционной политике правительства: в 2016 г. доля метафор со сферой-источником «неживая природа» составила 15,8%, в 2019 г. – 8,3%, сократившись почти в два раза, что, вероятнее всего, обусловлено снижением количества соискателей убежища в Германии. Наиболее активно используемой среди метафор с данной сферой-источником является метафора «стихийные бедствия», а именно «наводнение, водные массы». Так, с точки зрения лидера партии АдГ А. Гауланда, политические беженцы подобны неконтролируемому потоку, хлынувшему в страну и представляющему угрозу для всех ее жителей: *Erstens hat man dort erkannt, dass der unkontrollierte Migrantenstrom eine Bedrohung und kein Segen für die Gesellschaft ist.* Он убежден, что волны мигрантов стали непосильной ношей, как для общества, так и для всего государства: *...und dem eigenen Staat, der mit den Migrantenwellen noch immer vollkommen überfordert ist;* они угрожают ввергнуть Европу в катастрофу *steuern wir in die Katastrophe, das sich abzeichnende Integrationsdesaster.*

Таким образом, использование концептуальной метафоры со сферой-источником «стихийное бедствие» позволяет представить миграционные процессы как надвигающуюся неотвратимую угрозу. Германия при этом рассматривается как зона бедствия, а ее жители – как жертвы, пострадавшие от природной катастрофы. Примечателен тот факт, что понятие «катастрофа» в официальных заявлениях партии АдГ, относится не к судьбам беженцев или ситуации в их родных странах, где царят война, голод и разруха, а к экономическим затруднениям, с которыми приходится сталкиваться гражданам принимающих государств.

Данные примеры приводят к выводу о сознательном обесценивании личной трагедии мигрантов, которым в поисках безопасного убежища пришлось покинуть родную страну, и, вместе с тем, о деперсонализации беженцев, которые в речах функционеров АдГ уподобляются холодным и бесчувственным водным массам, что ведет к достраиванию социальной картины мира носителей языка.

2.2. Антропоморфная метафорическая модель

Метафорическая картина мира, создаваемая человеком, во многом антропоцентрична. Поэтому антропоморфная метафора понятна подавляющему большинству адресатов, что и обуславливает ее манипулятивный потенциал. В работе, посвященной метафоризации миграционных процессов в публицистическом дискурсе США, исследователи подчеркивают, что физиологическая метафора (в частности, метафора болезни) выступает в качестве доминирующей метафорической модели, привносящей в осмысление иммиграции негативные смыслы [Santa Ana, 2002: 231]. Так и в риторике партии АдГ антропоцентричным метафорическим образам отводится важная роль: частотность их употребления составила 15,2% в официальных заявлениях партийных деятелей в 2016 г. и 12,5% в 2019 г.

С понятием «болезнь» связаны прежде всего такие понятия, как симптомы, диагноз, страдания, боль, страх перед заражением и смертью. Так, в одном из текстов содержится призыв прекратить дебаты о «симптоматике» и, наконец, приступить к «лечению заболевания»: *nicht über **Symptome** debattieren, sondern die **Krankheit heilen***. Партийные деятели обращают внимание адресата на тот факт, что все предлагаемые официальным правительством меры по решению миграционных проблем являются «плацебо», то есть всего лишь имитацией лекарственного средства без явных лечебных свойств, что может повлечь за собой неприятные «побочные эффекты»: *Dieser gefeierte Konsens ist eine Ansammlung von politischen **Placebomaßnahmen**, die zum Teil **erhebliche Nebenwirkungen** haben könnten*.

Кроме того, с точки зрения представителей АдГ, миграционная политика правительства подобна «сильному похмелью», наступившему после бурного праздника в честь прибытия гостей, которое не только не проходит, но с каждым днем становится все нестерпимее: *Der **Kater** nach der Willkommensparty wird immer **schmerzhafter***. Следует отметить, что спекуляция на тему «психического здоровья» правительства государства занимает одну из центральных позиций в партийном дискурсе АдГ. Лидеры партии А. Гауланд и Б. фон Шторх призывают ведущих политических деятелей страны «покинуть тропу безумия» и «обратиться к здравому смыслу», потому как подобная «бездумная политика» может привести к краху всего государства: *...endlich auch **den Pfad des Irrsinns zu verlassen und zur Vernunft in der Migrations- und Asylpolitik zurückzukehren**. Die **kopflose Politik** der Bundesregierung wird dieses Land in wenigen Jahren an den Rand des wirtschaftlichen und politischen **Zusammenbruchs** bringen*.

При этом в изученных нами официальных заявлениях АдГ нет ни одного упоминания эффективных мер, принятых правительством ФРГ для решения миграционных проблем, в результате чего у адресата создается впечатление, что их и вовсе не существует, а все действия, совершаемые политиками, продиктованы их «безумием» или же являются всего лишь «плацебо». Таким образом, мы можем говорить о предвзятой аргументации политической партии АдГ при помощи концептуальных метафор, ориентированной на снижение рейтинга находящегося у власти правительства Германии.

2.3. Социоморфная метафорическая модель

В рассмотренных нами официальных заявлениях партии АдГ социоморфная метафора является наиболее распространенной: в 2016 г. частотность ее употребления составила 38% от общего числа метафорических моделей, а в 2019 г. доля метафор, сферой-источником которых выступает та или иная область социальной жизни, составила 56%.

Как и сама социальная жизнь, социоморфная метафора отличается многообразием и неоднородностью состава и включает такие понятийные сферы-источники, как *театр, война, экономика, криминальный мир* и др.

В театральной метафоре, как правило, заложена негативная коннотация, ее прагматический потенциал, согласно А. П. Чудинову, определяется ярким концептуальным вектором неискренности, искусственности, ненатуральности, имитации реальности [Чудинов, 2003: 114].

Идеи фальши, лицедейства и двуличия правительства Германии активно эксплуатируются в риторике АдГ: миграционная политика государства в интерпретации лидеров партии подобна шоу иллюзионистов, в котором за масками умелых фокусников скрываются ведущие государственные деятели, пытающиеся с помощью своих «дешевых трюков» ввести в заблуждение граждан: ...*dass Horst Seehofers Obergrenze für die Aufnahme von Asyl-Migranten und Flüchtlingen nichts weiter ist als ein billiger Trick zur Irreführung der Bürger und Wähler.*

Предаваясь своим «несбыточным мечтам», создавая альтернативный мир, мир иллюзий и обмана, и пытаясь тем самым отвлечь внимание публики от суровых реалий миграционной действительности, правительство, с точки зрения АдГ, не способно осуществлять управление государством: *Statt ihren verfassungsrechtlichen Verpflichtungen nachzukommen, gibt sich die Kanzlerin einmal mehr ihren europäischen Träumereien hin.*

Чтобы подчеркнуть несостоятельность политиков, пребывающих в мире иллюзий, члены партии АдГ обращаются к таким ярким образам, как «лопнувший пузырь сказок о миграции» и оказавшийся «химерой» успех правительства в трудоустройстве мигрантов: *Eine weitere Seifenblase der Migrations-Märchen ist geplatzt. Das vermeintliche Asyl-Jobwunde <...> erweise sich somit als Chimäre.*

Несмотря на то, что в высказываниях партии АдГ члены правительства представлены мошенниками, которые путем обмана граждан пытаются добиться своих целей, в то же время они вызывают жалость, потому как сами оказываются заложниками собственных иллюзий, постепенно растворяясь в них. Так, один из лидеров партии АдГ А. Вайдель называет министра внутренних дел Германии Хорста Зеехофера, потерпевшего сокрушительную неудачу в своем проекте соглашения по вопросу о приеме мигрантов другими странами ЕС, «рыцарем печального образа»: *Als Ritter von der traurigen Gestalt stehe auch Bundesinnenminister Horst Seehofer da, dessen groß angekündigte Rückführungsabkommen sich als totaler Reinfall erwiesen haben.*

Таким образом, адресат, потенциальный избиратель, голос которого может повлиять на партийный состав парламента в предстоящих выборах, все больше убеждается в беспомощности и растерянности действующего правительства, которое предается романтическим мечтам о мультикультурном обществе: *Gleichzeitig zeugt der Vorschlag von Herrn Linnemann aber auch von einer gewissen Hilflosigkeit, ... dass sich die CDU auch unter Annegret Kramp-Karrenbauer nicht von ihrer Multikulti-Romantik trennen kann.*

К числу наиболее распространенных социоморфных метафорических моделей в современном немецком политическом дискурсе также относятся метафоры со сферой-источником **война**: в проанализированном нами материале их доля от общего количества социоморфных метафор составила 23% в 2016 г. и 25% в 2019 г. Если же рассматривать абсолютные показатели, принимая во внимание все исследованные нами метафорические модели, то милитарные метафоры встречаются в 9% случаев в 2016 г. и в 14% случаев в 2019 г.

Э. В. Будаев и А. П. Чудинов придерживаются мнения, что «метафорический милитаризм» – это не свойство какого-то одного национального сознания, а некоторая глобальная закономерность современной политической метафорики [Будаев, Чудинов, 2006: 121]. А. Н. Баранов и Ю. Н. Караулов также подчеркивают, что война представляет собой одну из наиболее значимых сфер опытного знания человечества, и военная метафора явно относится к числу базовых, что подтверждается высокой степенью детализации тезауруса, а также высокой продуктивностью этой метафорической модели в политическом дискурсе [Баранов, Караулов, 1991: 189].

В речах партийных функционеров миграционные процессы представлены как экспансия и попытка насильственного захвата территории и власти, в связи с этим Европа, в частности Германия, рассматривается как поле боя, окруженное линией фронта, на котором разворачиваются широкомасштабные военные действия: *Das kleine Land*

Mazedonien **verteidigt** derzeit ganz Europa gegen den Ansturm von illegalen Zuwanderern, Dass die EU und allen voran Frau Merkel eines der kleinsten und schwächsten Länder **an dieser Front im Stich lässt, ist schäbig.**

Один из лидеров партии АдГ А. Гауланд открыто называет беженцев из мусульманских стран «*врагами государства и общества*» ...*diese Frau verharmlost offen islamistische Feinde des Staates und der Gesellschaft*, а его коллега, политик А. Вайдель предостерегает, что молодые мигранты, «*бросая вызов общественному порядку*» и «*корча из себя новых господ*», тем самым предпринимают «*попытку к захвату страны*» и ставят под вопрос авторитет власти: *Junge Migranten, die sich als neue Herren aufspielen und organisiert die öffentliche Ordnung herausfordern, proben die Landnahme und stellen letztlich die Machtfrage in der Gesellschaft.*

Другой партийный деятель АдГ, Г. Паздерский, концептуализирует миграционные процессы как террор, представляющий серьезную угрозу всему обществу, «*бомбу с часовым механизмом*». Кроме того, он подчеркивает, что массовая миграция из арабских и африканских стран подобна «*взрывчатке*» для всей социальной и политической системы Германии: ... *dass wir in Deutschland auf einer gefährlichen Zeitbombe sitzen, deren erster Sprengsatz jetzt gezündet wurde.*

В сложившейся ситуации жители Германии представлены невинными жертвами происходящего: государство «*берет их в заложники*», пытаясь ценой человеческих страданий искупить свои ошибки: *Der Staat nimmt die Steuerzahler in Geiselhaft für seine Fehler.* При этом спикеры АдГ подчеркивают, что правительство страны, призванное, в первую очередь, защищать интересы граждан, бездействует и не принимает никаких мер, чтобы остановить дальнейшую «*экспансию иностранных захватчиков*»; более того, оно давно уже сдалось, признало свою несостоятельность и объявило о «*капитуляции перед миграцией*»: *Die fatalistische Erkenntnis, dass viele ja ohnehin blieben und man deshalb nichts anderes machen könne, ist eine Kapitulationserklärung.*

Единственной политической силой, еще сохранившей здравый смысл и готовой дать отпор «*врагу*», является (с точки зрения ее же представителей) партия «*Альтернатива для Германии*», которая примеряет на себя роль защитницы национальных интересов и призывает население оказать «*решительное сопротивление*» творящемуся «*безумию*»: *Wir müssen nun zeigen, dass wir eine wehrhafte Nation sind, dass wir niemals akzeptieren werden, wenn Terroristen unsere Grundfesten bedrohen. ... ist es höchste Zeit, sich diesem Irrsinn entgegenzustellen.*

Лидеры партии апеллируют к одному из ключевых концептов немецкой культуры – концепту **Sicherheit** (определенность, уверенность, безопасность), который ставится под угрозу из-за политики открытых границ правительства ФРГ ...*wie leichtfertig die Bundesregierung mit ihrer Politik der offenen Grenzen die Sicherheit der Bürger aufs Spiel gesetzt hat; Jetzt steht fest: Deutschland ist durch Merkels unverantwortliche Politik unsicherer geworden.*

Не менее важную роль в метафоризации миграционных процессов в Германии представителями партии АдГ играет **экономическая** метафорическая модель: в 2016 г. она составила 22% всех социоморфных метафор и 8,2% от общего количества рассмотренных метафор; в 2019 г. эти показатели составили 22% и 11,6% соответственно. А. П. Чудинов подчеркивает, что в данном случае происходит концептуализация политических ресурсов как материальных средств, а различные политические явления рассматриваются с позиций выгодной продажи или покупки, прибыли или убытков, бережливости или расточительства, накопления капитала или банкротства», что приводит «к переносу рациональных и эмоциональных оценок с экономических феноменов на политические» [Чудинов, 2003: 83].

В текстах заявлений АдГ миграционная политика правительства представлена как «*невыгодная, убыточная сделка*», стоившая огромных затрат, покрываемых за счет средств

немецких налогоплательщиков: *Die Politik dieser Regierung ist für die Steuerzahler und die deutsche Volkswirtschaft ein **Milliarden-Minusgeschäft**; Damit bleibe die unkontrollierte Einwanderung der letzten Jahre aus volkswirtschaftlicher Sicht ein **Verlustgeschäft**.*

Стране, по мнению АдГ, грозит *экономическая катастрофа* и «объявление о банкротстве» правительства А. Меркель: *Eine **ökonomische Katastrophe** bahnt sich an: Bereits jetzt hält der Bundesrechnungshof die **Kosten für die Asylkrise für unüberschaubar**; Merkels erneute Kanzlerkandidatur ist eine weitere **Bankrotterklärung** der Union.*

Лидеры АдГ концептуализируют миграцию как *нечестный, односторонний экономический обмен*, в рамках которого правительство предоставляет беженцам различные блага (жилье, питание, медицинское обслуживание, карманные деньги) – порою в большем размере, нежели немецким гражданам, нуждающимся в социальной помощи, – не требуя ничего взамен: *Sogenannte **Flüchtlinge** werden bei uns rundum versorgt – mit Miete, Essen, Kleidung, Gesundheitsversorgung – und bekommen dann noch jeden Monat die Geldbörse mit so viel Taschengeld gefüllt.*

В официальных заявлениях деятелей партии АдГ правительство страны предстает не только как неэффективный менеджер, который не в силах справиться с управлением страной, в том числе ее финансовыми ресурсами, но более того, как «*шайка мошенников*», которые, преследуя собственные меркантильные цели, злоупотребляют властью и готовы преступить закон. Как отмечает А. П. Чудинов, *криминальная метафора* пронизана концептуальными векторами тревожности, опасности, агрессивности, противоестественности существующего положения дел, резкого противопоставления своих и чужих [Чудинов, 2003: 104]. Хотя доля криминальной метафоры среди социоморфных метафор, а также от общего количества всех метафор в риторике партии АдГ сравнительно невелика (в 2016 г. эти показатели составили 14% и 5, 4% соответственно, в 2019 г. – 11% и 5,8% соответственно, она представляет особую важность. Как известно, 2015–2016 гг. ознаменованы для Германии громкими скандалами и ростом преступности среди новоприбывших беженцев (в качестве примера можно привести массовые нападения на женщин в Кельне выходцами из Северной Африки в канун наступления 2016 г.), что обуславливает более высокую частотность употребления криминальной метафоры в текстах 2016 г.

Так, глава партии АдГ А. Гауланд обвиняет действующее правительство страны в умышленном сокрытии, искажении информации о реальном положении дел в области миграционной политики, а также в манипуляции данными: *Die **Zahlenspielerien** der Bundesregierung bekräftigen, dass Horst Seehofers Obergrenze <...> nichts weiter ist als ein billiger Trick; Durch **Statistik-Manipulationen** wird die Zahl der Asyl-Migranten <...> um keinen einzigen reduziert.* По мнению представителей АдГ, нечистое на руку правительство Германии ведет «закулисные торги» и вступает в «сомнительную, грязную сделку» с президентом Турции Р. Эрдоганом: *Jetzt zeigt sich, was uns Merkels **unsauberer Kuhhandel** mit der türkischen Führung kostet.* В связи с этим в сознании адресата вполне ожидаемо зарождаются сомнения в компетентности министров и самого федерального канцлера в вопросах управления страной, что и является основной целью использования таких ярких метафорических образов политиками АдГ.

Следует отметить, что исследователи, изучающие немецкую культуру, называют в качестве отличительной особенности немецкого менталитета стремление к порядку и высокую степень организованности во всех сферах жизни [Медведева, Опарин, Медведева, 2011]. К этой базовой ценности носителей немецкой лингвокультуры и апеллируют деятели АдГ, концептуализируя миграционные процессы как хаос и беспорядок. Глава партии А. Гауланд утверждает, что страна ввергнута в *хаос* неумелым руководством, а правительство давно потеряло *контроль* над происходящим. Поэтому, с его точки зрения, в качестве одной из первоочередных задач, стоящих перед командой А. Меркель, выступает восстановление *порядка* в стране: *Es zeigt wie **chaotisch** die Zustände in Deutschland sind; Zu Recht kritisieren*

die Polizeibeamten den politisch verordneten **Kontrollverlust**; Es ist allerhöchste Zeit, dass die Bundesregierung endlich handelt und die **Ordnung in Deutschland wieder herstellt**.

Следует отметить, что для того, чтобы подчеркнуть различия между традиционными ценностями немецкой христианской культуры и чуждой ей мусульманской, члены партии АдГ прибегают к использованию *религиозной* метафорической модели. А. Гауланд считает, что бундесканцлер А. Меркель прилагает все усилия для сохранения репутации «доброй самаритянки»: *Sie will die Drecksarbeit von anderen machen lassen, ohne ihren Ruf als **strahlende Samariterin** zu gefährden*. В текстах заявлений АдГ содержится указание на прямую связь между мусульманской верой и террористическими организациями и на исходящую от них угрозу традиционному христианскому обществу: ... *dass es sich um einen gezielten Angriff auf unsere **christlich-abendländische Kultur** und unsere Wertvorstellungen durch den **Islamismus** handelt. Wir müssen nun zeigen, dass wir eine wehrhafte Nation sind, dass wir niemals akzeptieren werden, wenn **Terroristen unsere Grundfesten bedrohen***.

В исследуемых текстах функционирует и метафорическая модель *гостеприимство*. Лидеры АдГ изображают главу государства А. Меркель радушной хозяйкой, «покровительницей беженцев», с распростертыми объятиями принимающей долгожданных гостей. Однако ее правительство забывает предупредить граждан, что «культура гостеприимства» основывается исключительно на их налоговых взносах: *Frau Merkel hat sich ausschließlich als **Flüchtlingskanzlerin** zum Schaden Deutschlands profiliert; Dass bisher noch immer keine seriösen Kostenpläne des Bundes vorliegen, liegt sicherlich daran, dass vor lauter **Willkommenskultur** blind auf die sprudelnden Steuereinnahmen vertraut wird*.

В текстах заявлений АдГ подчеркивается, что в своем стремлении достичь мультикультурализма любой ценой действующее правительство закрывает глаза на пренебрежительное отношение мигрантов к *ценностям принимающей культуры* и даже на открытое злоупотребление предоставляемой им помощью: ... *und der Polizei für das konsequente Einschreiten gegen einen gefährlichen Terroristen danken, der **die Hilfsbereitschaft seines Gastlandes** in schändlichster Weise **missbraucht** hat; ...und öffentlich bekunden, sie stünden nicht für **die Werte ihres Gastgebers***.

Завершая анализ языкового материала, следует отметить, что, несмотря на возросший интерес к теории концептуальной метафоры, концептуализация миграционных процессов в немецком политическом дискурсе не изучена в достаточной мере. Таким образом, данная тема обладает значительным потенциалом для дальнейшего исследования на материале текстов заявлений других политических партий.

Заключение

В результате исследования функционирования концептуальной метафоры в политическом дискурсе можно заключить, что метафора выступает в качестве одного из важнейших и наиболее действенных приемов манипулирования сознанием адресата и способствует формированию политической картины мира, выгодной адресанту. В ходе исследования проанализированы основные метафорические модели миграционной политики ФРГ в текстах официальных заявлений партии «Альтернатива для Германии» за 2016 г. и 2019 г., предложена классификация доминирующих метафор по сферам-источникам метафорической экспансии и предприняты попытки проследить динамику использования метафорических моделей. Как в 2016 г., так и в 2019 г. в официальных заявлениях партии АдГ активно употребляются природоморфные, антропоморфные и социоморфные метафорические модели. Но количество проанализированных метафор в 2016 г. в 1,5 раза превышает соответствующий показатель в 2019 г. и составляет 184 метафоры по сравнению с 120 в 2019 г. Как в 2016 г., так и в 2019 г. в качестве наиболее популярной выступает социоморфная метафорическая модель, но в 2019 г. частотность ее употребления значительно выше. Однако в 2016 г. она представлена дополнительно концептами

религии и гостеприимства. В текстах 2016 г. в два раза чаще употребляется природо-морфная метафора. Доля антропоморфных когнитивных образов в рассмотренные нами временные отрезки остается неизменной. «Риторическая активность» представителей АдГ на начальном этапе миграционного кризиса может быть обусловлена рядом факторов: прежде всего, растерянностью, царящей в обществе, в связи с беспрецедентностью происходящего, в результате которой граждане более подвержены влиянию различного рода манипулятивных приемов; но также и предстоящими в 2017 г. выборами в немецкий парламент (Бундестаг).

В заключение следует отметить, что в данной статье рассмотрены особенности функционирования концептуальных метафор в немецком политическом дискурсе, посвященном миграционным процессам, на материале текстов заявлений одной из политических партий Германии. Мы видим перспективу исследования в изучении данной тематики на материале текстов заявлений других политических партий, посвященных миграционной политике ФРГ, в частности, партии «Христианско-демократический союз» (ХДС).

Литература:

1. Чудинов А. П. Политическая лингвистика: учеб. пособие. 4-е изд. М.: Флинта, 2012.
2. Чудинов А. П. Очерки по современной политической метафорологии. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2013.
3. Чепанова Е.И. Политическая метафора в современной прессе ФРГ: дис. ... канд. филол. наук. Саранск, 1999.
4. Воронова Н.С. Политическая метафора в немецком и русском языках: дис. ... канд. филол. наук. М., 2003.
5. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: пер. с англ. под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004.
6. Баранов А. Н. Дескрипторная теория метафоры. М.: Языки славянской культуры, 2014.
7. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Метафора в политическом интердискурсе. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2006.
8. Santa Ana O. Brown Tide Rising: Metaphors of Latinos in Contemporary American Public Discourse. Austin: University of Texas, 2002.
9. Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2003.
10. Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Русская политическая метафора (материалы к словарю). М.: Изд-во Института русского языка Академии наук СССР, 1991.
11. Медведева Т. С., Опарин М. В., Медведева Д. И. Ключевые концепты немецкой лингвокультуры. Ижевск: Изд-во Удмурт. гос. ун-та, 2011.

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Medvedeva T. S., Kazakova V. E.
Udmurt State University, Izhevsk, Russia

CONCEPTUAL METAPHOR IN THE GERMAN POLITICAL DISCOURSE AS A REFLECTION OF MIGRATION PROCESSES (BASED ON OFFICIAL STATEMENTS OF THE PARTY “ALTERNATIVE FOR GERMANY”)

The paper considers the metaphorical models as a way of conceptual-metaphorical representation of migration policies pursued by the German federal government in the texts of official statements of the right-wing opposition party “Alternative for Germany” (AfD). The study aims at analyzing the functioning of conceptual metaphors in the German political discourse focused on migration

processes. The study is based on the texts of AfD's official statements within the 2016th and the 2019th years posted on the website <https://www.afd.de/>. The overall number of the analyzed texts is 70. The theory of political metaphor is currently one of the most urgent and dynamic fields of linguistics. In our opinion, the metaphorization of migration processes is understudied and needs addressing the topic. As a result of the research, the conclusion is made that the metaphor serves as one of the most important and effective ways of manipulation aimed at controlling the public awareness and contributing to shaping political viewpoints that benefit the addresser. Throughout the study we analyzed the basic metaphorical models used to describe migration processes in Germany; a classification of predominant metaphors based on the sources of metaphorical expansion was worked out. Besides, we tried to trace the dynamics of using the metaphorical models within the four-year period. In 2016 as well as in 2019 nature-morphic, anthropomorphic, sociomorphic models were widely used in the official statements of the AfD party. However, the number of the metaphors in the texts dated 2016 is half as much as in 2019 (184 versus 120). In both periods of time the sociomorphic model proved to be the most popular but it is much more frequent in 2019. However, in the texts dated 2016 it comprises additional concepts of religion and hospitality. The nature-morphic metaphor is twice more frequent in 2016. The percent of anthropomorphic and cognitive metaphors in both periods of time remains unaltered.

Key words: conceptual metaphor, metaphorical model, political discourse, migration processes, party "Alternative for Germany."

About the authors:

Medvedeva Tatyana Sergeevna, Candidate of Philology, Associate Professor, the Department of Translation and Applied Linguistics (English and German), the Institute of Language and Literature, Udmurt State University (Izhevsk, Russia); e-mail: ts_medved@mail.ru.

Kazakova Valeria Evgenyevna, Master of Linguistics, Institute of Language and Literature, Udmurt State University (Nizhny Novgorod); e-mail: valeriyakazakova@yandex.ru.

References:

1. Chudinov, A. P. *Political Linguistics*. 4th ed. Moscow, 2012.
2. Chudinov, A. P. *Topics in Modern Political Metaphorology*. Yekaterinburg, 2013.
3. Chepanova, E. I. *Political Metaphor in Modern Press of the Federal Republic of Germany*, Cand. Sci. (Philol.) Dissertation, Saransk, 1999.
4. Voronova, N. S. *Political Metaphor in the German and Russian Languages*, Cand. Sci. (Philol.) Dissertation, Moscow, 2003.
5. Lakoff, J., Johnson, M. *Metaphors we live by*. Translated from English. Edited and foreworded by A. N. Baranov. Moscow, 2004.
6. Baranov, A. N. *Descriptive Theory of Metaphor*. Moscow, 2014.
7. Budayev, E. V., Chudinov, A. P. *Metaphor in the Political Inderdiscourse*. Yekaterinburg, 2006.
8. Santa Ana, O. *Brown Tide Rising: Metaphors of Latinos in Contemporary American Public Discourse*. Austin, 2002.
9. Chudinov, A. P. *Metaphorical Mosaic in the Modern Political Communication*. Yekaterinburg, 2003.
10. Baranov, A. N., Karaulov, Yu. N. *Russian Political Metaphor (Materials for the Dictionary)*. Moscow, 1991.
11. Medvedeva, T. S., Oparin, M. V., Medvedeva, D. I. *Key Concepts of the German Linguistic Culture*. Izhevsk, 2011.

Сандлер М. Р.

*Институт международных миграционных и гендерных исследований IMAGRI,
Брюссель, Бельгия*

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ В ЕВРОПЕ РУССКОГОВОРЯЩИХ МИГРАНТОВ ИЗ КАТЕГОРИИ «WOMEN-MIGRANTS ADVANCED»

Статья посвящена изучению роли русскоговорящих мигрантов в Европе на современном этапе. Непосредственным предметом исследования являются «продвинутые женщины-мигранты», которых западные социологи называют теперь Women Migrants Advanced (WMA). Данный термин был введен именно Международным институтом миграционных и гендерных исследований (IMAGRI) в 2009 г. Начиная с 2010 г., институт занимается изучением миграционных потоков в Европу из стран, ранее входивших в состав Советского Союза.

WMA относятся к категории высокообразованных переселенцев, которые обладают развитыми межкультурными коммуникативными навыками, однако примерно в половине случаев не могут самореализоваться. Количество мигрантов с постсоветского пространства в последние десятилетия сильно увеличилось, по разным оценкам, в Бельгии, они составляют почти 1% населения (примерно 100 тыс. переселенцев при общем населении 11,5 млн. чел.). Институт выдвинул идею о том, что европейские государства нуждаются в специальных программах по развитию предпринимательства в среде переселенцев, которая была поддержана Европейским союзом (ЕС) и Европейской комиссией (ЕК) в частности. Проект RESTART, проведенный институтом в 2011–2014 гг., был одним из первых в ЕС, а для русскоговорящей диаспоры – в принципе первым, и на сегодня он остается единственным в своей сфере.

Работа с указанной категорией мигрантов началась на уровне Евросоюза (в частности, в Бельгии) в 2009 г. с форумов по предпринимательству для женщин-мигрантов. Серия называлась «Advanced Women Forums». Далее институт провел одно из первых гендерных исследований высокообразованной русскоговорящей миграции в Европе, а затем, опираясь на его результаты, продолжил мониторинг обозначенной группы, который не прекращается и по сей день. Сегодня мы можем увидеть изменения в данной категории мигрантов, произошедшие в последние 5–7 лет.

Цель статьи – обобщить изменения в категории мигрантов WMA за последние 5–7 лет. Для этого в статье приводятся результаты длительного социологического исследования, основанного на изучении более 250 женщин из категории WMA – мигрантов из бывшего СССР в Бельгию.

Наш вывод опровергает распространенные в ЕС представления о том, что владение иностранными языками и отличные навыки межкультурного диалога однозначно решают проблемы полной социальной адаптации иммигрантов из категории WMA.

Ключевые слова: социальная адаптация, русскоязычные мигранты, продвинутые женщины-мигранты (WMA), межкультурная коммуникация, предпринимательские навыки мигрантов, уровень толерантности.

Сведения об авторе:

Сандлер Маргарита, директор европейского офиса Института международных миграционных и гендерных исследований IMAGRI (г. Брюссель, Бельгия), социолог, эксперт гендерной миграции; e-mail: epawpresident@gmail.com.

Введение

Важно отметить, что, по многим данным, женщины составляют скрытое большинство в русскоязычной миграции в Старый Свет [Morgunova, 2012: 1] именно в категории WMA. IMAGRI изучает социальную адаптацию в Европе русскоговорящих мигрантов из категории WMA с 2009 г. – на примере Бельгии, Германии, Франции. Некоммерческая организация IMAGRI первой пришла в Евроинституты с проектами форумов по предпринимательству для женщин-мигрантов. Серия называлась «Forums Advanced Women» с указанием года проведения. Нашу инициативу по интеграции WMA в Европе через предпринимательство позже подхватили известные женские организации: Women Lobby (EWL), Women Entrepreneurship Platform (WEP) и другие зонтичные некоммерческие организации.

Женщины-WMA стремятся самореализоваться в новой стране, достигнуть высот в новых социально-культурных условиях. Исследовательский проект Global Entrepreneurship Monitor (GEM) в 2012 г. изучил бизнес мигрантов в Европе. Выяснилось, что предпринимательство переселенцев имеет большое значение, как для принимающих стран, так и для государств, откуда мигранты переехали, особенно «через передачу знаний и информации, глобальную торговлю, создание рабочих мест и иные выгоды» [Xavier, Kelley, 2013: 9].

При ответе на вопрос о том, кем должны чувствовать себя их дети, женщины категории WMA активно выбирали ответы, которые подразумевают для них близкие понятия – «гражданин мира», «гражданин Европы», но при этом подчеркивали, что дети должны помнить о своих корнях [Sandler, 2016: 78].

Чтобы обобщить изменения в категории мигрантов WMA за последние 5–7 лет, в работе дается общая характеристика женщин из категории WMA, приводятся результаты длительного мониторинга данной группы мигрантов на примере Бельгии по следующим критериям: география иммиграции из бывшего СССР в ЕС, причины переезда в ЕС, планы на будущее, образование и развитие детей, уровень образования женщин-мигрантов, профессиональные интересы, семейное положение, сфера занятости, психологические проблемы.

Наши исследования опровергают распространенные в ЕС представления о том, что владение иностранными языками и отличные навыки межкультурного диалога полностью решают проблемы реализации иммигрантов из категории WMA. Из этого вывода логически следует другой: программы интеграционных курсов требуют серьезной доработки и обязаны учитывать разный статус и личностный уровень прибывших мигрантов. К сожалению, сегодня же практически все программы ориентированы на так называемых мигрантов low-skilled jobs and middle skilled jobs (низко- и среднеквалифицированный персонал) и не оказывают никакой поддержки WMA.

Новизна исследования обусловлена тем фактом, что категория мигрантов WMA никогда ранее не находилась в фокусе особого внимания, исследования по этой категории мигрантов ведутся исключительно в Международном институте миграционных и гендерных исследований, результаты которых и представлены в настоящей статье.

1. Кто такие WMA

Под WMA мы подразумеваем женщину-мигранта, прибывшую в Европу из стран бывшего СССР, имеющую, как минимум, одно-два высших образования и занимающую активную социальную позицию. У WMA высоко развиты навыки межкультурной коммуникации. Эта категория женщин активно перенимает кулинарные привычки, стиль одежды, деловые и бытовые традиции общения, так как хочет и в новой стране продолжить свою успешную жизнь и карьеру, однако примерно в половине случаев это не решает проблемы самореализации.

WMA существенно отличаются от других европейских иммигранток, в том числе из русскоговорящей миграции. В отличие от WMA, для них также не редкость хорошее образование, однако они не ставят перед собой карьерных задач, а в другую страну переехали для того, чтобы, например, просто «быть замужем в Европе».

2. Методы изучения WMA

В первых исследованиях IMAGRI в нескольких странах ЕС мы сравнивали каждую категорию мигрантов с WMA. Так, мы сумели выявить отношение русскоговорящих мигрантов к европейским ценностям. Это отношение различалось у WMA и других категорий миграции. У WMA был самый высокий результат в стремлении позитивно воспринимать, прививать своим детям любовь к европейским ценностям и к новой стране проживания, но и параллельно работать над сохранением у детей родного языка и родной культуры – и этот уровень тоже оказался очень высоким.

В течение четырех лет IMAGRI реализовывал на территории Бельгии, Франции, Чехии и Шотландии оригинальный проект RESTART, ставший возможным благодаря грантам ЕС. Идея проекта состояла в помощи мигранткам в выработке новых деловых навыков. В RESTART'е участвовали только WMA.

Одной из задач проекта было выявление эффективности межкультурных тренингов. В течение четырех лет в опросах, фокус-группах и семинарах, проводимых IMAGRI, приняли участие в общей сложности более 200 WMA из Бельгии, Франции, Чехии, Великобритании (Шотландии). Об участвовавших в исследовании женщинах мы получили несколько больше информации, нежели обычно содержится в ответах на стандартные анкеты (в частности, данные об их социальном происхождении, предыдущих и нынешних условиях жизни, образовании и т. д.). На нескольких тематических семинарах в разных странах мы предложили респонденткам-WMA анкеты. IMAGRI удалось составить типовой портрет «женщины-кросскультурного коммуникатора» – 2014, далее мониторинг продолжался вплоть до начала 2020 г.

Работа велась с использованием современных онлайн-технологий, не требующих личных встреч. Сегодня мы можем сравнить первые и новые выводы по группе WMA и увидеть, как за прошедшее время изменилась ее структура, настроения, активность участниц.

С 2014 г. исследования IMAGRI сместились, в основном, в Бельгию. Однако полученные данные мы считаем корректными для анализа и обобщений, так как эта страна объективно достаточно сложна для миграции WMA, особенно русскоговорящей. Множество бюрократических преград препятствуют попаданию в эту страну high-skilled migrations. В Бельгии нет программ, подобных тем, которые существуют в Хорватии, Чехии, Черногории, где за последнее 10-летие наблюдается огромный прирост русскоговорящего населения. Сейчас эмигрантские визы доступны в Европе только для малообразованных беженцев (low-skilled migration) из определенных стран, включенных в особый список. Программы интеграции, принятые ЕС, с течением времени все больше раздражают общественность и коренное население.

3. Результаты изучения WMA

К концу 2016 г. 90% наших исследований и социологических наблюдений переместились в Интернет, в социальные сети. Всего за шесть лет в Бельгии сформировались социальные объединения, в которых в большой мере присутствуют высокообразованные мигранты, главным образом, женщины. Это группы в Фейсбуке:

- *Встречи Друзей*. Самая массовая группа, в которой 4000 участников и членов их семей. Существует почти 10 лет.
- *CultureConnection «ClickCLUB»* включает более 1800 участников, 90% из них – женщины.
- *Активные мамы Бельгии*, куда входят около 1300 участников, 100% – это женщины.

Эти группы составили конкуренцию весьма разношерстной аудитории первого и долгое время единственного сайта «Русские в Бельгии» [Русские в Бельгии, 2020], которому уже более 15 лет. Они быстро стали популярными, что помогло нам выявить интересный для исследования срез миграции. Мы получили подтверждение: WMA в Бельгии, действительно, предпочитают в социальных сетях названные выше группы.

Результаты исследований, безусловно, интересны в динамике, поскольку позволяют прогнозировать развитие ситуации в отношении WMA в странах Европы в ближайшие годы. Обобщенные итоги нашей работы, мониторинга соцсетей и социальных групп представлены ниже.

3.1. География иммиграции WMA из бывшего СССР в Бельгию

В 2014 г. до отъезда в Европу 22% респондентов проживали в РФ в мегаполисах федерального подчинения (Москва, Санкт-Петербург), а 25% – в российских регионах. 52% до отъезда в Европу жили в бывших республиках СССР (Украина, Белоруссия, Азербайджан, Узбекистан, Молдавия, Грузия, Армения). Количество мигрантов из Казахстана было в тот период незначительно.

В 2019 г. (в нашем распоряжении имеются данные только по Бельгии) общий поток мигрантов увеличился, возросло количество переселенцев из крупных городов, в том числе из расположенных в Сибири. Стало больше уехавших из Беларуси, причем в связи с политической обстановкой в этой стране мы прогнозируем дальнейший рост эмиграции. Большинство прибывающих в Европу составляет специалисты технопарка и IT-сферы.

В 2019 г. увеличилось и количество мигрантов из Молдовы и Украины: граждане Молдовы свободно могут получить паспорта Румынии, являющейся членом Евросоюза, а граждане Украины имеют право свободного въезда в ЕС.

Образованные женщины из этих стран в основном не входят в группу WMA, так как они ориентированы на низкоквалифицированный труд. Исключение составляют женщины, имеющие действующий бизнес на родине. Живя в Европе, они продолжают после переезда зарабатывать в покинутой стране.

В 2019 г. было отмечено заметное увеличение образованной и хорошо финансово обеспеченной миграции из Казахстана.

3.2. Причины переезда в ЕС

В 2014 г. 70% переселившихся в Европу женщин переехали вместе с мужем или к уже обосновавшемуся в Старом Свете супругу, либо вскоре после переезда вступили в официальный брак с местным жителем, либо изначально приехали временно – на учебу или работу, но вышли замуж за европейца.

В 2019 г. исследователи отметили появившуюся в Бенилюксе несколько лет назад «новую русскоговорящую миграцию»: IT-специалисты, члены их семей из бывшего СССР, а также «русские израильтяне», ранее уехавшие на Ближний Восток. Однако со временем их планы изменились, и теперь они стремятся остаться как IT-специалисты в Европе. Качество жизни конкретной семьи зависит от востребованности на рынке труда, к тому же мигрантов не устраивает и российская, и израильская внутренняя политика. Данные мигранты очень молоды по возрасту, семьи живут обособленно, сводя русскоязычные контакты к минимуму. Контакты поддерживаются благодаря детям, которых водят на «русские» занятия. Потребности в общении внутри диаспоры у этих мигрантов практически нет.

В 2019 г. стали более заметны эмигрантки – бывшие топ-менеджеры в серьезных областях бизнеса. Стремясь самореализоваться в новой стране, они начинают активно участвовать в креативных проектах, даже если те не соответствуют их квалификации. Заработок при этом не играет роли, поскольку их семьи обычно не испытывают финансовых проблем. Эти женщины нацелены на занятие любимым или просто интересным делом, а не на получение дохода, хотя их деятельность может приносить деньги, однако

меньшие, чем сложный бизнес. Анализ социальных сетей позволил заключить, что эти женщины живут по принципу: сначала удовольствие – потом коммерция. Цель таких женщин – сохранение себя в условиях новой страны.

В 2019 г. исследователи убедились, что при неизбежном в условиях иммиграции сломе привычного уклада жизни и связанных с этим психологических проблемах для образованных, думающих и рефлексирующих женщин, обычно гораздо важнее сохранить целостность собственной личности, чем обеспечить прежний уровень личного дохода. Примерно 30% бельгийцев, женившись на иностранках, принимают на себя ответственность за семью и начинают содержать жен. Эти женщины больше не обязаны работать. Остальные супруги (до 70%) настроены на то, что жена найдет работу, что это произойдет как можно быстрее, и они разделят банковские счета с супругой.

3.3. Планы на ближайшее будущее

В 2014 г. исследователи отмечали высокую конкретность и конструктивность ближайших планов респонденток. Они сами участвовали и организовывали большое количество русских школ, кружков, художественных курсов, экскурсий для детей и взрослых. Спрос на разного рода предложения по самосовершенствованию, отдыху, обучению, коучингу в любых сферах существенно превышал предложение. Основным занятием высокообразованных женщин был бизнес.

В 2019 г. (мы оперируем данными только по Бельгии) активность по реализации планов повысилась в 3–5 раз по сравнению с 2014 г. Сократился и путь к осуществлению этих планов. Предложение стало значительно превышать спрос, особенно в области программ для детей. Возросла занятость женщин в некоммерческих организациях. Заметно увеличилась скорость усвоения языков и интеграции в новой стране.

3.4. Образование и развитие детей

В 2014 г. была очевидна озабоченность женщин всесторонним развитием детей. Матери осознавали проблему их двуязычия, всеми силами стремились, с одной стороны, сохранить у детей русский язык, с другой – максимально обеспечить им возможности адаптации к европейской жизни.

В 2019 г. исследователи отметили, что до 80–90% предложений по развитию, досугу и образованию в эмигрантской среде ориентированы именно на детскую аудиторию.

3.5. Уровень образования

В 2014 г. было отмечено наличие одного или нескольких высших образований (в основном полученных на родине) у 95% респонденток. В 2019 г. эта цифра была нами подтверждена, однако стало более заметным, что мигрантки из Украины и Молдовы даже при наличии диплома вуза предпочитают трудиться в сфере низкоквалифицированного труда.

3.6. Занятость

В 2014 г. мы выявили, что женщины-мигранты устраиваются работать менеджерами в различных областях, переводчиками, становятся сотрудниками евроинституций или частными предпринимателями. Немалое число поступает в новой стране на учебу – в высшие школы и на курсы.

В 2019 г. (данные по Бельгии) исследователи отметили изменение структуры занятости по сравнению с данными пятилетней давности. Заметно возросло число русскоязычных специалистов, особенно в области ИТ. Стало больше и студентов. В Бельгии существует весьма конкурентная для Западной Европы стоимость образования. К тому же, наличие местного диплома способствует в будущем получению гражданства (если этот вопрос возникнет). Кроме того, в Бельгии отсутствует закон о бизнес-эмиграции, что создает вполне комфортные условия для открытия бизнеса и, соответственно, поощряет частное предпринимательство.

Мы отметили популярность среди женщин волонтерской или частично оплачиваемой деятельности в общественных культурных и обучающих организациях, ведения детских программ. Русскоязычные специалисты востребованы в социальной сфере: социологи, психологи, врачи при желании находят себе работу по специальности. Большая часть WMA, как мы увидели в 2019 г., занята в некоммерческих организациях.

В 2014 г. мы отмечали высокую, однако «пассивную» занятость: женщины учились, устраивались на работу, посещали разнообразные «русские» и «европейские» культурные мероприятия. К 2019 г., как мы смогли убедиться на примере Бельгии, занятость женщин стала более «активной». Они уже не просто ходили на мероприятия, организованные кем-то, а сами являлись их инициаторами, организаторами. Они стали создавать организации, брать на себя функции индивидуальных предпринимателей, то есть перешли от созерцательности к активным действиям.

3.7. Семейное положение

По данным 2014 г., примерно $\frac{2}{3}$ наших респонденток состояли в браке. Среди разведенных большая часть расторгла брак в Европе после переезда. В 2019 г. мы отметили примерно то же соотношение семейных и одиноких женщин (2 : 1), однако к 2019 г. заметная часть мигранток прибывала в Бельгию вместе с русскоязычными супругами.

3.8. Обращения к психологам

К помощи психологов изучаемая группа прибегала и в 2014, и в 2019 гг. вплоть до конца 2020 г. Естественно, матерей всегда волнуют проблемы их детей и внутрисемейные отношения. Эти причины лидировали при обращении к специалистам в 2014–2016 гг. Детям сложно адаптироваться в новой стране и новой школе, а условия миграции негативно влияют на отношения между супругами. Если семья интернациональна, проблемы усугубляются. В новой стране неизбежно снижается привычный социальный статус, что вызывает самые большие личные драмы.

В 2019–2020 гг. «ассортимент» проблем не изменился, но вот значимость их для респонденток (и степень озабоченности их разрешением) претерпела изменения. На первое место поднялась проблема личной недовостребованности и нереализованности, при этом трудности у детей сместились на пятое место. Что касается супружеских проблем и сложностей межкультурного диалога в интернациональных семьях, они продолжают оставаться на 2–3 местах по частоте обращений к психологам. На этом же уровне находится проблема неудовлетворенностью низким статусом в новой стране как причиной серьезных личных драм.

Чиновники различных европейских департаментов часто ставят возможность социальной адаптации, а, следовательно, и полной интеграции и карьерного роста, в прямую и абсолютную зависимость от владения языком и навыками межкультурного диалога. Начиная проект RESTART, мы намеревались изучить связь между хорошими способностями WMA к межкультурным коммуникациям и возможностями эти способности реализовать, как в профессиональном, так и в личном плане. Наш вывод опровергает распространенные представления о прямой корреляции этих явлений. Владение иностранными языками и отличные навыки межкультурного диалога не решают проблемы полной реализации иммигрантов WMA.

Следует подчеркнуть, что в начале обсуждения этого вопроса в фокус-группах, в чатах, на специально организованных онлайн-встречах практически все участницы утверждали, что знание языка, традиций, культуры полностью снимет для них ограничения в самореализации. Однако при детальной проработке ответов оказывалось, что у части аудитории имеются дипломы о высшем образовании, некоторые свободно говорят на нескольких иностранных языках, однако их работа оказалась ниже желаемого уровня, либо они вообще не могут найти работу.

Практически все респондентки (96%), безусловно, попадают в образ «специалиста по межкультурному диалогу», однако в новой стране реализована лишь половина из них. Вторая же половина о начале профессионального роста только мечтает.

Наш вывод аргументированно не подкрепляет европейских представлений о высоких возможностях в реализации потенциала мигрантов WMA. В сегодняшних реалиях очевидно: для части группы WMA вопрос о возвращении на должность, эквивалентную той, что была «в предыдущей жизни» (к примеру, в Москве), не стоит остро. Для многих стали приоритетами креативность, реализация в абсолютно новой сфере – социальной, о которой они и не задумывались в «прошлой» жизни. Нами отмечена, в частности, большая тяга к реализации себя через открытие новых интеллектуальных и культурных проектов для детей. К примеру, школы русского языка и культуры, русские гимназии выходного дня, русские музыкальные школы и школы рисования, театральные студии, кружки народного (русского) танца. Появилось и огромное количество русскоязычных студий для взрослых, в основном для женщин – изостудии, флористика, поэтические клубы, психологические и бизнес-тренинги.

Когда мы задали ключевой вопрос женщинам-WMA: «Что мешает женщинам-мигрантам развивать бизнес в новой стране?», каждый третий ответ был: «Отсутствие продуктивной идеи», а более половины: «Отсутствие стартового капитала» и «Наличие маленьких детей». Безусловно, «незнание языка» отмечалось как важный фактор. Но сами WMA не определяют его как решающий.

Заключение

Для исследуемой категории мигрантов – женщин-WMA, обследованием которых прицельно занимается IMAGRI с 2009 г., необходимы специальные программы интеграции, так как разработки по методикам интеграции WMA в новой стране через привлечение в предпринимательство работают. Это доказал наш проект RESTART и более поздние исследования-мониторинги, идущие практически в режиме нон-стоп по сегодняшний день.

Посещение специальных курсов является обязательным для недавно приехавших в европейскую страну, и мигранты вынужденно ходят на них. Однако наши исследования позволяют с уверенностью сделать вывод, что переселенцы WMA не возлагают больших надежд на местные интеграционные курсы и не очень доверяют полученным там знаниям.

Из этого вывода логически следует другой: программы интеграционных курсов требуют серьезной доработки и обязаны учитывать разный статус прибывших мигрантов. Сегодня же практически все программы ориентированы на так называемых мигрантов low-skilled jobs and middle skilled jobs (низко- и среднеквалифицированный персонал) и ничего не дают WMA.

В сегодняшних реалиях в Евросоюзе, в частности, в Бельгии, WMA все меньше жалуются и все больше действуют. Появление большого количества групп русскоязычных образованных женщин в социальных сетях создает активный информационный фон и бросает вызов здоровой конкуренции, которая подстегивает, подталкивает мигранток придумывать и открывать в русскоязычной среде новые школы, семинары, мастер-классы. Все более распространенной становится позиция: «У моих подруг или знакомых получилось, получится и у меня». Следует также отметить отличное знание многими WMA технологии онлайн-общения и построения имиджа нового проекта (продукта) в виртуальной среде и его рекламы.

Обобщая тему миграции в Европе, нужно отметить, что в последние годы количество конференций по теме миграции в Европе вообще, и в Бельгии, в Брюсселе, в частности, возросло в разы. Однако все подобные мероприятия, к сожалению, ориентированы и обращают внимание общественности только на низко образованных мигрантов. Разработка методик интеграции WMA в новую страну через привлечение в предпринимательство – задача проекта RESTART на ближайшую перспективу.

Литература:

1. Xavier S. R., Kelley D., Kew J., Herrington M., Vorderwulbecke A. Global Entrepreneurship Monitor, 2013. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.gemconsortium.org/file/open?fileId=48545>.
2. Morgunova O. National Living On-Line? Some Aspects of the Russophone E-Diaspora Map // E-diasporas Atlas. 2012. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.e-diasporas.fr/working-papers/Morgunova-Russophones-EN.pdf.
3. Сандлер М. Р. Интеграционные компетенции русскоговорящих мигрантов в Европе из категории advanced women и других категорий мигрантов // Cross-Cultural Studies: Education and Science. 2016. N 2. С.75–84.
4. «Русские в Бельгии». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.russian-belgium.be>.
5. Моргунова О. День сегодняшний: британские русские или русские британцы? // Русское присутствие в Британии. М.: Современная экономика и право, 2009.
6. Morgunova O. Exploration and Cartography of Diasporas on Digital Networks. Paris: Editions de la Maison des Sciences de l'Homme, 2012. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.digitalicons.org/wp-content/uploads/issue09/files/2013/06/DI_9_3_Morgunova.pdf.
7. Моргунова О. А. «Европейцы живут в Европе!» Поиски идентичности в интернет-сообществе русскоязычных иммигрантов в Великобритании // Диаспоры. 2010. N 1. С. 129–141.
8. Куприна Т. В., Сандлер М. Р. Национальные особенности миграционных потоков в России и Европе // Институты развития демографической системы общества: материалы V Уральского демографического форума, Екатеринбург, 2014. Екатеринбург: Изд-во Института экономики, Уральское Отделение Росс. академ. наук, 2014. С. 89–94.
9. Персикова Т. Н. Межкультурная коммуникация и корпоративная культура. М.: Логос, 2007.
10. Почепцов Г. Г. Теория и практика коммуникации. М.: Релф-бук, Киев: Ваклер, 2001.
11. Осипов Г. В. Социология. Основы общей теории. М.: Норма, 2003.
12. Бекетова А. П., Куприна Т. В. Пять уроков развития толерантности. Екатеринбург: Из-во Уральского университета, 2016.
13. Миграция нуждается в справедливом распределении ответственности, основанном на солидарности всего ЕС: материалы III-го Форума мигрантов. Европейская комиссия и Европейский экономический и социальный комитет. Брюссель, 2016. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.eesc.europa.eu/el/node/46580#downloads>.
14. Гречко П. К. Социальная теория современности. М.: Институт философии Росс. академии наук, 2008.
15. Бек У. Общество риска. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
16. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Из-во Моск. ун-та, 2004.
17. Женщины и гендерное равенство в контексте кризиса // Отчет исследования Евробарометра в Европарламенте. Брюссель, Public Opinion Monitoring Unit of EU Commission, 2013. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.europarl.europa.eu/at-your-service/en/be-heard/eurobarometer/2013-women-and-gender-inequalities-in-the-context-of-the-crisis>.

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Sandler M. R.

International Migration and Gender Research Institute, Brussels, Belgium

SOCIAL ADJUSTMENT IN EUROPE OF RUSSIAN SPEAKING MIGRANTS FROM THE CATEGORY “WOMEN-MIGRANTS ADVANCED”

The studies conducted by the IMAGRI Institute in Europe allow us to answer the question about the attitude of Russian speaking migrants to European values. The Institute started its

activities in 2009, in Brussels. The category of migrants WMA (Women-Migrants Advanced) has highly developed cross-cultural communication skills, but in about half the cases it does not solve the problem of self-realization in their careers and in the society – for this category these concepts are inseparable. “Our” category of migrants, whose number has increased in Europe, requires special integration programmes through entrepreneurship, as our project RESTART (2011–2014) has proved its effectiveness. This research was prompted by communication with migrants and monitoring processes that are currently activated in the Russian diaspora. Of course, the focus of our researches and monitoring is a gender (women’s) group. According to many reports, women make the majority of migrants living in Europe, being present in a significant number in all sectors of migration: family migration (both creation and family reunification), intellectual migration (both professionals and specialists as family members), and labour migration (mainly from the post-Soviet area, but not from Russia). They are the “invisible majority” (experts say) in the Russian migration to Europe. However, by working on research projects in the sphere of migrant women, establishing contacts with various community organizations, consulting experts, we drew attention to the fact that, first of all, women are not only a significant part of immigration, but also an extremely active (both socially and culturally) part of it.

Key words: social adjustment, Russian speaking migrants, Women-Migrants Advanced (WMA), cross-cultural communication, entrepreneurial skills of migrants, the level of tolerance.

About the author:

Sandler Margarita, Director office in Brussels, International Migration and Gender Research Institute (Brussels, Belgium), expert in gender migration; e-mail: koshemir@telenet.be.

References:

1. Xavier, S. R., Kelley, D., Kew, J., Herrington, M., Vorderwulbecke, A. *Global Entrepreneurship Monitor*, 2013, <https://www.gemconsortium.org/file/open?fileId=48545>.
2. Morgunova, O. “National Living On-Line? Some Aspects of the Russophone E-Diaspora Map.” *E-Diasporas Atlas*, 2012, www.e-diasporas.fr/working-papers/Morgunova-Russophones-EN.pdf.
3. Sandler, M. “Integration Competencies of Russia-Speaking Migrants in Europe from Categories of Advanced Women and Other Migrant’s Groups.” *Cross-Cultural Studies: Education and Science*, no. 2, 2016, pp.75–84.
4. *Russians in Belgium*, <https://www.russian-belgium.be>.
5. Morgunova, O. “Today: Russian Britons or British Russians?” *Russian Presence in Britain*, 2009, pp. 37–46.
6. Morgunova, O. *Exploration and Cartography of Diasporas on Digital Networks*. Paris: Editions de la Maison des Sciences de l’Homme, 2012, https://www.digitalicons.org/wp-content/uploads/issue09/files/2013/06/DI_9_3_Morgunova.pdf.
7. Morgunova, O. “Europeans Live in Europe! The Search for Identity in the Online Community of Russian-Speaking Immigrants in the UK.” *Diasporas*, no. 1, 2010, pp. 129–141.
8. Kuprina, T. V., Sandler, M.R. “National Peculiarities of Migrants Flows in Russia and Europe.” *Institutes of the Development of the Demographic System of Society: Reports of the Vth Ural Demographic Forum with International Participation*. Yekaterinburg, 2014, pp. 89–94.
9. Persikova, T. N. *Intercultural Communications and Corporative Culture*. Moscow, 2007.
10. Pocheptsov, G. *Theory and Practices of Communications*. Moscow, Kiev, 2001.
11. Osipov, G.V. *Sociologie. The Basic of Global Theory*. Moscow, 2003.
12. Beketova, A. P., Kuprina, T. V. *Five Lessons for Developing Tolerance*. Ekaterinburg, 2016.
13. *Migrations Needs Fair Responsibility Sharing Based on EU-Wide Solidarity: Reports of the 3-rd Migrants Forum*. European Commission and European Economic and Social Committee, Brussels, 2016, <https://www.eesc.europa.eu/el/node/46580#downloads>.
14. Grechko, P. K. *Social Theory of Modern World*. Moscow, 2008.
15. Bek, U. *Riskogesellschaft*. Moscow, 2000.
16. Ter-Minasova, S. G. *Language and Intercultural Communications*. Moscow, 2004.
17. “Women and Gender Inequalities in the Context of the Crisis.” *European Parliament Eurobarometer Flash survey*. Brussels, 2013, <https://www.europarl.europa.eu/at-your-service/en/be-heard/eurobarometer/2013-women-and-gender-inequalities-in-the-context-of-the-crisis>.

II. ЯЗЫКИ РОССИИ И МИРА В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ

DOI: 10.35634/2500-0748-2020-12-28-36

УДК 811.512.144'367(045)

Абдуллабекова У. Б.

Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия

МОНОФИНИТНАЯ СЛОЖНАЯ КЛАУЗА В КУМЫКСКОМ ЯЗЫКЕ

Данная статья ставит своей целью анализ монофинитной сложной клаузы в кумыкском языке с точки зрения структуры. Новизна исследования заключается в том, что в статье предложен иной, чем в русистике, подход к анализу синтаксической структуры предложения. Актуальность исследования определяется ролью структуры предложения и методов его изучения в лингвистике в целом. Основным методом, применяемым в работе, является метод синтаксического моделирования, который используется в терминах функций (членов предложения), в терминах морфологических форм слов и семантической структуры предложения.

Для тюркских языков не характерны собственно сложные предложения с двумя формально самостоятельными финитными частями, соединенными аналитической формой. Падежные аффиксы и послелогои оформляют не финитные глагольные формы, а инфинитные глагольные формы. Такие конструкции в агглютинативных языках являются центральными и наиболее частотными. Монофинитная сложная клауза, или предложение, осложненное инфинитным оборотом (причастный и деепричастный обороты), или «полипредикативная конструкция», согласно Новосибирской синтаксической школе, исследуется в данной статье.

Автор отмечает, что при характеристике сложной клаузы необходимо учитывать такие параметры, как финитность / инфинитность зависимого сказуемого, характер средства связи и референциальное тождество / не тождество субъектов главной и зависимой части.

Конструктивным центром монофинитной сложной клаузы является показатель связи – аналитический, то есть служебное слово, или синтетический, то есть морфема в составе зависимого сказуемого. Формально это часть инфинитной формы такого сказуемого, но функционально она служит выражению отношений между предикативными частями. Поскольку зависимое сказуемое в кумыкском языке занимает конечную позицию в составе зависимой предикативной единицы, синтетический показатель связи располагается на границе между главной предикативной единицей и зависимой предикативной единицей.

Ключевые слова: кумыкский язык, тюркские языки, инфинитная глагольная форма, сложное предложение, финитная клауза, монофинитная сложная клауза.

Сведения об авторе:

Абдуллабекова Умсалимат Багаутдиновна, кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела лексикологии и лексикографии ИЯЛИ, Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН (г. Махачкала); e-mail: irma-uma@mail.ru. ORCID ID: 0000-0002-1978-6918.

Введение

Современный кумыкский язык относится к кыпчакско-половецкой подгруппе кыпчакской группы тюркских языков. На кумыкском языке говорят около 425,2 тыс. чл., проживающих на территории России. Носители кумыкского языка проживают в Республике Дагестан, в Чеченской республике (Брагуны, Виноградное) и в Республике Северная Осетия-Алания (Кизляр).

Исследование синтаксиса кумыкского языка традиционно проводилось с опорой на теории, разработанные в русистике [Макаров, 1846; Дмитриев, 1940; Джанмавов, 1967; Абдуллаева, 1973; Ольмесов, 2000; Саидов, 2019 и др.]. Однако, предложения в разноструктурных языках не должно исследоваться только с точки зрения индоевропейского языкознания. Тюркские языки относятся к агглютинативным языкам.

Структура предложения в тюркских языках не тождественна структуре в славянских или романских языках. По мере углубления знаний потребовались иные подходы к исследованию синтаксической структуры агглютинативных языков. Иной подход к структуре предложения был предложен Новосибирской синтаксической школой, было введено понятие «полипредикативное предложение» (представители Новосибирской синтаксической школы – Е. И. Убрятова, М. И. Черемисина, Т. А. Колосова). Понятие «полипредикативная конструкция», по-нашему мнению, тождественно понятию «сложная клауза», которая может быть монофинитной и бифинитной.

Целью данной статьи является охарактеризовать монофинитную сложную клаузу в кумыкском языке. Задачами статьи являются: определить сложную клаузу; описать отличие финитных и инфинитных глагольных форм, входящих в сложную клаузу; описать структурные элементы монофинитной сложной клаузы в кумыкском языке. Новизна исследования заключается в том, что в статье предложен иной, чем в русистике, подход к анализу синтаксической структуры предложения.

Клаузой называется любая группа, в том числе и непредикативная, вершиной которой является глагол, а при отсутствии полнозначного глагола – связка или грамматический элемент, играющий роль связки [Тестелец, 2001: 256]. Клауза соответствует элементарному предложению. Предложение представляет собой финитную клаузу. Нефинитные клаузы – инфинитивные, причастные, деепричастные, глагольно-именные обороты – лишены предикативности, но в остальном очень похожи на предложения. Клауза является рекурсивной единицей, то есть может включать в себя теоретически произвольное число других клауз. Клауза, включающая в себя хотя бы одну другую клаузу, называется сложной клаузой или полипредикативной единицей.

Таким образом, применяя в данной статье иной подход к исследованию синтаксической структуры предложения, мы ввели понятие, широко распространенное в лингвистике – «клауза». Далее необходимо описание параметров сложной клаузы.

1. Параметры сложной клаузы

Описание полипредикативного предложения (сложной клаузы) в ином ракурсе выполнено Новосибирской синтаксической школой. Данная синтаксическая школа рассматривала простое и сложное предложение как знаковые единицы языка во взаимосвязи плана выражения и плана содержания, что характерно для современного языкознания, а именно: рассматривать синтаксис только в связи с семантикой и видеть цель синтаксиса в характеристике синтаксических категорий, формирующих высказывания. Можно сказать, что данная синтаксическая школа в рамках категориальной (логической) грамматики определяет набор примитивных (базисных) и производных категорий, необходимых для описания языка, набор операций, необходимых для описания и объяснения языка и набор отношений между категориями и операциями.

Единица уровня сложного предложения (полипредикативной конструкции) передает отношения между двумя ситуациями действительности. Таким образом, в составе этой

единицы необходимы три компонента. Два из них называют связываемые ситуации и являются предикативными единицами – самостоятельными предложениями или их аналогами, или, по-другому, клаузами [Тестелец, 2001: 256], третий компонент – это скрепа, показатель связи, выражающий семантику отношения между событиями.

Понятие «сложная клауза» выступает как родовое, включающее в себя как виды понятия и «сложное предложение», и «предложение с инфинитным оборотом», которое многие оценивают как не вполне сложное и даже не простое. Традиционных терминов «простое предложение», «сложное предложение» недостаточно для описания многообразия полипредикативных конструкций. В данном случае можно использовать понятие «сложная клауза».

При характеристике видов, подпадающих под родовое понятие «сложная клауза» или «полипредикативная единица», необходимо учитывать следующие параметры:

- *финитность / инфинитность* зависимого сказуемого (исходя из положения, что модель как языковая единица двучленна, хотя речевые ее реализации могут быть сколь угодно многочленны; и сказуемое главной части финитно);
- *характер средства связи* – синтетический (морфема в составе зависимого сказуемого) или аналитический (послелог);
- *референциальное тождество / не тождество* субъектов главной и зависимой части [Скрибник, Даржаева 2016: 8].

Сочетание параметров *финитность / инфинитность* и *характер средства связи* дает вместо четырех два больших класса:

- *бифинитные аналитические клаузы со скрепами союзного типа* – именно к ним относится «сложное предложение» в русистике; в кумыкском языке сюда относятся конструкции со скрепами на базе глагола говорения де- (например, деп);
- *монофинитные синтетические клаузы с аффиксальными скрепами в составе зависимого сказуемого* – сюда относится все множество кумыкских причастных и деепричастных конструкций.

Сочетание параметров «*монофинитность*» + «*аналитическая скрепа*» дает не отдельный класс полипредикативных конструкций, а подкласс монофинитных синтетических, а именно, монофинитные аналитико-синтетические клаузы: инфинитное зависимое сказуемое само по себе – синтетическая скрепа, но сопровождается дополнительным аналитическим элементом (послелогом), уточняющим семантику связи.

Сочетание параметров «*бифинитность*» + «*синтетическая скрепа*» принципиально невозможно: именно вхождение аффиксального показателя связи, зависимости, делает глагольное сказуемое инфинитным, а двучленную конструкцию – монофинитной.

Учитывая важность параметра «*финитность / инфинитность*» зависимого сказуемого, далее предпринята попытка охарактеризовать различия финитных и инфинитных глагольных форм с различных точек отсчета.

2. Финитные и инфинитные глагольные формы

Инфинитные глагольные формы характеризуются отсутствием категорий темпоральности, модальности и персональности. И отсюда в традиционном понимании говорят об отсутствии предикативности у инфинитных (неличных) форм глагола.

Исследования последних лет подчеркивают, что у инфинитного глагола эти категории не отсутствуют, а имеют другую точку отсчета – главное действие. Понятие «относительное время» (предшествование, одновременность, следование) связывается с инфинитными оборотами. Понятие «относительного лица» (моносубъектность, т. е. тождество субъектов главной и зависимой части – разносубъектность) было введено исследователями сибирских языков [Черемисина, Скрибник, 1980; Скрибник, 1988: 20–27], др. В относительный план может сдвигаться также модальность предикативной единицы.

Таблица 1 – Различия между финитным и инфинитным глаголами

	Финитный глагол	Инфинитный глагол
Темпоральность	Точка отсчета – момент речи: настоящее, прошедшее, будущее	Точка отсчета – главное действие: предшествование, одновременность, следование
Персональность	Согласование с подлежащим, личные окончания глаголов разносубъектность: разграничение субъектов главной и зависимой части	Моносубъектность: тождество субъектов главной и зависимой части

Тем самым становится вполне обоснованным понятие «зависимая (относительная) предикативность» и система «зависимой предикации» как ведущий принцип выражения связи между пропозициями в агглютинативных языках [Черемисина, 1980]. Система зависимой предикации подразумевает, что:

- зависимая предикативная единица оформляется иначе, чем независимая: инфинитное сказуемое, личное оформление по притяжательному типу, возможна форма косвенного падежа зависимого подлежащего;
- относительность всех предикативных категорий – относительная темпоральность, относительное лицо, относительная модальность;
- зависимые предикативные единицы играют вспомогательную роль в формировании нарратива: основу составляют финитные предикативные единицы, несущие новую информацию, значимую для развития сюжета повествования, тогда как зависимые предикативные единицы поставляют информацию фоновую.

Отнесение М. И. Черемисиной и ее школой к числу полипредикативных конструкций как двух подвидов и собственно сложных предложений с двумя финитными сказуемыми, и осложненных предложений с инфинитивным сказуемым в зависимой части, выражающим относительное модальное временное и личное значение [Предикативное склонение..., 1984] получает поддержку среди исследователей тюркских языков [Рассадин, 2012; Кошкарева, 2007; Баскаков, 1984; Закиев, 1995; Покровская, 1978 и др.]: в этом плане выполнены исследования по казахскому языку [Есенов, 1982], якутскому [Ефремов, 1998], карачаево-балкарскому [Алиев, 1973] и др.

Таким образом, предложение, осложненное инфинитным оборотом в русистике, полипредикативная конструкция в терминах Новосибирской лингвистической школе и монофинитная сложная клауза по нашему определению являются наиболее распространенными типами предложений в кумыкском языке.

3. Монофинитная сложная клауза в кумыкском языке

Для кумыкского языка, как и для других тюркских, не характерны сложные предложения, состоящие из двух финитных предложений, соединенных союзами. Финитное предложение в кумыкском языке обычно представлено в главной части (главная предикативная единица – ГПЕ или финитная клауза), а зависимая часть (зависимая предикативная единица – ЗПП или нефинитная клауза) оформляется инфинитной формой – причастием, деепричастием, то есть сложная конструкция является монофинитной. Например,

1. *Школадан гелип, анама кемек этме башладым* (Придя из школы, я стал помогать матери).

Школадан гелип «придя из школы» – нефинитная клауза (*гелип* – инфинитная форма), *анама кемек этме башладым* «я стал помогать матери» – финитная клауза (*башладым* – финитная форма).

Семантически выражаемые ими отношения совпадают со значениями в русских сложных предложениях.

В кумыкском языке порядок следования синтаксических элементов фиксирован (SOV): в простом предложении сказуемое всегда занимает конечную позицию, а нефинитная клауза всегда находится в препозиции по отношению к финитной клаузе:

1. *Сюек чыкъгъанча алада капарат чыкъма тарыкъ, бир дорба шекер, дюгю пайлай* (До погребения тела необходимо раздать подавание; делят один мешок сахара, риса).

Сказуемые *чыкъма тарыкъ* (необходимо раздать) и *пайлай* (раздают) занимают конечную позицию в предложениях.

Данный порядок слов, возможно, связан с актуальным членением предложения, где в тюркских языках тема, выраженная подлежащим, предшествует реме, выраженной сказуемым.

В агглютинативных языках группа коммуникативной темы и группа коммуникативной ремы формируются как два самостоятельных наименования, а тот факт, что они являются наименованиями членов единого суждения, требует специальной знаковой маркировки, позволяющей слушающему понять, что одно из наименований, входящих в высказывание, является актуальной коммуникативной темой по отношению ко второму наименованию как к реме. Поэтому, если актуальное коммуникативное членение во флективных языках реализуется в варианте актуального расчленения предложения на тему и рему, то актуальное коммуникативное членение в агглютинативных языках реализуется в варианте сочленения темы с ремой [Валентинова, 2016: 129].

Инфинитная форма, занимающая конечную позицию в составе зависимой предикативной единицы, содержит синтетический показатель связи, который структурно принадлежит этой форме, но функционально служит выразителем отношений между частями. Этому способствует и его промежуточное расположение на границе между финитной клаузой и нефинитной клаузой. Например,

2. *Сенден макътав къаравуллап этмегенмен* (Я не ради хвалы сделал).

-Ап в *къаравуллап* является синтетическим показателем связи, который структурно принадлежит этой форме, занимает промежуточное расположение на границе между финитной и нефинитной клаузой.

В современных типологических исследованиях по синтаксису также подчеркивается не формальная, а функционально-семантическая сторона сложного предложения как языковой единицы. Например, у С. Кристофаро термин «подчинение» используется для обозначения конкретного способа когнитивной связи между двумя событиями, так что один из них, которому не хватает автономности, интерпретируется в перспективе другого события [Cristofaro, 2001: 33]. Это определение с функциональной точки зрения позволяет сравнивать более широкий спектр языков по сравнению с традиционной методикой.

Специфика агглютинативных языков состоит в том, что отношения между двумя событиями действительности выражаются теми же средствами, что используются в простом предложении, – падежными аффиксами и послелогоми, а союзы вторичны или используются мало. В кумыкском языке некоторые подобные союзы появились благодаря влиянию арабского, персидского и русского языков:

3. *Шо багъанагъа умут булан баргъан кепдюр, амма къайтгъан екъдур* (Много тех, кто стремится к этой метке с надеждой, но никто оттуда не возвращался).

Союз *амма* (но) – заимствование из арабского языка.

Для тюркских языков не характерны собственно сложные предложения с двумя формально самостоятельными финитными частями, соединенными аналитической формой. Падежные аффиксы и послелогои оформляют не финитные глагольные формы, а инфинитные. Например:

4. *Аскерхан гелип, къызны герген сонг, бир гече, бир гюн эсден тайып къала* (Как увидел Аскерхан красавицу, на одну ночь и на один день потерял сознание, не приходил в себя).

Послелог *сонг* (после) относится к инфинитной форме *герген* (увидевший). Такие конструкции в агглютинативных языках являются центральными и наиболее частотными.

Конструктивным центром монофинитной сложной клаузы является показатель связи – он может быть аналитическим (послелог) или синтетическим (например, деепричастный аффикс), а также может комбинировать оба способа.

Заключение

В данной статье предложен иной, чем в русистике, подход к анализу синтаксической структуры предложений, осложненных инфинитным оборотом. В тюркских языках, в том числе в кумыкском, отношения между двумя событиями передаются в основном монофинитными конструкциями с зависимыми сказуемыми – различными инфинитными глагольными формами, которые либо сами представляют собой аффиксальные, т. е. синтетические, показатели связи, как деепричастия, либо включают их дополнительно в свой состав, как причастно-падежные. На этой базе развиваются более сложные виды связи, дополненные различными аналитическими компонентами.

Для кумыкского языка, как и для других тюркских, не характерны сложные предложения, состоящие из двух финитных предложений, соединенных союзами. Финитное предложение в кумыкском языке обычно представлено в главной части (главная предикативная единица – ГПЕ или финитная клауза), а зависимая часть (зависимая предикативная единица – ЗПП или нефинитная клауза) оформляется инфинитной формой – причастием, деепричастием, т. е. сложная конструкция является монофинитной.

В результате исследования мы пришли к следующим выводам:

1. Финитное предложение в кумыкском языке обычно представлено в главной части (главная предикативная единица – ГПЕ или финитная клауза), а зависимая часть (зависимая предикативная единица – ЗПП или нефинитная клауза) оформляется инфинитной формой – причастием, деепричастием, т. е. сложная конструкция является монофинитной.

2. В простом предложении в кумыкском языке сказуемое всегда занимает конечную позицию, а нефинитная клауза всегда находится в препозиции по отношению к финитной клаузе.

3. Инфинитная форма, занимающая конечную позицию в составе зависимой предикативной единицы, содержит синтетический показатель связи, который структурно принадлежит этой форме, но функционально служит выразителем отношений между частями. Этому способствует и его промежуточное расположение на границе между финитной клаузой и нефинитной клаузой.

4. Падежные аффиксы и послелогии оформляют не финитные глагольные формы, а инфинитные.

5. Конструктивным центром монофинитной сложной клаузы в кумыкском языке является показатель связи – он может быть аналитическим (послелог) или синтетическим (например, деепричастный аффикс), а также может комбинировать оба способа.

Данный подход к исследованию синтаксиса кумыкского языка и других тюркских языков является, по-нашему мнению, наиболее релевантным и коррелирующим со структурой тюркских языков подходом.

Исследование финитной и нефинитной клаузы, монофинитной и бифинитной сложной клаузы в кумыкском, и шире – в тюркских языках, представляет собой перспективу для дальнейшего изучения.

Литература:

1. Макаров Т. Н. Татарская грамматика кавказского наречия. Тифлис: Типография канцелярии наместника Кавказского, 1848.
2. Дмитриев Н. К. Грамматика кумыкского языка. М.: Наука, 1940.
3. Джанмавов Ю. Дж. Деепричастия в кумыкском литературном языке. М.: Наука, 1967.

4. Абдуллаева А. З. Сложноподчиненное предложение в кумыкском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Баку, 1973.
5. Ольмесов Н. Х. Сопоставительная грамматика кумыкского и русского языков. Фонетика. Морфология. Махачкала: Изд.-полигр. центр Дагестанского гос. ун-та, 2000.
6. Саидов А. М. Простое предложение в кумыкском языке. Махачкала: Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского научного центра РАН, АЛЕФ, 2019.
7. Тестелец Я. Г. Введение в общий синтаксис. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2001.
8. Скрибник Е. К., Даржаева Н. Б. Грамматика бурятского языка. Синтаксис сложного (полипредикативного) предложения: в 2 т. Т. 1. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. науч. центра Росс. академ. наук, 2016.
9. Черемисина М. И., Скрибник Е. К. Опыт формального описания причастно-последовательных конструкций бурятского языка // Подчинение в полипредикативных конструкциях: сб. ст. Новосибирск: Наука, 1980. С. 38–76.
10. Скрибник Е. К. Полипредикативные синтетические предложения в бурятском языке. Новосибирск: Наука, 1988.
11. Черемисина М. И. О содержании понятия «предикативность» в синтаксисе сложного предложения // Полипредикативные конструкции и их морфологическая база: сб. ст. Новосибирск: Наука, 1980. С. 154–180.
12. Черемисина М. И., Бродская Л. М., Горелова Л. М. и др. Предикативное склонение причастий в алтайских языках. Новосибирск: Наука, 1984.
13. Рассадин В. И. О системе причастий в монгольских и тюркских языках // Вестник Бурятского научного центра Российской Академии Наук. 2012. N 1 (5). С. 161–175.
14. Кошкарева Н. Б. Типовые синтаксические структуры и их семантика в уральских языках Сибири: дис. ... д-ра филол. наук. Новосибирск, 2007.
15. Баскаков А. Н. Предложение в современном турецком языке. М.: Наука, 1984.
16. Закиев М. З. Татарская грамматика. Синтаксис. Т. 3. Казань: Татарское книжное издательство, 1995.
17. Покровская Л. А. Синтаксис гагаузского языка в сравнительном освещении. М.: Наука, 1978.
18. Есенов Х. М. Основные вопросы синтаксиса осложненного предложения в современном казахском литературном языке: дис. ... д-ра филол. наук. Алма-Ата, 1982.
19. Ефремов Н. Н. Полипредикативные конструкции якутского языка: Система, структура, семантика: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Якутск, 1999.
20. Алиев У. Б. Синтаксис карачаево-балкарского языка. М.: Наука, 1973.
21. Валентинова О. И., Денисенко В. Н., Преображенский С. Ю., Рыбаков М. А. Системный взгляд как основа филологической мысли. М.: Языки славянской культуры, 2016.
22. Cristofaro S. Subordination. New York: Oxford University Press, 2003.

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Abdullabekova U. B.

Dagestan Federal Research Center RAS, Makhachkala, Russia

MONOFINITE COMPLEX CLAUSE IN THE KUMYK LANGUAGE

This article aims to analyze the monofinite complex clause in the Kumyk language in terms of structure. The originality of the research lies in the fact that the article proposes a different approach than in Russian studies on the analysis of the syntactic structure of a sentence. The relevance of the research is determined by the role of the sentence structure and methods of its study in linguistics in general. The main method used in the study is the method of syntactic modeling, which is used in terms of functions (members of a sentence), in terms of morphological forms of words and the semantic structure of a sentence.

Turkic languages are not characterized by properly complex sentences with two formally independent finite parts connected by an analytical form. Case affixes and postpositions form not finite verb forms, but infinite verb forms. Such constructions in agglutinative languages are central and most frequent. The monofinite complex clause, or a sentence complicated by an infinite phrase (participial and adverbial phrase), or “polypredicative construction” according to the Novosibirsk syntactic school is investigated in this article.

The author argues that when characterizing a complex clause, it is necessary to take into account such parameters as the finiteness / infiniteness of the dependent predicate, the nature of the means of communication and the referential identity / non-identity of the subjects of the main and dependent parts.

The constructive center of a monofinite complex clause is the indicator of connection –analytical, that is, an auxiliary word, or synthetic, that is, a morpheme in the composition of a dependent predicate. Formally, this is a part of the infinite form of such a predicate, but functionally it serves to express the relationship between the predicative parts. Since the dependent predicate in the Kumyk language occupies the final position in the dependent predicative unit, the synthetic link indicator is located on the border between the main predicative unit and the dependent predicative unit.

Key words: the Kumyk language, the Turkic languages, infinite verb form, complex sentence, finite clause, monofinite complex clause.

About the author:

Abdullabekova Umsalimat Bagautdinovna, Candidate of Philology, Researcher of the Department of Lexicology and Lexicography of the IYALI, Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences (Makhachkala); e-mail: irma-uma@mail.ru. ORCID ID: 0000-0002-1978-6918.

References:

1. Makarov, T. N. *Tatar Grammar of the Caucasian Dialect*. Tiflis, 1848.
2. Dmitriev, N. K. *Grammar of the Kumyk Language*. Moscow, 1940.
3. Dzhannamavov, Yu. J. *Adverbial Participle in the Kumyk Literary Language*. Moscow, 1967.
4. Abdullayeva, A. Z. *Complicated Sentence in the Kumyk Language*, Cand. Sci. (Philol.) Diss. Abstr., Baku, 1973.
5. Olmesov, N. Kh. *Comparative Grammar of the Kumyk and Russian Languages. Phonetics. Morphology*. Makhachkala, 2000.
6. Saidov, A. M. *Simple Sentence in the Kumyk Language*. Makhachkala, 2019.
7. Testelets, Ya. G. *Introduction to General Syntax*. Moscow, 2001.
8. Skribnik, E. K., Darzhaeva, N. B. *Grammar of the Buryat Language. The Syntax of a Complex (Polypredicative) Sentence*, vol. 1, Ulan-Ude, 2016.
9. Cheremisina, M. I., Skribnik, E. K. “Experience of Formal Description of Participle-Postpositional Constructions of the Burt Language.” *Submission in Polypredicative Constructions*, Novosibirsk, 1980, pp. 38–76.
10. Skribnik, E. K. *Polypredicative Synthetic Sentences in the Buryat Language*. Novosibirsk, 1988.
11. Cheremisina, M. I. “On the Content of the Concept of “Predicativity” in the Syntax of a Complex Sentence.” *Polypredicative Constructions and their Morphological Base*, Novosibirsk, 1980, pp. 154–180.
12. Cheremisina, M. I., Brodskaya, L. M., Gorelova, L. M. et al. *Predicative Declension of Participles in Altai Languages*. Novosibirsk, 1984.
13. Rassadin, V. I. “About the Participle System in Mongolian and Turkic Languages.” *Bulletin of the Buryat Scientific Center of Russian Academy of Sciences*, no.1, 2012, pp. 161–175.
14. Koshkareva, N. B. *Typical Syntactic Structures and their Semantics in the Uralic Languages of Siberia*, Doctor Sci. (Philol.) Dissertation, Novosibirsk, 2007.
15. Baskakov, A. N. *Proposal in the Modern Turkish Language*. Moscow, 1984.
16. Zakiev, M. Z. *Tatar Grammar: Syntax*, vol. 3, Kazan, 1995.
17. Pokrovskaya, L. A. *Syntax of the Gagauz Language in Comparative Coverage*. Moscow, 1978.

18. Esenov, Kh. M. *Basic Questions of the Syntax of a Compound Sentence in the Modern Kazakh Literary Language*, Doctor Sci. (Philol.) Dissertation, Alma-Ata, 1982.
19. Efremov, N. N. *Polypredicative Constructions of the Yakut Language: Systemic, Structure, Semantics*, Doctor Sci. (Philol.) Diss. Abstr., Yakutsk, 1999.
20. Aliyev, U. B. *Syntax of the Karachai-Balkar Language*. Moscow, 1973.
21. Valentinova, O. I., Denisenko, V. N., Preobrazhensky, S. Yu., Rybakov, M. A. *System View as the Basis of Philological Thought*. Moscow, 2016.
22. Cristofaro, S. *Subordination*. New York, Oxford University Press, 2003.

DOI: 10.35634/2500-0748-2020-12-36-45

УДК: [811.511.111+811.161.1]’373.2(045)

Картушина Е. А.

Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина, Москва, Россия

ИНОЯЗЫЧНЫЕ ЭРГОНИМЫ И ОБЪЯВЛЕНИЯ В ЯЗЫКОВОМ ЛАНДШАФТЕ СТОЛИЧНОГО ГОРОДА (НА ПРИМЕРЕ МОСКВЫ И ХЕЛЬСИНКИ)

Объектом исследования данной статьи является языковой ландшафт (далее – ЯЛ). В статье представлены результаты рассмотрения элементов языкового ландшафта (эргонимов и объявлений) двух столичных городов, Москвы и Хельсинки.

Методы исследования ЯЛ включают в себя наблюдение и контекстный анализ. Сравнительные исследования ЯЛ в сопоставительной российской лингвистике представлены фрагментарно, что и определило цель данной работы: сопоставить ЯЛ двух городов, Москвы и Хельсинки, и проанализировать иноязычные элементы в ЯЛ этих двух столичных городов. К второстепенным задачам данной работы относилось рассмотрение способов и причин проникновения иноязычных элементов в ЯЛ определенного города. Изучение иноязычных элементов позволяет определить, какие языки являются наиболее значимыми в данном городе.

Актуальность темы исследования не вызывает сомнений: языковой ландшафт столичных городов постоянно меняется, и значимость сопоставительных исследований в этой области трудно переоценить. В качестве материала исследования нами было проанализировано 204 контекста (эргонимы, объявления), зафиксированных на общественных пространствах Москвы и 198 примеров аналогичного языкового функционирования в городской среде Хельсинки. Контексты собирались методом сплошной выборки. Автор рассматривает основные подходы к определению понятия языкового ландшафта. В результате исследования делаются выводы о том, какие иноязычные элементы присутствуют в языковых ландшафтах обеих столиц. Также рассматриваются степень распространения иноязычных элементов из определенного языка-источника и способы репрезентации иноязычных элементов из других языков в языковых ландшафтах этих столиц.

Ключевые слова: языковой ландшафт, социолингвистика, эргонимы, языковые контакты, поликодовые тексты, финский язык, русский язык, многоязычие.

Сведения об авторе:

Картушина Елена Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин, Государственный институт русского языка имени А.С.Пушкина (г. Москва).

Введение

Понятие языкового (лингвистического) ландшафта является достаточно новым в современной социалингвистике, но набирает популярность как метод исследования функционирования языка в городской среде. В лингвистике метафора ландшафта появилась одновременно с ее появлением в других гуманитарных науках (сравним, например, «финансовый ландшафт», «социальный ландшафт»). С другой стороны, и в самой лингвистике были созданы предпосылки для описания «языка вывесок, рекламных щитов и объявлений». В частности, работа В. В. Колесова, посвященная описанию языка городской среды Санкт-Петербурга, представляла собой описание говоров в устной речи горожан [Колесов, 1991].

По всей вероятности, термин ЯЛ был введен из-за необходимости разделить два аспекта исследований языка городской среды: устных вариантов (говоров, территориальных и социальных диалектов и других) и письменных (графического, семиотического) репрезентацию диалектов и / или других языков, проникающих в сферу мегаполиса.

Сам термин связывают с работой Р. Ландри и Р. Бурхиса, понимающих ЯЛ именно как существование разных языков и разновидностей национального языка в мегаполисе [Landry, Bourhis, 1997: 23]. Исследователи применили данный термин при изучении ЯЛ городов Квебека [Bourhis, Landry, 2002].

Цель исследования – сопоставить ЯЛ двух городов, Москвы и Хельсинки, и проанализировать иноязычные элементы в ЯЛ этих двух столичных городов. Новизна исследования заключается в сопоставлении ЯЛ разных столичных городов, рассмотрении значимости и степени распространения других языков в городской среде.

1. Основные подходы к изучению языкового ландшафта

Термин «языковой ландшафт» используется в социалингвистике при описании многоязычия в разных регионах, обычно в мегаполисах [Ling, Wu, 2012]. Языковой ландшафт – это «язык придорожных плакатов, рекламных щитов, табличек-названий улиц и площадей, вывесок на магазинах и общественных учреждениях, которые выполняют две основных функции: информативную и символическую» [Landry, Bourhis, 1997: 25]. Есть и более компактная формула: языковой ландшафт – это «использование письменного языка в городской сфере» [Gorter 2006: 2].

Можно отметить, что «языковые (лингвистические) ландшафты (linguistic landscapes) – это совокупность всех знаков и текстов, которые составляют языковое лицо современных городов, включая официальные (например, таблички с названием улиц, дорожные знаки, информационные табло, мемориальные доски), коммерческие (вывески, афиши, билборды) и неофициальные надписи (объявления, граффити, плакаты)» [Павленко, 2017: 496]. Мы будем понимать под языковым ландшафтом все множество графических и письменных знаков и текстов, которые доступны наблюдателю в общественном пространстве.

ЯЛ как предмет рассмотрения исключительно графически оформленного текста стал исследоваться в некоторых городах. Так, работа П. Бакхауса рассматривает ЯЛ Токио [Backhaus, 2007]. Позднее появилось исследование ЯЛ на Мальте [Sciriha, Vassallo, 2001]. Набирают популярность исследования ЯЛ на материале российских городов [Федорова, 2014; Громова, 2013].

В исследовании Н. И. Дорониной [Доронина, 2007: 197] выделяется два основных типа текстового пространства города. К первому типу исследователь относит текстовое пространство, которое выполняет ориентирующую функцию. Это тексты официально-делового стиля (названия городских объектов, улиц, площадей, остановок и т. д.). Ко второму типу относятся городские тексты, выполняющие рекламную функцию.

Анализ ЯЛ включает и анализ поликодовых текстов, «построенных на соединении в едином графическом пространстве семиотически гетерогенных составляющих – вербального текста в устной или письменной форме, изображения, а также знаков иной природы» [Сонин, 2005: 116].

Таким образом, ЯЛ представляет собой функционирование тех репрезентаций языка мегаполиса, которые имеют письменное, графическое и / или поликодовое оформление.

2. Иноязычные элементы в языковом ландшафте Москвы

Исходя из проанализированного нами материала, можно выделить следующие, наиболее распространенные, языки-источники иноязычных элементов в ЯЛ Москвы, представленные в табл.1.

Таблица 1 – Иноязычные элементы в языковом ландшафте Москвы

Язык-источник	Количество примеров	Язык-источник	Количество примеров
Английский	65	Испанский	8
Итальянский	47	Японский	5
Французский	34	Грузинский	4
Немецкий	16	Вьетнамский	3
Китайский	12	Шведский	2
Чешский	8		

Как показывают результаты исследования, наиболее распространенную группу в ЯЛ Москвы составляют лексемы из английского языка. Например, названия ресторанов *Луизиана стейк-хаус*, или салона красоты *Империял Тай* (величественный Тайланд), магазин одежды *Траффик* (движение), а также наименование кафе *Праймбифбар* (отличный мясной бар), *Кофе хаус* (дом кофе), офис продаж квартир *Бэсткон* (сокращение от best consulting лучший консалтинг), магазин одежды *Вайлдберриз* (дикие ягоды), туристическое агентство *Чун Трип* (дешевое путешествие). Как мы видим, языковые элементы транскрибированы.

Наряду с этим, встречаются и названия на латинице, заимствованные *per se*, как, например, название салона красоты *Chop-chop* (быстро-быстро) или название мужской парикмахерской *Wall-street* (улица Нью Йорка, где находится фондовая биржа), как и наименования ресторанов *Meeting* (встреча), *The burger brothers* (братья по бургерам) и название спортивного клуба *In Tonus* (в тонусе). Некоторые элементы ЯЛ встречаются как на английском, так и при помощи их транскрипции на русский, например, название магазина *Wildberries*.

На английском представлены и следующие эргонимы: парикмахерская *Cut & Color* (стрижка и покраска), химчистка *Sequoia pressing* (прессование секвойи), название печенья в кафе *Red velvet* (красный бархат), лекторий *Republican university* (Республиканский университет); книжный магазин *Gate* (ворота); магазин женской одежды *Mixed feelings* (смешанные чувства); выставочное пространство *Courtyard* (двор дома); типография *Print shop* (печатный магазин); фото сервис *PhotoPoint* (фото пункт); спортивный магазин *Ridestep* (ездовой шаг); минимаркет *Daily* (ежедневно); студия эпиляции *Light Epil* (легкая эпиляция); журнал *Goodbye office* (до свидания офис); *Zebra Travel* (зебра путешествие), букмекерская компания *Winline* (очередь за выигрышем); сеть кофеен *Red Cup* (красная кружка), кофейни *Dark side* (темная сторона).

Отдельную группу составляют элементы ЯЛ Москвы, которые совмещают русские и английские словоформы, например, *КудаGo* (куда идти), *Wild bags Крафтовые рюкзаки* (дикие сумки). При этом можно встретить и смешение букв кириллицы и латиницы в одной словоформе, как, например, в названиях кафе: *Правда кофе*, *Faru*. В данных примерах мы видим изменение орфографии, при этом в первом большую часть составляют буквы кириллицы, а в последнем – латиницы. Другую группу иноязычных вкраплений в ЯЛ Москвы составляют наименования из французского языка: 34 контекста соответственно. Способы репрезентации из французского в ЯЛ российского столичного мегаполиса воспроизводятся аналогичными английскому способам. Например, название кафе,

европейского топонима, *Bruxelles* (Брюссель). При этом встречается более частотное, по сравнению с английским, использование определенного артикля, как в названиях следующих кафе: *La mareé* (прилив, волна); *Le restaurant* (ресторан); *La Vie Jadan* (жизнь Жадан). Также встречаются наименования в ЯЛ Москвы, созданные способом транскрипции. В частности, название кафе Паризьенн (Парижанин).

Примечательно, что в случаях репрезентации при помощи транслитерации с французского нам не встретились примеры смешения букв кириллицы и латиницы. Аналогичным образом встречается использование иноязычных фраз, как, например, в названии магазина одежды *Je t'aime* (я тебя люблю); *Chez Maman* (у мамы).

Кроме того, встречаются и наименования, не соответствующие услугам заведения. Например, название салона красоты *Mille-feuille* (кондитерское изделие, пирожное) больше подошло бы в качестве названия пекарни.

Аналогичная ситуация прослеживается и с другой многочисленной группой иноязычных наименований в ЯЛ Москвы из итальянского языка – 47 примеров. Например, пекарня *il pittore* (художник); ресторан *La Bottega Siciliana* (сицилийская лавка); ресторан *La Provincia* (провинция); пиццерия *Bontempi* (хорошие времена); ресторан *Salumeria* (деликатес, колбасные изделия). Встречаются и названия, содержащие общую характеристику: *Buono* (хороший, славный).

Фрагментарно представлены надписи из шведского, например, название пекарни *Königsbäken* (королевская пекарня), некоторых восточных языков, в частности из грузинского языка *Вай Мэ* (О боже) и японского: рестораны *Аозора* (голубое небо); *Тануки* (тануки – традиционные японские мифические существа, символизирующие счастье и благополучие); *Макото* (истина, раскрывающаяся подлинностью); *Takeshi* (японское мужское имя).

Обращает на себя внимание тот факт, что вывески часто содержат лексемы из нескольких языков. Например, Хинкальная *Point of Pleasure Скоро открытие* (Место удовольствия); *LC Waikiki Better with you. Мы находимся на 1 и 2 этаже* (Компания Вайкики. Лучше с вами).

Кроме того, можно встретить вывески – параллельные тексты на двух языках, как в объявлении об открытии кафе: «*Скоро открытие! Жди новый огонь «Il Patio»! Presto nuova apertura! Aspetta la nuova fiamma «Il Patio»!*»

При этом текст на языке перевода может не совпадать: *bluesleep.ru A new day in sleep* (Новый день сна) *Новое слово в искусстве сна*. Как мы видим, перевод рекламного слогана был не буквальным, а произведена комплексная трансформация.

Иноязычные элементы могут встречаться и в рамках одного словосочетания: два иноязычных элемента из японского и английского, при этом словосочетание из английского как устойчивое воспроизводится на английском, а из японского первый элемент словосочетания приводится в транскрипции: *Special Offer. Suzuki popu* (Специальное предложение. Сузуки рору). В данном примере, как мы видим, в рамках одного словосочетания встречаются сразу две транскрипции, на латиницу и на кириллицу.

Таким образом, основным языком источником для иноязычных эргонимов Москвы является английский. Вторую по многочисленности группу эргонимов составляют иноязычные элементы из итальянского языка. Также отмечены весьма многочисленные надписи на французском и немецком языках, в то время как восточные языки и языки СНГ в языковом ландшафте Москвы представлены менее широко.

3. Иноязычные элементы в языковом ландшафте Хельсинки

Результаты исследования тех языков, которые послужили источниками для иноязычных элементов ЯЛ Хельсинки на данном этапе, представлены в табл. 2.

Таблица 2 – Элементы из разных языков в языковом ландшафте Хельсинки

Язык-источник	Количество примеров
Английский	47
Шведский	33
Французский	29
Итальянский	21
Немецкий	20

Язык-источник	Количество примеров
Русский	18
Японский	12
Китайский	10
Вьетнамский	8

Обращает на себя внимание, что, по сравнению с российским мегаполисом, количество названий на английском незначительно меньше. Общее количество названий исключительно на английском составляет 47. Например, названия кафе и ресторанов *Ask* (спроси); *Neighbour Bistro* (бистро по соседству); *Helsinki Bourse Club* (биржевой клуб Хельсинки); *Shelter* (укрытие), *Story* (история); *Lost in Helsinki* (Потерянные в Хельсинки); *Sgt. Peppers Bar* (бар сержанта Пеппера); *Old school bar* (бар старой школы); *Party song* (песня для вечеринки) а также названия организаций *DataForum* (форум данных); *Synchtel: congress engineering* (инженерия конгресса); *UrbanGroup* (городская группа). Эргонимы, лексификатором которых служит английский, встречаются также среди названий парикмахерских: *Hearts Salon* (салон сердец) и названиях пунктов по ремонту техники *FixIt* (отремонтируйте это).

Несмотря на то, что шведский является вторым государственным языком Финляндской республики, количество наименований на шведском составили всего 33 наименования, например, *Spis* (обед) *Svenska teatern* (шведский театр); название клуба *Börs* (биржа); название кафе *Västra terminalen* (Южный терминал); название печатного салона *Svedbergs* (Шведские горы); бар *Puke* (шпион); кафе *Smaken av hemmet* (вкус дома).

Примерно равнозначны по количественному составу наименования из французского: *Restaurant Pastis* (Ресторан Ликер); *La maison* (дом); *Café boulangerie* (кафе пекарня).

Наименования кафе и ресторанов из итальянского менее представлены в количественном отношении: *Pizzeria Via Tribunali* (Пиццерия на улице Трибуналы); *Trattoria Limone* (Ресторан Лимон); *Fratelli* (братья); *Belezza* (красота).

Также встречаются и наименования из русского языка: *Saslik* (шашлык), *Blini* (блины), *Troika* (Тройка).

Менее представительны в количественном отношении иноязычные наименования из восточных языков. Например, название ресторана *Umeshu* (японский ликер на основе фрукта уме, произрастающего в Японии).

Однако английский язык является весьма распространенным в объявлениях и рекламах столичного региона Финляндии. Параллельные тексты на английском и финском встретились в 21 контексте:

- *Do not press the emergency button in the event of danger. If the press does not work, press the release button and turning at the same time. Älä paina hätäseis – painiketä kuis vaaratilanteessa! Jos puristin ei toimi vapauta painike.* (Не нажимайте кнопку экстренного вызова в случае опасности. Если кнопка не работает, одновременно нажмите кнопку спуска и поверните винт).
- *Tulipalon sattuessa älä käytä hissia. Action in fire do not use the lifts.* (В случае пожара не пользуйтесь лифтом).
- *Terevetuloo Turkuun! Welcome to Turku!* (Добро пожаловать в Турку!) В данном примере на английском используется топоним *Turku*, который представлен в словоформе винительного падежа.
- *Meillä on myös kasviruokia. We also have vegetables.* (У нас есть также овощные блюда).
- *Beautiful hair is in your hands. Ammattimaiset ratkaisut kaikille hiustyypeille.* (Красивые волосы в ваших руках. Любовь профессионала-парикмахера к каждому типу волос).

В последнем примере, тексте на рекламном щите около парикмахерской, не совпадают финский и английский тексты. Возможно, это обусловлено учетом культурных особенностей рекламы.

Английские лексемы встречаются и в финских текстах, замещая один или несколько элементов синтаксической структуры: *Jopa 60% off aletuotteet merkitty erikseen* (Скидки до 60 % на товары с особой меткой). В данном примере предлог *off* заменяет префикс элативного падежа финского языка.

Использование английской морфемы, таким образом, может быть вызвано различным выражением онтологической категории деления на части, которая представлена предлогом в английском языке и суффиксами *-sta / stä* в финском.

В ряде случаев английские словоформы пишутся с искаженной орфографией, как, например, в следующем примере можно наблюдать неправильное написание предлога: *Potatoes whit cheese filling jalopenos*. (Картошка и шарики с сырной начинкой).

Другой пример: *Aurinkoista kevättä! Toivoo Hearts Team. Style with a smile*. (Весеннего солнца вам! Желает команда профессионалов салона Hearts. Стиль с улыбкой). Здесь мы замечаем написание английской лексемы *style* с использованием буквы *ü* из шведского языка. Лексема *tjili* (шв. «стиль») была заимствована финским языком – *tyli* (финск. «стиль»).

Смешение языков можно наблюдать и в следующих контекстах: *Tonight Liput 10 EUR* (Сегодня билеты 10 евро) и на вывеске *Keeping up ystävien kanssa on nopeampaa kuin koskaan* (Поддерживать связь с друзьями стало быстрее как никогда).

Встречаются также и вывески исключительно на английском. Например, на вывеске велопроката: *Smile as standard* (Улыбка как стандарт), или надпись у входа в продуктовый магазин города Хельсинки: *Be careful because of ice!! Welcome!* (Осторожно, лед. Добро пожаловать!)

В эту же группу можно отнести и надпись на автомобиле такси: *Your success is our succeed* (Ваш успех – это наше преуспевание). И объявления в спа-отеле: 1. *Disinfect your feet before going spa*. 2. *Enjoy your time in spa*. (1. Продезинфицируйте ноги перед началом спа процедуры. 2. Наслаждайтесь спа).

Помимо текстов на английском и финском языках в рамках одной надписи, в объявлениях встречаются и параллельные тексты на финском и шведском языке, но их количество незначительно (12 контекстов). Например, в вывеске салона красоты: *Kuka olisit, jos saisit olla sinä? Maan inspiroivon valikoima kevään muotia on saapanut. Vem är du när du visar vem du är? Uppträck landet mest inspirerande vårmode* (Кем бы ты была, если бы не собой? У нас пришли новинки для твоего весеннего преображения).

Итак, иноязычные эргонимы в ЯЛ Хельсинки, в основном, базируются на материале европейских языков: шведский (как второй государственный), французский, итальянский и другие. Встречаются и вывески на восточных и славянских (в частности, русском) языках, но они не настолько многочисленны, как из европейских языков.

4. Анализ результатов исследования

Исследование языкового ландшафта двух столичных городов (Москвы и Хельсинки) показывает высокую значимость английского языка в данных ареалах распространения. Английский является источником для многих эргонимов. По всей видимости, это обусловлено глобализацией и распространением американского английского.

Английские лексемы встречаются в названиях ресторанов, кафе, парикмахерских, а также и в эргонимике фирм, специализирующихся на ремонте и продаже технического оборудования (ремонт компьютеров, телефонов и другой техники). Это может свидетельствовать о значимости английского языка в данной области. Как правило, английский доминирует в сфере компьютерных технологий [Кирилина, 2013: 165].

В ЯЛ обоих столичных городов несколько различаются способы проникновения английских лексем в эргономическое пространство. В ЯЛ российского столичного мегаполиса английские лексеммы зачастую транскрибируются. В ЯЛ финской столицы часто встречаются английские лексеммы в текстах на финском языке. В обеих столицах встречаются надписи, параллельные тексты на титульном языке (русском или финском) и английском.

По всей вероятности, проникновение иноязычных элементов в ЯЛ столицы преследует и чисто практическую функцию – сделать городскую среду понятной для приезжающих.

Однако, английский является не единственным источником иноязычных заимствований в языковом ландшафте. Другими, достаточно обширно представленными в ЯЛ рассмотренных столичных городов, являются итальянский и французский языки. Итальянский преимущественно представлен в названиях ресторанов, кафе. Французские эргонимы также встречаются в наименованиях кафе, ресторанов, но, помимо этого, и в названиях косметических фирм и салонов красоты.

Возможно, выбор итальянских и / или французских эргонимов в данной области обусловлен «игрой на ассоциациях» и основывается на общих представлениях об Италии и Франции. Однако, подтверждение данного аспекта требует дополнительных ассоциативных экспериментов и может являться перспективой дальнейшего исследования.

В ЯЛ финской столицы, по сравнению с ЯЛ российской столицы, невелика доля восточных языков, что может быть обусловлено соседством России со странами Азии. Названия кафе и ресторанов на китайском, японском, вьетнамском встречаются в ЯЛ обеих столиц, но в Москве встречаются и названия магазинов на японском. При этом, китайский (mandarin Chinese) встречается как в аэропорту Ванта (Хельсинки), так и в аэропорту Шереметьево г. Москвы.

Многочисленность языков-источников в ЯЛ обоих городов позволяет нам сделать следующий вывод: иноязычные элементы ЯЛ не сводятся к одному языку-источнику. Позволяя эргонимам из одного языка-лексификатора войти в городскую среду, эта сфера языкового функционирования открывает двери и для других языков.

Не стоит, однако, выпускать из виду, что проникновение иноязычных вкраплений из разных языков-источников в ЯЛ мегаполиса может иметь и негативное следствие, заключающееся в том, что вывески-эргонимы на английском, китайском или каком-то другом языке могут встречаться в любом городе, что может привести к усреднению, нейтрализации отличительных черт городской среды.

Такой способ иноязычных вкраплений в ЯЛ столиц как смешение алфавитов и слов в рамках одной словоформы или синтаксических конструкций, требуют быстрого переключения кодов, понимаемого как «использование говорящим более одного языка, языковой разновидности, языкового стиля в рамках одного высказывания или текста, или между разными собеседниками или в разных ситуациях» [Romaine, 1992: 110]. Поскольку в ЯЛ встречаются иноязычные элементы из разных языков, прагматика ЯЛ столицы предполагает ориентированность на многоязычие. Можно высказать предположение, что полилингвизм ЯЛ не всем и не всегда может быть понятным и не всегда может восприниматься положительно, однако и эта гипотеза требует верификации, исследований с привлечением методов языковой прагматики. О необходимости изучения прагматического аспекта ЯЛ говорится и в работе Д. Смакмана и П. Хейнриша [Smakman, Heinrich, 2018: 38]. Возможно, в ситуации многоязычия мы сталкиваемся с последствиями глобализации.

Более того, вариативность словоформ, в частности, в ЯЛ Москвы, совмещающих буквы кириллицы и латиницы, впоследствии приводит к вариативности орфографической нормы и вновь возвращает нас к вопросу о степени понятности ЯЛ для всех жителей городов.

Количественное измерение доли того или иного языка в ЯЛ определенного города не может не говорить о степени значимости того или иного языка в данном ареале распространения. Так, большее количество иноязычных элементов из английского по

сравнению со шведским в ЯЛ Хельсинки может говорить об уменьшении роли шведского языка и увеличении роли английского. Подтверждением этому может служить и тот факт, что в метро Хельсинки надписи и названия остановок представлены на трех языках – финском, шведском и английском.

Заключение

Языковой ландшафт представляет собой новую, но достаточно перспективную сферу социолингвистических исследований. Быстро реагируя на те или иные изменения социокультурного характера, городская среда предоставляет богатейший материал для исследования взаимодействия культуры, идеологии и языка, что и служит объектом исследований ЯЛ.

Как показали результаты исследования ЯЛ двух столичных городов соседствующих стран, России и Финляндии, доля иноязычных элементов в эргонимах, вывесках и объявлениях, весьма высока. Большая часть из них приходится на английский язык (что и подтверждает выдвинутую в начале статьи гипотезу исследования). Это может свидетельствовать о том, что английский язык (в частности, его американский вариант) играет роль мирового языка и выполняет миссию языка глобализации, которую он принял на себя «по умолчанию».

Появление русского языка в ЯЛ Хельсинки также свидетельствует о его важной роли как мирового языка. Кроме того, стоит учесть и культурно-исторические связи России и Финляндии. Возможно, исследования в приграничных районах российско-финляндской границы могли бы дать еще более наглядные примеры языковых контактов русского и финского языков в ЯЛ.

Несмотря на популярность изучения ЯЛ на материале многих языков и городов, некоторые вопросы, связанные с его исследованием, остаются открытыми. В частности, открытым остается вопрос о прагматике языковых знаков городской среды, которая может быть рассмотрена при помощи методов ассоциативного эксперимента, интервью и включенного наблюдения.

Другой вопрос, который возникает из анализа иноязычных элементов в ЯЛ столичного города – это вопрос о том, насколько регулируемой должна быть данная сфера в рамках государственной языковой политики. Это вопрос сближает сферу исследований языка городской среды с другими направлениями социолингвистики, языкового планирования и языкового пуризма.

Литература:

1. Громова В. М. Описание лингвистического ландшафта как инновационная модель изучения взаимодействия языков в современном мире // Инновационный контекст развития методики преподавания иностранных языков, филологии и межкультурной коммуникации: сб.ст. Ижевск: Изд-во Удм. гос. ун-та, 2013. С. 239–241.
2. Доронина Н. И. Текстовое пространство города // Язык города: материалы междунар. науч-практ. конф. Бийск: Бийск. педагог. гос. ун-т им. В. М. Шукшина, 2007. С. 197–203.
3. Кирилина А. В. Описание лингвистического ландшафта как нового метода исследования языка в эпоху глобализации // Вестник Тверского государственного университета. 2013. Серия: Филология (5). С. 159–167.
4. Колесов В. В. Язык города. М: Высшая школа, 1991.
5. Павленко А. Языковые ландшафты и другие социо-лингвистические методы исследования русского языка за рубежом // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2017. Т. 21. N 3. С. 493–514.
6. Сонин А. Г. Экспериментальное исследование поликодовых текстов: основные направления // Вопросы языкознания. 2005. N 6. С. 115–123.
7. Федорова Л. Л. Языковой ландшафт: Город и толпа // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История. Филология. 2014. Т. 13. Вып. 6. С.70–80.
8. Backhaus P. Linguistic Landscapes: A Comparative Study of Urban Multilingualism in Tokyo. Clevedon, North Somerset: Multilingual Matters Ltd., 2007. P. 31–51.

9. Bourhis R. Y., Landry R. La loi 101 et l'aménagement du paysage linguistique du Québec // L'aménagement Linguistique au Québec: 25 D'application de la Charte de la Langue Française. Québec: Publications du Québec, 2002. P.107–132.
10. Gorter D. The Study of Linguistic Landscape as a New Approach to Multilingualism // International Journal of Multilingualism. 2006. Vol. 3. P. 1–6.
11. Landry R., Bourhis R., Richard Y. Linguistic Landscape and Ethnolinguistic Vitality: an Empirical Study // Journal of Language and Social Psychology. 1997. Vol. 16 (1). P. 23–49.
12. Ling G., Ming-Hisuan Wu. Linguistic Landscape and Heritage Language Literacy Education: a Case Study of Linguistic Rescaling in Philadelphia Chinatown // Written Language and Literacy. 2012. Vol. 15 (1). P. 114–140.
13. Smakman D., Heinrich P. Urban Sociolinguistics around the World. The City as a Linguistic Process and Experience. London: Routledge, 2018.
14. Romaine S. Bilingualism. Cambridge: Blackwell Publishers, 1992.
15. Sciriha L., Vassallo M. Malta: a Linguistic Landscape. Malta, 2001.

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Kartushina E. A.

Pushkin State Russian Language Institute

**FOREIGN LANGUAGE ERGONYMS AND SIGNS
IN THE LINGUISTIC LANDSCAPE OF THE CAPITAL CITY
(TAKING MOSCOW AND HELSINKI AS AN EXAMPLE)**

The article presents the results of analysing the elements of the linguistic landscape (LL) i. e. ergonyms, inscriptions and signs of two capital cities – Moscow and Helsinki. The main objective of the study is to track the elements from other languages in the linguistic landscape of these cities. Another task of the study involves reviewing of the methods of linguistic landscape studies and considering the reasons for the penetration of foreign language elements into the LL of a certain city.

The LL research methods include observation and contextual analysis. Comparative studies of LL are presented fragmentarily, which determined the purpose of this work: to compare LL of two cities – Moscow and Helsinki, and to analyze foreign language elements in the LL of these two capital cities. Focusing on foreign language elements allows to determine which languages play a more or less significant role in the LL of a certain city.

The relevance of the research topic is undeniable as the linguistic landscape of capital cities is constantly changing, and the importance of a comparative research in this area can hardly be overestimated. Research materials include 204 contexts (ergonyms, advertisements) from public places of Moscow and 198 examples of similar linguistic functioning in the urban environment of Helsinki. The contexts were selected using a continuous sample method. The author examines the main approaches to defining the concept of a linguistic landscape, which confirms the theoretical significance of the work. As a result of the study, conclusions are drawn about the foreign language elements which are present in the linguistic landscapes of both capital cities. The degree of spreading some foreign language elements from a specific source language is also considered, as well as the ways of representing foreign language elements in the linguistic landscapes of the cities under study.

Key words: linguistic landscape, sociolinguistics, language pragmatics, sociolinguistic methods, language of the city, ergonyms, language contacts, multi-code texts, the Finnish language, the Russian language.

About the author:

Kartushina Elena Aleksandrovna, Candidate of Philology, Associate Professor, the Department of Social and Humanitarian Disciplines, Pushkin State Russian Language Institute.

References:

1. Gromova, V. M. "Description of Linguistic Landscape as an Innovative Model for Studying Languages Correlations in the Modern World." *Innovative Context of Development in Language Teaching Methodology, Philology and Intercultural Communication*, Izhevsk, 2013, pp. 239–241.
2. Doronina, N. I. "Text Space of the City." *City Space: Reports of the International Scientific and Practical Conference*. Biisk, 2007, pp. 197–203.
3. Kirilina, A. V. "Description of Linguistic Landscape as a New Method of Language Research in Globalisation Epoch." *Tver State University Herald*, vol. 5, 2013, pp. 159–167.
4. Kolesov, V. V. *The Language of the City*, Moscow, 1991.
5. Pavlenko, A. "Linguistic Landscapes and Other Sociolinguistic Methods of Researching Russian Language Abroad." *Russian University of People's Friendship Herald*, vol. 21, no. 3, 2017, pp. 493–514.
6. Sonin, A. G. "Experimental Research of Multi-Code Texts: Key Trends." *Linguistic Issues*, no. 6, 2005, pp. 115–123.
7. Fedorova, L. L. "Linguistic Landscape: City and Crowd." *Novosibirsk University Herald: Philology and History*, vol. 13, no. 6, 2014, pp. 70–80.
8. Backhaus, P. *Linguistic Landscapes. A Comparative Study of Urban Multilingualism in Tokyo*. Clevedon, North Somerset, Multilingual Matters Ltd., 2007, pp. 31–51.
9. Bourhis, R. Y., Landry, R. "La loi 101 et l'aménagement du paysage linguistique du Québec." *L'aménagement Linguistique au Québec: 25 D'application de la Charte de la Langue Française*, Québec, Publications du Québec, 2002, pp. 107–132.
10. Gorter, D. "The Study of Linguistic Landscape as a New Approach to Multilingualism." *International Journal of Multilingualism*, vol. 3, 2006, pp. 1–6.
11. Landry, R., Bourhis, R., Richard, Y. "Linguistic Landscape and Ethnolinguistic Vitality: an Empirical Study." *Journal of Language and Social Psychology*, vol. 16 (1), 1997, pp. 23–49.
12. Ling, G., Ming-Hisuan, Wu. "Linguistic Landscape and Heritage Language Literacy Education: a Case Study of Linguistic Rescaling in Philadelphia Chinatown." *Written Language and Literacy*, vol. 15 (1), 2012, pp. 114–140.
13. Smakman, D., Heinrich, P. *Urban Sociolinguistics around the World. The City as a Linguistic Process and Experience*. London, Routledge, 2018.
14. Romaine, S. *Bilingualism*. Cambridge, Blackwell Publishers, 1992.
15. Scirha, L, Vassallo, M. *Malta: a Linguistic Landscape*. Malta, 2001.

DOI: 10.35634/2500-0748-2020-12-45-51

УДК [811.133.1+811.163.41]'373.45(045)

Медведева Д. И., Дегтянникова М. С.

Удмуртский государственный университет, Ижевск, Россия

К ВОПРОСУ О СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИХ СХОДСТВАХ ФРАНЦУЗСКОГО И СЕРБСКОГО ЯЗЫКОВ НА МОРФОЛОГИЧЕСКОМ УРОВНЕ

В настоящей статье исследуется вопрос о сходстве французского и сербского языков на морфологическом уровне. Изучение языковых контактов в современной науке о языке представляет собой отдельное направление, что способствует росту интереса к процессам заимствования; особое место отводится теории калькирования. Нами рассматривается калькирование сербским языком лексем французского языка как один из видов внешнего воздействия одного языка на другой. Цель статьи – выявить и описать структурно-семантические сходства отдельных групп лексики французского и сербского языков в сопоставлении с русским на морфологическом уровне. Были проанализированы 140 французских и сербских

языковых единиц в сопоставлении с русскими эквивалентами. Применялись методы сплошной выборки, сопоставительного анализа, компонентного анализа. В результате исследования было установлено, что изученные лексемы французского и сербского языков характеризуются совпадением внутренней формы морфологической структуры, а в русском языке им соответствуют словосочетания, а также лексемы, заимствованные путем транскрипции либо транслитерации и исконные лексемы с отличающейся от французских и сербских эквивалентов внутренней формой.

Ключевые слова: языковые контакты, французский язык, сербский язык, калькирование, калька, морфология, словообразование.

Сведения об авторах:

Медведева Диана Игоревна, кандидат филол. наук, доцент кафедры романской филологии, второго иностранного языка и лингводидактики Института языка и литературы, Удмуртский государственный университет (г. Ижевск); e-mail: diani@mail.ru.

Дегтянникова Майя Сергеевна, студент-магистрант Института языка и литературы, Удмуртский государственный университет (г. Ижевск); e-mail: madam.degtyannickova@yandex.ru.

Введение

В XXI в., в эпоху глобализации и виртуального общения, контакты между носителями разных языков и культур становятся все более интенсивными, все больше становится людей, владеющих несколькими иностранными языками, в связи с чем особую актуальность приобретают лингвистические исследования на материале трех и более языков.

Большинство россиян, изучающих сербский язык в настоящее время (в том числе и обучающиеся в магистратуре Института языка и литературы Удмуртского государственного университета по направлению «Инновационный менеджмент в образовательном пространстве»), приступают к изучению этого языка, уже владея на разных уровнях одним-двумя иностранными языками. Как подчеркивает Л. М. Малых, в сознании человека, изучающего несколько языков, просыпается «стихийный типолог», чьей целью является все классифицировать и объяснить, сопоставить и противопоставить [Маркосян, 2011: 211, цит. по: Малых, 2010: 132]. В ходе курса «Сербский язык и культура в контексте европейских языков и культур» обучающиеся отмечают сходства отдельных грамматических явлений, а также внутренней формы и морфологической структуры слов нового для них сербского языка с аналогами из уже знакомых западноевропейских языков.

Цель статьи – выявить и описать структурно-семантические сходства отдельных групп лексики французского и сербского языков в сопоставлении с русским на морфологическом уровне. Научная новизна исследования состоит в том, что в работе впервые предпринимается попытка систематизации морфологических сходств между французским и сербским языками на фоне русского языка. Стоит отметить, что сопоставительное исследование трех языков – русского, французского и сербского – было предпринято П. Легурской и И. Панчевым из Института болгарского языка БАН (София). Статья, озаглавленная как «Две группы ономаσιологического тематического каталога семантических переходов (на материале болгарского, русского, сербского, чешского, французского и английского языков)», посвящена анализу полисемии слов всех вышеперечисленных языков, а также вторичной номинации слов в исследуемых языках [Легурска, Панчев, 2014]. Однако в современных российских лингвистических публикациях нами не было обнаружено подробного описания и сопоставления французского и сербского языков с целью выявления калек.

Материал исследования составляет 140 лексических единиц на французском и сербском языках, отобранных методом сплошной выборки из двуязычных словарей [Французско-русский словарь, 2014; Stojadinović, 2016].

1. Калькирование как вид языковых контактов

Структурно-семантические сходства, являющиеся предметом нашего исследования, могут объясняться либо типологическим сходством между языками и общими когнитивными механизмами у их носителей, либо калькированием. С давних пор кальки рассматривались как свидетельство внешнего воздействия на язык, которое также позволяло проследить характер и степень этого воздействия со стороны определенных источников в диахронном или синхронном срезе [Ефремов, 1974: 20]. Так, русский и сербский языки непосредственно калькировали со старославянского и греческого языков, а также создавали словообразовательные кальки с латинского, французского и немецкого языков.

По словам российского лингвиста Б. Г. Унбегауна, сущность калькирования заключается в заимствовании «внутренней формы». Продолжая эту мысль, можно считать, что кальки как предмет заимствования не отличаются от исконных слов по способам и средствам образования или по составляющему их звуковому или лексическому материалу, а по источнику их происхождения примыкают к заимствованиям [Ефремов, 1974: 19].

Как и заимствование иноязычной лексики путем транскрипции или транслитерации, калькирование является результатом языковых контактов. «Источник калек – речевая практика билингов (переводчиков, журналистов, челноков, мигрантов, туристов и др). Кальки появляются как результат буквального перевода (поморфемного, пословного, часто с сохранением особенностей чужого управления и т. д.) иноязычной речи. Кальки проникают в языки незаметно, в качестве едва ощутимой речевой небрежности или смелости, и распространяются быстро» [Мечковская, 2001: 109].

Основные факторы, способствующие притоку калькированных слов и выражений в принимающий язык – географический и культурно-исторический. Что касается географического фактора, его роль для материала нашего исследования не столь значительна, так как общей границы у Франции и Сербии никогда не было. Поскольку Сербия и Хорватия – страны-соседи, а их языки взаимопонятны, хорватский язык мог служить посредником при проникновении в сербский заимствований и калькированных лексем из французского языка. Т. Милосавлевич пишет, что первые французские слова вошли в сербский язык еще в конце XII – начале XIII в., когда Хорватия имела тесные контакты с Францией в эпоху Каролингов; многие хорватские наемники были на службе у французских королей Людовика VIII и Людовика IX. Кроме того, влиянию французской культуры на сербскую способствовали экономические, торговые и культурные связи Далмации (области в Хорватии) с Венецией и южной Францией. Однако, наличие в сербском языке слов французского происхождения, в том числе и калек, не является последствием лишь заимствования галлицизмов в Хорватии. В XVIII в. по совету Доситея Обрадовича, крупнейшего сербского писателя этого века, Стефан Живкович перевел на сербский язык роман Франсуа Фенелона «Приключения Телемака», шедевр французской литературы, написанный в 1695 г. Именно посредством данного перевода некоторые французские слова перешли в сербский язык. В равной мере проникновению галлицизмов в сербский язык способствовали культурные и политические связи между Францией и Сербией во второй половине XIX в. и в первой половине XX в. [Milosavljević, 2013: 393].

Согласно общепринятой классификации калек, их можно разделить на три вида: кальки семантические, словообразовательные и фразеологические. Калька в любом языке выступает в качестве единицы, которая обогащает этот язык, не прибегая к внедрению иностранной оболочки, более того, она выполняет функцию сближения двух образов мышления разных народов. Вместе с тем процесс калькирования, как ни парадоксально, разграничивает языки, участвующие в этом процессе: как правило, язык калькирующий всегда менее престижный и менее распространенный, нежели язык, с которого калькируют.

Не всегда получается с абсолютной точностью определить язык-источник калькирования. Для доказательства иноязычного происхождения, по мнению Л. П. Ефремова, нужно

опираться «на сведения о возникновении значений слова, на те внеязыковые факторы, которые обусловили развитие данных значений» [Ефремов, 1974: 146].

Словообразовательные, или морфологические кальки – двустороннее явление. По словам Л. П. Ефремова, калькирование по отношению к своему объекту – перевод, а по способу существования и по отношению к своему результату (кальке) – словообразование, основанное на использовании мотивированности калькируемого объекта. Получается, что данное явление находится на стыке трех областей лингвистики: теории перевода, словообразования и учения о мотивации [Там же].

2. Сходства морфологической структуры французских и сербских лексем

Лексемы французского и сербского языка с совпадающей морфологической структурой образованы тремя основными способами: префиксальным, суффиксальным и сложением основ. Рассмотрим примеры, образованные путем сложения основ, и их соответствия в русском языке:

après-midi – *послеобед* – после обеда, во второй половине дня; *avant-midi* – *предобед* – до обеда, в первой половине дня > *après* – *после*, *avant* – *перед*, *midi* – *полдень*; *bienvenu, -e* – *добродошао, -ла* – 1) желанный, приятный 2) добро пожаловать; *bienvenue* – *добродошица* – приветствие гостю, радушный прием > *bien* – *добро* – хорошо, *venue* – *дошао* – пришедший; *tire-bouchon* – *вадичен* – штопор, открывалка для бутылок > *tirer* – *вадити* – тянуть, тащить, *bouchon* – *чен* – пробка, затычка; *tournesol* – *сунцокрет* – подсолнух > *tourner* – *окретати* – поворачивать(ся); *tricolore* – *тробојка* – триколор > *tri-* – *тро-* – *трех-*, *colore / couleur* – *боја* – цвет; *naufagé* – *бродоломник* – потерпевший кораблекрушение > *брод* – корабль, *лом* – от слова *ломити* – ломать, разбивать. Французское слово *naufagé* является производным от лат. *naufragium* – кораблекрушение > лат. *navis* – корабль, *frangere* – ломать, разбивать. В двух последних примерах наблюдается изменение части речи при калькировании: прилагательному *tricolore* и причастию *naufagé* соответствуют сербские имена существительные [Французско-русский словарь, 2014; Stojadinović, 2016].

Префиксальный способ словообразования реализуется в прибавлении приставки, или префикса, к слову, которое выступает в роли производящей основы. В обоих языках приставки совпадают по значению и по способу примыкания к слову. Большинство существительных-источников во французском языке образованы с помощью дефиса, а их сербские эквиваленты пишутся слитно: *demi-frère* – *полубрат* – сводный брат; *demi-soeur* – *полусестра* – сводная сестра (букв. брат, сестра наполовину); *extra-terrestre* – *ванземаљац* – инопланетянин > (букв. тот, кто вне Земли); *entracte* – *међучин* – антракт > *entre* – *међу* – между, *acte* – *чин* – действие (букв. то, что между действиями); *entre-temps* – *у међувремену* – тем временем, между тем; *contre-attaque* – *противнапад* – контратака; *mi-temps* – *полувреме* – (спорт.) тайм, половина игры; *surnom* – *надимак* – прозвище > *sur* – *над*, *nom* – *име* (букв. то, что над именем); *président* – *председник* – президент (букв. председатель; тот, кто сидит впереди). Существительные с приставкой *para-*, означающей защиту от чего-л., пришли во французский язык из итальянского, поэтому дефис отсутствует: *parapluie* – *кишобран* – зонтик от дождя; *parasol* – *сунцобран* – зонтик от солнца; *parachute* – *надобран* – парашют; *paravent* – *ветробран* – ширма. Сербские эквиваленты образованы путем словосложения, приставке *para-* семантически соответствует корень *-бран-* от глагола *бранити* – защищать.

Примеры глаголов, образованных приставочным способом, немногочисленны: *encourager* – *охрабривати* – ободрять, поощрять, придавать смелости > *courage* – *храброст*; *indisposer* – *онерасположити* – привести в плохое настроение; *se remarier* – *преудавати се* – выходить замуж вторично; *séparer* – *раздојити* – разлучить; *sous-estimer* – *потцењивати* – недооценивать, преуменьшать. Как и сложение основ, приставочный способ словообразования во французском языке часто реализуется с помощью дефиса, в сербском же языке – частично путем сложения аналогичных приставок и корней, а частично через сложение двух корней.

Суффиксальный способ словообразования является продуктивным в большинстве индоевропейских языков и в настоящее время. Следующие соответствия четко показывают возможность калькирования французских слов сербским языком. В то же время возможная причина сходств – индоевропейское родство и сходные типологические характеристики исследуемых языков.

Во французском языке имеется суффикс *-erie*, соответствующий сербским *-ap / a* или *-an / a*. С помощью его образуются имена существительные, обозначающие предприятие. Данный способ словообразования также имеет место в большинстве европейских языков, а наличие целого списка слов, образованных именно с помощью этого суффикса, теоретически может указывать на их общее происхождение:

boucherie – *месара* – мясной магазин, мясная лавка; *boulangerie* – *пекара* – хлебный магазин, пекарня; *briqueterie* – *циглана* – кирпичный завод; *joaillerie*; *bijouterie* – *златара* – ювелирный магазин; *laiterie* – *млекара* – молочная лавка; *libraire* – *књижара* – книжный магазин; *poissonnerie* – *рибарница* – рыбный магазин; *sucrerie* – *шећерана* – сахарный завод; *scierie* – *тилана* – лесопильный завод; *verrerie* – *стаклара* – стекольный завод и др. В русском языке данным лексемам соответствуют словосочетания, образованные по модели прил. + сущ., где прилагательное обозначает специализацию торгового либо производственного предприятия по виду продукции, а существительное представляет собой родовое наименование «магазин / лавка, завод / фабрика».

Во французском и сербском языках имеется одинаковый способ образования имен существительных от количественных числительных с помощью суффикса франц. *-aine* ж.р., серб. *-ак* м.р., обозначающих приблизительное количество: *quinzaine* – *петнаестак* – около пятнадцати, примерно пятнадцать; *vingtaine* – *двадесетак* – около двадцати, примерно двадцать; *trentaine* – *тридесетак* – около тридцати, примерно тридцать; *quarantaine* – *четрдесетак* – около сорока, примерно сорок; *cinquante* – *педесетак* – около пятидесяти, примерно пятьдесят; *soixantaine* – *шездесетак* – около шестидесяти, примерно шестьдесят. В русском языке данный способ словообразования непродуктивен, а существительных мужского рода, образованных от числительных, подобно сербским, имеется только два: *пятюк* > *пять*, *десяток* > *десять*, поэтому для обозначения приблизительного количества используются описательные обороты:

Далее рассмотрим группу лексем со значением деятеля. Французские суффиксы *-eur* обозначают предмет или лицо, которое совершает действие; в сербском им соответствуют *-ар* или *-ач* (все примеры мужского рода): *tailleur* – кройач – портной (в рус. – субстантивированное прилагательное от архаизма *порты*) > *tailler*, *кројити* – кроить, резать; *serrurier* – *бравар* > *serrure* – *брава* – замок – слесарь (в рус. – от нем. *Schlosser* с идентичной внутренней формой); *vacher* – *кравар* – пастух, который пасет коров (в рус. – описательный оборот) > *vache* – *крава* – корова. Суффикс *-ist* обозначает лицо, деятельность которого связана с предметом, обозначенным основой: *dentiste* – *зубар* > *dent* – *зуб* – зубной врач (в рус. – словосочетание); *fleuriste* – *цвећар* – флорист (в рус. – заимствовано из англ.) и др.

Единичные примеры предполагаемых сербских калек с французского содержат уменьшительные суффиксы: франц. *-ette*, *-elle*, серб. *-иц\а*, *-уш+к\а*: *fourchette* – *вилушка* – вилка (букв. маленькие вилы) > *fourche* – *виле* – вилы; *mademoiselle* – *госпођица* – барышня (устар.), вежливое обращение к девушке > *madame* – *госпођа* – госпожа (букв. маленькая дама или маленькая госпожа); *courgette* – *тиквица* – кабачок > *courge* – *тыква* – тыква (букв. маленькая тыква).

В исследуемых языках нами были обнаружены совпадения в морфологической структуре не только отдельных лексем, но и групп родственных слов – словообразовательных гнезд. Наличие таких групп с тождественным корнем также может указывать на

калькирование сербским языком французских слов. Во главе каждого из представленных гнезд стоят немотивированные слова, идентичные по значению: *courageux* – *срчан* – храбрый, отважный, *courage* – *срчаност* – храбрость > *cœur* – *срце* – сердце; *croisière* – *крстарење* – круиз, *croiseur* – *крстарица* – крейсер > *croix* – *крст* – крест; *exporter* – *извозити* – экспортировать, *exportateur* – *извозник* – экспортер, *exportation* – *извоз* – экспорт; *fiancé* – *вереник* – жених, *fiancée* – *вереница* – невеста, *se fiancer* – *верити се* – обручиться, *fiancaille* – *веридба* – помолвка: французские и сербские лексемы данного словообразовательного гнезда происходят от корня со значением «верный»; *hôtellerie* – *угостителство* – гостиничное дело, *hôtelier* – *угоститель* – отельер > *hôte* – *гост* – гость.

Заключение

В результате исследования мы пришли к следующим выводам. Изученный лексический материал французского и сербского языков характеризуется совпадением внутренней формы и полным либо частичным совпадением морфологической структуры слов. В русском языке данным лексемам соответствуют: словосочетания, что говорит об отсутствии однословного эквивалента (48%); лексемы, заимствованные путем транскрипции либо транслитерации (28%); исконные лексемы с отличающейся от французских и сербских эквивалентов внутренней формой (24%). Что касается частеречной принадлежности материала исследования, абсолютное большинство составляют имена существительные, на втором месте по количеству находятся глаголы, также имеются единичные примеры имен прилагательных и наречий. Количество выявленных примеров по способу словообразования распределяется следующим образом: суффиксальный – 59%, префиксальный – 28%, сложение основ – 13%. Необходимо отметить, что знание подобных языковых параллелей может помочь обучающимся, владеющим французским языком, в усвоении сербской лексики, а знающим сербский – в усвоении французской лексики. Перспективным представляется исследование примеров калькирования из французского языка в сербский на фразеологическом уровне.

Литература:

1. Маркосян А. С. Очерк теории овладения вторым языком. М.: Психология, 2004.
2. Малых Л. М. Антиномия единства и многообразия в сравнительных исследованиях разносистемных языков // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2010. Т. 1. № 3. 129–138 с.
3. Легурска П., Панчев И. Две группы ономаσιологического тематического каталога семантических переходов (на материале болгарского, русского, сербского, чешского, французского и английского языков) // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2014. № 9. 334–346 с.
4. Ефремов Л. П. Основы теории лексического калькирования. Алма-Ата: Казахский ун-т, 1974.
5. Мечковская Н. Б. Общее языкознание: Структурная и социальная типология языков. М.: Флинта, 2001.
6. Milosavljević, T., Ilkova, J. Francuske Pozajmljenice u Srpskom I Bugarskom Jeziku // 70 Година Българска академична лексикография. София: Проф. Марин Дринов. С. 392–400.
7. Французско-русский словарь. Русско-французский словарь. Частотный метод. 55 000 слов. М.: Вако, 2010.
8. Stojadinović V. Francusko-Srpski, Srpsko-Francuski Rečnik. Niš: Nova knjiga BSM, 2016.

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

**ON THE ISSUE OF STRUCTURAL-SEMANTIC SIMILARITIES OF THE FRENCH
AND SERBIAN LANGUAGES AT THE MORPHOLOGICAL LEVEL**

The article examines similarities between French and Serbian languages at the morphological level. The study of linguistic contacts in modern linguistics is a separate direction, which contributes to the growth of interest in the processes of borrowing, where a special place is given to the theory of tracing and its fixation in scientific materials in Russian, the Baltic and some Turkic languages. The paper considers the tracing of French lexemes by the Serbian language as one of the types of external influence on the language, which makes it possible to reveal the nature and extent of this influence from certain sources.

The goal of the paper was to identify and describe some structural and semantic similarities in certain lexical groups in French and Serbian languages in comparison with Russian at the morphological level. 140 French and Serbian linguistic units were analysed and compared to their Russian equivalents. Continuous sampling method, componential analysis and comparative analysis were used in the study. As a result, it was found that the French and Serbian lexemes under study are marked by coincidence of the inner form and morphological structure. As for the Russian equivalents, they are represented by word collocations, loan words (transliterations or transcriptions), or lexemes with a different inner form.

Key words: language contacts, the French language, the Serbian language, tracing, loan translation, morphology, world building.

About the authors:

Medvedeva Diana Igorevna, Candidate of Philology, Associate Professor, the Department of Romance Philology, Second Foreign Language and Linguodidactics, the Institute of Language and Literature, Udmurt State University (Izhevsk); e-mail: diami@mail.ru.

Degtyannikova Maya Sergeevna, Master student, the Institute of Language and Literature, Udmurt State University (Izhevsk); e-mail: madam.degtyannickova@yandex.ru.

References:

1. Markosyan, A. S. *An Essay on the Theory of Second Language Acquisition*. Moscow, 2004.
2. Malykh, L. M. "Antinomy of Unity and Diversity in Comparative Studies of Languages of Different Systems." *Bulletin of the Leningrad State University A. S. Pushkin*, vol. 1, no. 3, 2010, pp. 129–138.
3. Legurska, P., Panchev, I. "Two Groups of the Onomasiological Thematic Catalog of Semantic Transitions (based on the Bulgarian, Russian, Serbian, Czech, French and English languages)." *Slavic World in the Third Millennium*, no. 9, 2014, pp. 334–346 p.
4. Efremov, L. P. *Fundamentals of the Theory of Lexical Tracing*. Alma-Ata, 1974.
5. Mechkovskaya, N. B. *General Linguistics: Structural and Social Typology of Languages*. Moscow, 2001.
6. Milosavljević, T., Ilkova, J. "Francuske Pozajmljenice u Srpskom I Bugarskom Jeziku." *70 Years of Bulgarian Academic Lexicography*, Sofia, pp. 392–400.
7. French-Russian Dictionary. *Russian-French Dictionary. Frequency Method. 55, 000 words*. Moscow, 2010.
8. Stojadinović, V. *Francusko-srpski, srpsko-francuski rečnik*. Niš, 2016.

III. РАННЕЕ ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННЫМ И НАЦИОНАЛЬНЫМ ЯЗЫКАМ

DOI: 10.35634/2500-0748-2020-12-52-60

УДК 372.881.158.11(045)

Арекеева Ю. Е.

Удмуртский государственный университет, Ижевск, Россия

МЕТОДЫ ОБУЧЕНИЯ КИТАЙСКОМУ ИЕРОГЛИФИЧЕСКОМУ ПИСЬМУ В РАННЕМ ВОЗРАСТЕ

В последние годы наблюдается устойчивый рост интереса к изучению китайского языка, начиная с раннего возраста. Однако процесс его изучения на начальных этапах сопряжен со многими сложностями, одна из которых связана с заучиванием изобразительного элемента – иероглифа. Актуальность настоящего исследования обусловлена относительной малоизученностью вопросов методики обучения иероглифической письменности дошкольников и младших школьников.

Целью работы является создание продуктивной системы обучения китайской иероглифике детей в раннем возрасте на начальном этапе изучения языка. В данной статье рассматриваются трудности, возникающие при изучении китайской письменности, особенности изучения иероглифического письма дошкольниками и младшими школьниками, предлагаются некоторые способы обучения иероглифике данной возрастной категории, способствующие качественному усвоению материала и комплексному развитию всех языковых навыков.

Проведенное исследование позволило сформулировать следующие выводы. В связи с многоаспектностью китайского языка, отличающей его от европейских языков, изучение иероглифики на занятиях отходит на второй план, уступая место развитию навыков устной речи. Однако, даже в ограниченных условиях, учителю необходимо заложить обучающимся основы постановки графических навыков, этимологического и структурного анализа иероглифов, опираясь на игровые формы подачи информации.

Обучение иероглифической письменности детей в раннем возрасте представляет собой сложный процесс, связанный, с одной стороны, с характерными особенностями китайского языка, а, с другой, с психоэмоциональными свойствами детей данной возрастной категории. Для решения вопросов, возникающих в процессе обучения, предложен ряд методов, способствующих более глубокому усвоению иероглифического материала в раннем возрасте. Для повышения мотивации к изучению учителю необходимо, с учетом конкретной ситуации, сочетать различные подходы к обучению иероглифической письменности. Дальнейшее детальное обсуждение с преподавателями китайского языка, а также разработка методических пособий и рекомендаций как для дошкольников, так и для начальных классов школы крайне важны для создания комплексной, эффективной системы занятий иероглификой с детьми в раннем возрасте.

Ключевые слова: китайский язык, обучение письму, иероглифическая письменность, ранний возраст, игра, мнемотехника.

Сведения об авторе:

Арекеева Юлия Евгеньевна, ассистент кафедры романской филологии, второго иностранного языка и лингводидактики, Удмуртский государственный университет (г. Ижевск); e-mail: izh4yu@gmail.com. ORCID ID 0000-0003-2016-745X.

Введение

В настоящее время существует большое разнообразие теоретических и практических обоснований необходимости обучения детей иностранным языкам в раннем возрасте. По мнению психологов, в дошкольном возрасте дети наиболее восприимчивы к усвоению новой информации и легче переносят адаптацию к языковым реалиям, отличающимся от привычных им (И. В. Вронская [Вронская, 1999], Г. Д. Гальскова [Гальскова, 1993], Е. И. Негневицкая [Негневицкая, 1993] и др.). Более того, раннее изучение языков закладывает основы правильного произношения, имитационных способностей ребенка, способствует развитию памяти и мышления.

В литературе по педагогике отсутствует единое определение «раннего возраста» детей, изучающих иностранный язык. Некоторые ученые-психологи полагают, что под обучением в раннем возрасте понимаются занятия с детьми дошкольного возраста (Н. А. Тарасюк [Тарасюк, 2000]), а другие высказывают мнение, что к детям раннего возраста, обучаемым иностранным языкам, можно отнести также младших школьников (А. А. Леонтьев [Леонтьев, 1985], Е. Ю. Протасова [Протасова, 1997]). В данной работе под термином «обучение в раннем возрасте» мы будем подразумевать обучение детей старшего дошкольного и младшего школьного возраста.

По мере усиления глобальных политических позиций Китайской Народной Республики, развития стратегического партнерства и сотрудничества между Россией и Китаем растет интерес к изучению китайского языка. Перед специалистами-синологами, владеющими языком на высоком уровне, открываются широкие возможности для практического использования своих знаний в самых различных областях. Однако процесс обучения дошкольников и младших школьников китайскому языку сопряжен с целым рядом трудностей. Одной из основных особенностей языка, отличающей его от европейских языков, является иероглифическая письменность, отличная от привычной нам буквенной системы.

Анализ научной литературы показал, что в настоящий момент вопрос методики обучения иероглифической письменности дошкольников и младших школьников все еще остается относительно малоизученным, наблюдается острая нехватка монографических работ в этой области. Целью данной статьи является создание системы обучения китайской иероглифике детей в раннем возрасте на начальном этапе изучения китайского языка. Для достижения данной цели поставлены следующие задачи:

- проанализировать существующие разработки в области методики преподавания иероглифической письменности, а также собственный восьмилетний опыт обучения китайскому языку детей дошкольного и младшего школьного возраста;
- обобщить трудности, возникающие при обучении иероглифической письменности детей раннего возраста;
- определить эффективные способы обучения детей иероглифической письменности, помогающие на начальном этапе изучения китайского языка.

1. Трудности обучения китайской иероглифической письменности

Говоря об изучении китайского языка, ученые-лингвисты отмечают множество сложностей, вызванных спецификой иероглифического письма, с которыми сталкиваются обучающиеся. Согласно А. М. Карапетьянц и Тань Аошуан, «китайский язык, на котором говорит пятая часть населения земного шара, действительно является «другим», его знаковая система пользуется иными способами кодирования» [Карапетьянц, 2003: 3]. О. А. Масловец,

автор ряда учебных пособий по обучению китайскому языку школьников, отмечает, что «в силу специфики этого языка существует много неразрешенных вопросов, в результате чего «сложилось мнение, согласно которому задача выучить китайский язык в условиях отсутствия языковой среды относится к числу неразрешимых» [Масловец, 2012: 5].

Серьезной проблемой при овладении китайской письменностью является то, что фонетическое звучание слова не связано с его письменным отображением. Иероглифы в китайском языке состоят из черт, которые, в отличие от букв, не являются фонемами. Поэтому разница между произношением, написанием и значением слова в этом языке очень существенна.

Процесс обучения иероглифическому письму, по мнению А. Р. Аликберовой, осложняется еще и следующими факторами: наше сознание не приучено воспринимать рисунок из большого числа компонентов, память не научена быстро запоминать иероглифы более чем из 5 черт; в китайском иероглифическом письме отсутствует наклон, нет прямого указания на чтение в иероглифе, необходимо строго придерживаться порядка написания черт, к моменту начала обучения у детей должны быть сформированные графические навыки [Аликберова, 2017].

Необходимо также учитывать, что время, отводимое на обучение иероглифике в рамках занятия, минимально. Введение в китайский язык начинается с изучения нескольких моментов одновременно: это и отработка фонетики с тонами, и знакомство с письменностью, и пополнение словарного запаса, и приобщение к культуре страны. Такой большой объем информации плохо усваивается детьми в раннем возрасте. Учитель вынужден расставлять приоритеты в пользу развития навыков устной речи, при этом обучение чтению и письму отходит на второй план. По нашему мнению, данный метод устного опережения, хоть и обоснован с учетом возрастной специфики, предполагает слабое развитие графических навыков письма, что будет сильно тормозить изучение китайского языка в будущем. Поэтому на следующих этапах обучения важно уделять пристальное внимание чтению и письму.

2. Эффективные способы обучения детей иероглифической письменности

На наш взгляд, следующие способы обучения иероглифике детей в раннем возрасте будут способствовать качественному усвоению материала и комплексному развитию всех языковых навыков:

- изучение структуры иероглифических знаков по принципу «от простого к сложному», начиная с минимального графического элемента (черты), далее переходя к ядру иероглифа (графеме), а затем к целому знаку;
- запоминание новых знаков посредством игровой подачи информации;
- изучение иероглифов через визуализацию;
- изучение иероглифических знаков через их происхождение;
- использование приемов мнемотехники.

Рассмотрим более подробно каждый из этих способов:

1. Следует принимать во внимание, что на начальном этапе обучения иероглифы кажутся детям бессистемным набором точек, прямых и кривых линий. Поэтому, руководствуясь правилом «от простого к сложному», до перехода к изучению иероглифов необходимо пройти этап знакомства с определенными законами и правилами их написания. Черта – это минимальная структурная единица иероглифического знака, следовательно, учащимся необходимо освоить внешнюю форму черт, направления и последовательности написания их комбинаций. Различают простые черты – базовые элементарные единицы, не меняющие свою конфигурацию, и сложные черты – минимальные графические элементы, состоящие из двух и более простых черт. Необходимо в первую очередь знакомить обучающихся с базовыми чертами, далее переходить к сложным чертам, а затем начинать осваивать графемы – устойчивые комбинации черт внутри иероглифов, имеющие

собственный смысл (рис. 1). Такой последовательности придерживаются и в Китае, при этом число иероглифов для запоминания дошкольниками в течение курса обучения не превышает 60–70 знаков [Хуэйянь... , 2018]. Красочные прописи, подготовленные учителем для данной возрастной категории, усилят эффект запоминания и будут мотивировать на дальнейшие занятия.

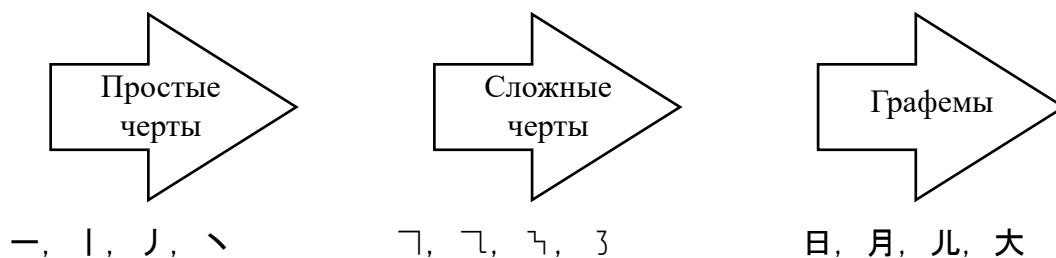

Рис. 1. Последовательность овладения графическими навыками при обучении иероглифическому письму

2. Раннее обучение китайскому языку предполагает создание условий, при которых обучение дошкольников было бы наиболее эффективным и в наибольшей степени способствовало их всестороннему развитию. Согласно ФГОС дошкольного образования, «обучение должно осуществляться с учетом психолого-возрастных и индивидуальных особенностей детей, ориентироваться на зону ближайшего развития каждого воспитанника... Основная задача учителя на начальном этапе – не просто познакомить с языком, но привить любовь к нему, создать мотивационное поле для дальнейшего его изучения» [Приказ, 2013].

Одним из способов повышения мотивации детей к изучению письменности является подача информации через элементы игры. По мнению К. В. Мироновой, «игра является ведущим видом деятельности в дошкольном возрасте, благодаря которому в психике ребенка формируются качества, подготавливающие переход к новой стадии развития. Использование игр способствует овладению языком в занимательной форме, развивает память, внимание, сообразительность, поддерживает интерес к иностранному языку, создает условия для естественного общения детей... Чем более уместно учитель задействует игровые приемы и наглядность, чем более разнообразна и эмоционально насыщена деятельность дошкольников, тем легче и прочнее они усваивают материал» [Миронова, 2020: 3–4].

Существует большое количество игр, используемых для обучения иероглифам детей в раннем возрасте. Мы предлагаем ориентироваться на следующую классификацию:

- игры на отработку черт;
- игры на отработку наиболее употребительных графем;
- игры на отработку сложных знаков-иероглифов, состоящих из двух или более графем [Арекеева, 2019: 243].

Для отработки иероглифических черт ученикам предлагается следующая игра: учитель заранее готовит ламинированные карточки, на которых изображены изучаемые иероглифы с недостающей чертой. Все карточки лежат на столе иероглифами вверх. Игроки по очереди берут любую из них и дописывают иероглиф. Игра продолжается до тех пор, пока все карточки не будут использованы. Игрок получает одно очко за каждый правильно дописанный иероглиф. Если в иероглифе была ошибка, эта карточка возвращается на поле и может быть использована другим игроком. Побеждает тот, кто набрал максимальное количество очков [Арекеева, 2019: 243].

Чтобы отработать написание графем, учитель заранее готовит карточки с изображением изучаемых предметов, а на занятии раздает их ученикам. Каждый ребенок должен сказать по-китайски, что изображено на картинке, и записать это слово иероглифом. После этого он по цепочке передает карточку своим соседям. Это быстрый и эффективный способ проверки знаний и внесения разнообразия в процесс учебной деятельности.

3. При работе с иероглифами большую роль играет визуализация, когда через создание зрительного образа, трансформируемого в некое изображение, можно выйти на «видение» иероглифа. На начальных этапах обучения дети знакомятся со словами, отражающими окружающий мир, названия частей тела, животных, погодные явления и т. д. Большая часть подобных иероглифов относится к категории пиктограмм, т. е. знаков, изображающих различные предметы и явления или их отличительные черты. При их изучении крайне важно донести до детей связь образа с графическим знаком. Следует показывать детям рисунок или фотографию этого объекта, что позволит учащимся лучше запомнить написание и значение иероглифа. Например, объясняя иероглиф 牛 *níú* (корова), учитель демонстрирует рисунок головы коровы с рогами, а объясняя иероглиф 山 *shān* (гора) – изображение горы. Для лучшего усвоения написания иероглифа-пиктограммы рекомендуется использовать иллюстрации, на которые наложено графическое начертание иероглифа (рис. 2).

Рис. 2. Образец карточки для знакомства с иероглифом 山 *shān* «гора»

4. На начальном этапе необходимо научить детей восприятию иероглифа как самостоятельной лексической единицы. Реализации этого подхода помогут рассказы об этимологии иероглифов. Е. Д. Ружицкая считает, что «каждый иероглиф имеет свою графику, с помощью которой и выражается определенное понятие, раскрывается семантика изображения. Запоминание иероглифического знака предполагает гораздо больше мыслительных операций, чем запоминание букв алфавита. Пользуясь методом ассоциаций, в том числе на основе этимологического анализа иероглифов, можно объяснить смысл иероглифического знака, исходя из составляющих его частей» [Ружицкая, 2018: 117–119].

Так, например, при изучении цветов учителю предлагается рассказать детям историю, что иероглиф 白 *bái* (белый) прошел длительный этап эволюции. Первоначально, в стиле надписей на костях и панцирях цзягувэнь, распространенном в период государства Шан-Инь (1500–1066 гг. до н. э.) он представлял собой иероглиф 日 *rì* (солнце) с заостренной верхней частью, что напоминает изображение освещенной солнцем земли. Это и послужило основой для создания иероглифа 白 (рис. 3).

Рис. 3. Изображение иероглифа 白 *bái* «белый» в различные периоды развития стилей китайской письменности

5. Для запоминания состава знака в значительной мере помогают мнемотехнические приемы, существенно облегчающие процесс усвоения. «Мнемотехника – искусство запоминания, совокупность приемов и способов, облегчающих запоминание и увеличивающих объем памяти путем образования искусственных ассоциаций» [Зиганов, 2000: 1]. Отмечаются следующие положительные побочные эффекты от занятий мнемотехникой:

- мощное развитие визуального мышления;
- выработка устойчивого внимания (способность к длительной концентрации);

- формирование способности к эффективному самостоятельному обучению [Зиганов, 2000: 2].

При обучении детей иероглифике рекомендуется использовать мнемонические приемы, представляющие собой так называемые «мнемонические фразы» или небольшие истории на основе этимологии иероглифа или структурного анализа его составных частей. Наибольшим успехом среди детей раннего возраста пользуются мнемонические рифмовки, которые продуктивны для запоминания значения или при обучении сложным знакам. Приведем примеры рифмовок, которые можно применять при изучении китайской иероглифики:

- иероглиф 川 chuān (река): «Меж берегов РЕКА (川) струится, каждый ребенок к ней стремится». Иероглиф 川 chuān визуально напоминает поток реки;
- иероглиф 言 yán (речь, язык, фраза): «Изо РТА (口) четыре слова – ФРАЗА (言) целая готова». Иероглиф 言 yán можно разделить на точку и три горизонтальные черты (итого четыре), а также графему 口 kǒu (рот);
- иероглиф 比 bǐ (сравнивать): «Две ЛОЖКИ (匕) варенья даны для СРАВНЕНИЯ (比)». Иероглиф 比 bǐ состоит из двух графем 匕 bǐ (черпак; кинжал);
- иероглиф 家 jiā (семья): «Под КРЫШЕЙ (宀) СВИНЬЯ (豕) – богата СЕМЬЯ (家)». Иероглиф 家 jiā представлен двумя графемами: 宀 mián (крыша с точкой; крыша) и 豕 shǐ (свинья).

Рассказы о происхождении иероглифов и использование приемов мнемотехники следует сопровождать творческими заданиями: учитель представляет изучаемые иероглифы в виде раскраски, ребуса с недостающими чертами, предлагает детям слепить пластилиновую фигурку и т. д. Очень важно поощрять в детях самостоятельность при создании ассоциативного образа, мнемонических фраз для запоминания иероглифа; в этом случае эффективность обучения существенно возрастает, поскольку материал, прошедший сквозь призму личностного восприятия, запоминается прочнее и хранится в памяти дольше.

Заключение

Проведенное исследование позволило сделать несколько обобщающих выводов.

1. Обучение детей в раннем возрасте китайскому языку является сложным и многоаспектным процессом, в котором, с учетом психоэмоциональных особенностей, характера восприятия и переработки информации современными детьми, на первый план необходимо выносить обучение фонетике и лексике, используя метод устного опережения, отводя иероглифическому письму второстепенное место. При этом, на наш взгляд, вполне уместно даже на этом этапе заложить основы постановки графических навыков, этимологического и структурного анализа иероглифов, опираясь на игровые формы подачи информации.

2. Процесс обучения китайской письменности сопровождается целым рядом трудностей, вызванных, во-первых, спецификой иероглифического строя и идеографичностью письма, а во-вторых, характером восприятия и переработки информации современными детьми. Однако именно сложность иероглифов делает систему китайской письменности весьма рациональной. Следовательно, уже на начальном этапе необходимо сформировать у обучающихся представление об иероглифике как о рациональной, несмотря на целый ряд отличий от буквенной системы, письменности. Овладение иероглифической письменностью в раннем возрасте очень важно, поскольку оно помогает понять языковое сознание носителей китайского языка. Такой подход создаст надежный фундамент для понимания базовых принципов иероглифического письма и более качественного усвоения китайского языка в дальнейшем.

3. Для решения вопросов, возникающих в процессе обучения иероглифической письменности, предложен ряд методов, способствующих более глубокому и эффективному усвоению иероглифического материала детьми в раннем возрасте, а также устойчивому улучшению общего уровня владения китайским языком. Следует отметить, что при

организации процесса обучения китайскому иероглифическому письму важно сочетать различные подходы к обучению, а также учитывать психологические особенности данной возрастной группы с целью повышения мотивации к изучению китайского языка и повышения эффективности усвоения иероглифического материала.

4. Поскольку вопросы, затрагиваемые в статье, на данный момент являются недостаточно раскрытыми в научной среде, необходимо их дальнейшее детальное обсуждение с преподавателями, работающими с разными возрастными группами учащихся. Для решения вопросов, связанных с обучением китайской иероглифике в раннем возрасте, в будущем нужно обратить пристальное внимание на разработку методических пособий и рекомендаций как для дошкольников, так и для начальных классов школы, что в конечном счете будет способствовать созданию продуктивной системы обучения детей китайской иероглифике на начальном этапе изучения китайского языка.

Литература:

1. Вронская И. В. Методика обучения дошкольников английскому языку в различных видах речевой деятельности: дисс. ... канд. пед. наук. СПб., 1999.
2. Гальскова Н. Д., Глухарева Е. А. Немецкий язык в детском саду. М.: Просвещение, 1993.
3. Негневицкая Е. И., Никитенко З. Н., Ленская Е. А. Обучение английскому языку детей 6 лет в первом классе. М.: Новая школа, 1993.
4. Тарасюк Н. А. Иностранный язык для дошкольников: Уроки общения (на примере английского языка). 2-е изд. М.: Флинта: Наука, 2000.
5. Леонтьев А. А. Раннее обучение иностранному языку: Что нас всех объединяет? // Русский язык за рубежом. 1985. N 4. С. 50–53.
6. Протасова Е. Ю. Дошкольный возраст: Язык и культура // Дошкольное воспитание. 1997. N 9. С. 89–92.
7. Карапетьянц А. М., Тань А. Учебник китайского языка: новый практический курс. М.: Восточная литература, 2003.
8. Масловец О. А. Методика обучения китайскому языку в средней школе: уч. пособие. М.: Восточная книга, 2012.
9. Аликберова А. Р., Глушкова С. Ю., Замилова Р. В., Усманова И. Р. Методическое пособие для учителей китайского языка. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2017.
10. Xuéqíán yǐwén miáohóng běn. Hànzì. 1/ Yú fēi yú biān. (Иероглифические листы рукописного ввода для дошкольников. 1.) Chéngdū: Sìchūān kēxué jìshù chūbǎn shè, 2018.
11. Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации (Минобрнауки России) от 17 октября 2013 г. N 1155 г. Москва «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта дошкольного образования». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rg.ru/2013/11/25/doshk-standart-dok.html>.
12. Миронова К. В. Программа обучения дошкольников китайскому языку и культуре Китая. 3-е изд. М.: Издательский дом ВКН, 2020.
13. Арекеева Ю. Е. Игровой метод как средство запоминания иероглифов на начальных этапах изучения китайского языка // Моя профессиональная карьера. 2019. Т. 4. Вып. 7. С. 241–246.
14. Ружицкая Е. Д., Шмарова Ж. В. Использование технологии мнемотехники при запоминании китайских иероглифов // Филологическое образование и современный мир: материалы XIV всеросс. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Чита: Изд-во Забайкальского гос. ун-та, 2018. С. 117–119.
15. Зиганов М. А., Козаренко В. А. Мнемотехника. Запоминание на основе визуального мышления. М.: Школа рационального чтения, 2000.

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

METHODS OF TEACHING HIEROGLYPHIC WRITING AT AN EARLY AGE

In recent years, there has been a steady increase of interest in learning the Chinese language, starting from an early age. However, the learning process at the initial stages is fraught with many difficulties, one of which is associated with memorizing a pictorial element – a hieroglyph. The present study is relevant due to the lack of studies on the methods of teaching hieroglyphic writing to preschoolers and younger students.

The aim of the work is to create a productive system for teaching Chinese characters at tender age. The present article examines the difficulties arising in the study of Chinese writing, the special aspects of the study of hieroglyphic writing by preschoolers and younger schoolchildren, as well as proposes some methods of teaching hieroglyphics in this age group.

The conducted research made it possible to formulate some conclusions. Due to the multidimensionality of the Chinese language, which distinguishes it from the Romance languages, the study of hieroglyphics in the classroom is not prevalent, giving way to the development of children's oral speech skills. However, even in limited conditions, the teacher needs to lay the foundation for the formulation of graphic skills, etymological and structural analysis of hieroglyphs, relying on game forms of information presentation.

Teaching hieroglyphic writing to children at an early age is a complex process which is associated, on the one hand, with the characteristic features of the Chinese language, and, on the other hand, with the psychoemotional features of children of this age group. To address the issues that arise during the learning process, a number of methods are proposed which could contribute to a deeper acquisition of hieroglyphic material. To increase the motivation to study, the teacher should, taking into account the specific situation, combine various approaches to teaching hieroglyphic writing. Further detailed discussions with Chinese teachers, as well as the development of teaching aids and recommendations for both preschoolers and primary schoolchildren are extremely important for creating a comprehensive and effective system of hieroglyphics teaching to children at an early age.

Key words: the Chinese language, teaching writing, hieroglyphic writing, early age, game, mnemonics.

About the author:

Arekeeva Yuliya Evgenyevna, teaching assistant, the Department of Romance Philology, Second Foreign Language and Linguodidactics, the Institute of Language and Literature, Udmurt State University (Izhevsk, Russia); e-mail: izh4yu@gmail.com. ORCID ID 0000-0003-2016-745X.

References:

1. Vronskaya, I. V. *Methodology for Teaching Preschoolers English in Various Types of Speech Activity*, Cand. Sci. (Pedag.) Dissertation, Saint Petersburg, 1999.
2. Gal'skova, N. D., Glukhareva, Ye. A. *German Language in Kindergarten*, Moscow, 1993.
3. Negnevitskaya, Ye. I., Nikitenko, Z. N., Lenskaya, Ye. A. *Teaching English to 6-year Old Children in the First Grade*. Moscow, 1993.
4. Tarasyuk, N. A. *Foreign Language for Preschoolers: Communication Lessons (in the English Language)*, 2-nd ed, Moscow, 2000.
5. Leontyev, A. A. "Early Language Learning: What Unites Us All?" *Russian Language Abroad*, no. 4, 1985, pp. 50–53.
6. Protasova, E. "Preschool Age: Language and Culture." *Preschool Education*, no. 9, 1997, pp. 89–92.
7. Karapetyants, A. M., Tan, A. *Chinese Textbook: New Practical Course*. Moscow, 2003.
8. Maslovets, O. A. *Methods for Teaching Chinese in a Secondary School*. Moscow, 2012.
9. Alikberova, A. R., Glushkova, S. Yu., Zamilova, R. V., Usmanova, I. R. *Methodological Guide for Teachers of the Chinese Language*. Kazan, 2017.

10. *Hieroglyphic Handwriting Worksheets for Preschoolers. Chinese characters. 1 / Yú fēi yú biān.* Chengdu, 2018.
11. «On the Approval of the Federal State Educational Standard for Preschool Education» to Order No. 1155 issued by the Ministry of Education and Science of the Russian Federation on October 17, 2013, <https://rg.ru/2013/11/25/doshk-standart-dok.html>.
12. Mironova, K. V. *Chinese Language and Culture Education for Preschool Children.* 3-rd ed. Moscow, 2020.
13. Arekeeva, Yu. E. “Game Method as a Means of Memorizing Hieroglyphs at the Initial Stages of Learning the Chinese Language.” *My Professional Career*, vol. 4, no 7, 2019, pp. 241–246.
14. Ruzhitskaya, Ye. D., Shmarova Zh. V. “The Use of Mnemonic Technology in Memorizing Chinese Characters.” *Philological Education and the Modern World: Reports of the XIV the All-Russian Scientific-Practical Conference, Chita, 2018*, pp. 117–119.
15. Ziganov, M. A., Kozarenko, V. A. *Mnemonics. Memorization Based on Visual Thinking.* Moscow, 2000.

DOI: 10.35634/2500-0748-2020-12-60-68

УДК 811.511.131-053.4(045)

Хасанова Л. И.

Удмуртский государственный университет, Ижевск, Россия

Петрова С. И.

МБДОУ – детский сад № 5, Агрыз, Россия

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ ПРОГРАММА ЗНАКОМСТВА ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА С УДМУРТСКИМ ЯЗЫКОМ И КУЛЬТУРОЙ В ПОЛИЭТНИЧЕСКОМ РЕГИОНЕ

В статье рассматриваются вопросы обучения национальным языкам России детей дошкольного возраста на примере удмуртского языка и культуры. Актуальность работы обусловлена научными данными о том, что наиболее интенсивное формирование этнических стереотипов поведения происходит в дошкольном возрасте. Знакомство с иной культурой и языком особенно актуально в дошкольном образовании в многонациональных регионах как мера предотвращения развития феномена этноцентризма личности.

Цель статьи заключается в подробном анализе дидактической и содержательной основ программы по познавательному развитию с элементами изучения удмуртского языка детей 4–7 лет по удмуртскому языку «Зарни бугор» (Золотой клубок), реализация, которой запланирована на три года в русскоязычной группе в МБДОУ № 5 г. Агрыз Республики Татарстан (в дальнейшем – Программа). Новизна Программы заключается во внедрении удмуртского языка наряду с татарским и русским языками в образовательно-воспитательный процесс детского сада.

Методами исследования являются теоретические (изучение научной литературы по проблеме межкультурного воспитания и образования в полиэтническом регионе) и эмпирические (наблюдение и анализ поведения дошкольников).

Описанные в Программе система задач, отбор содержания, формы, методы и приемы обучения и воспитания дошкольников представляют собой целостный дидактический материал по обучению удмуртскому языку и культуре данной возрастной группы. Ожидаемыми результатами работы по Программе являются высокий уровень межкультурной осведомленности дошкольника в соответствии с возрастными особенностями, интерес к удмуртскому языку и культуре, открытость в восприятии другой культуры.

Ключевые слова: дошкольное образование, воспитание и развитие детей дошкольного возраста, национальные языки и культуры, полиэтнический регион, удмуртский язык и культура.

Сведения об авторах:

Хасанова Лилия Ильдусовна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры перевода и прикладной лингвистики (английский и немецкий языки), Институт языка и литературы), ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет» (г. Ижевск); e-mail: hasanovalilia@gmail.com.

Петрова Светлана Ивановна, воспитатель I квалификационной категории МБДОУ – детский сад №5 (г. Агрыз); e-mail: www.s-2017@mail.com.

Введение

Ведущим направлением модернизации дошкольного образования является введение федерального государственного образовательного стандарта дошкольного образования [Приказ, 2013].

Цели и задачи системы образования в России призваны обеспечить историческую преемственность поколений, сохранение, распространение и развитие национальной культуры, воспитание бережного отношения к культурному наследию народов России, развитию культуры межэтнических отношений [Федеральный закон РФ, 2012].

Наиболее полно проблемы межкультурного образования, воспитания и развития детей дошкольного возраста в полиэтническом регионе раскрыты в научных исследованиях профессора А. Н. Утехиной и возглавляемой ею научной школы. Одним из наиболее эффективных способов достижения цели воспитания толерантной личности ребенка, по результатам ее исследований, является межкультурный подход к организации учебного процесса, направленного на изучение языков и культур в сравнительно-сопоставительном аспекте с учетом их ценностей и норм. В ходе такого сопоставления появляется возможность духовно-нравственного обогащения и приобщения детей к общечеловеческим ценностям [Утехина, 2011; Утехина, 2017, Утехина, 2007].

Представленная в статье Программа дополнительного образования детей реализуется на территории Республики Татарстан, где в образовательных учреждениях ведется значительная работа по ознакомлению детей с культурным наследием, традициями, обычаями, обрядами не только татарского, но и других народов [Закон Республики Татарстан, 2004]. Детей дошкольного возраста знакомят с произведениями устно-поэтического творчества (песнями, сказками, загадками, прибаутками, дразнилками и другими малыми формами детского фольклора), с национальными играми, с народным декоративно-прикладным и изобразительным искусством.

Обучение русскому языку является обязательным и происходит на занятиях по грамматике и развитию речи. Их частота и содержание определены в программе развития и воспитания дошкольников в полном соответствии с Федеральным государственным образовательным стандартом [Приказ, 2013].

Обучение татарскому языку реализуется в рамках занятий, на прогулке и в вечерний отрезок времени. Кроме этого, специалистами МБДОУ № 5 предлагается в рамках дополнительного образования Программа «Зарни бугор» (Золотой клубок) для детей 4–7 лет, направленная на изучение удмуртского языка и культуры. Выбор изучаемого языка обусловлен тем, что г. Агрыз, расположенный на северо-востоке Республики Татарстан, граничит с Удмуртской Республикой. Указанное географическое положение сказывается на национальном составе города, состоящем из представителей татарской, русской, удмуртской и марийской национальностей.

Выбор указанного возраста для начала обучения новым языкам обусловлен тем, что осознание своей национальности впервые происходит у детей в возрасте четырех лет. Именно в этот период важно усвоение правил толерантности в многонациональном обществе [Веракса, 2015].

Цель статьи заключается в подробном анализе дидактической и содержательной основ программы по познавательному развитию с элементами изучения удмуртского языка

детей 4–7 лет по удмуртскому языку «Зарни бугор» (Золотой клубок), реализация которой запланирована на три года в русскоязычной группе в МБДОУ № 5 г. Агрыз Республики Татарстан. Новизна программы заключается во внедрении удмуртского языка, наряду с татарским и русским языками, в образовательно-воспитательный процесс детского сада.

1. Дидактическая организация Программы дополнительного образования «Зарни Бугор» (Золотой клубок)

Дошкольное образование преследует цель целостного развития ребенка, создания оптимальных условий для реализации его особенностей, мотивов, потребностей, интересов [Приказ, 2013].

Исходя из вышеизложенного и основываясь на требованиях ФГОС ДОУ, авторами статьи разработана Программа дополнительного образования для русскоязычных детей 4–7 лет «Зарни Бугор», содержание которой носит развивающий и воспитывающий характер. Она составлена на основе принципов доступности и последовательности, предусматривает воспитание ребенка: эстетическое, нравственное, трудовое, экологическое, патриотическое [Толкачева, 2016].

Цель программы – воспитание любви к родному краю через удмуртский язык и культуру, которая реализуется посредством решения следующих задач:

- воспитание у ребенка любви и привязанности к своему окружению;
- приобщение к обычаям удмуртского народа;
- включение различных форм национальной литературы и поэзии в содержание обучения и воспитания.

Программа дополнительного образования базируется на принципах учета возрастных особенностей детей, включения краеведческого материала, уважения к личности каждого ребенка [Утехина, 2007; Утехина, 2017; Утехина, 2011].

Организация обучения представляет собой одно занятие в неделю, продолжительность которого колеблется от 20 минут (в средней группе), 25 минут (в старшей группе) и до 30 минут (в подготовительной) [Инструктивно-методическое письмо, 2000].

Говоря о дидактических особенностях Программы, следует подчеркнуть, что наиболее оптимальными методами и приемами в работе с детьми дошкольного возраста являются: беседы, рассказы, коллективно-творческие дела, конкурсы, различные игры, наблюдения, ознакомление с образцами изобразительного искусства, целевые прогулки и экскурсии. Наряду с вышеперечисленными методами работы с детьми, эффективным способом приобщения детей к новому языку и культуре представляется работа с родителями, которая реализуется в выставках поделок, фотоальбомах, приготовлении блюд национальной кухни, обмене рецептами, оформлении книг, мастер-классах.

Перейдем к характеристике приемов и методов работы, предложенных в обсуждаемой Программе, которые изменяются в соответствии с возрастом воспитанников.

Наиболее продуктивными методами образовательно-воспитательной деятельности в средней группе (дети 4–5 лет) являются: чтение и заучивание стихотворений, сказок, потешек, беседы, составление рассказов, проектная деятельность и изобразительная деятельность, утренняя гимнастика на удмуртском языке, дидактические, сюжетно-ролевые, народные, театрализованные игры, проведение экскурсий, тематических дней (День Родного языка, Дни удмуртской кухни), народных праздников и развлечений [Ворошнина, 2018].

В результате усвоения материала, представленного в Программе, дети научатся здороваться и прощаться, называть свое имя, имя членов семьи, вести диалог «знакомство», характеризовать предметы, их наличие или отсутствие, рассказывать о своих движениях и действиях.

В старшей группе (дети 5–6 лет) дополнительными методами к уже ранее использованным предлагается просмотр мультфильмов, телепередач на удмуртском языке, физкультминутки на удмуртском языке, встречи с интересными людьми. Перечисленные методы усложняются с возрастом детей и увеличением общего объема знаний по удмуртскому языку.

Предполагается, что на втором году обучения дети смогут ответить на вопросы о себе, своей семье, обозначить местонахождение предметов в пространстве, выразить свои предпочтения, пожелания, задать вопросы взрослым и сверстникам; вести диалог взрослого с ребенком (5–6 фраз) и ребенка с ребенком (2–3 фразы).

Перейдем к рассмотрению последнего года обучения детей по рассматриваемой Программе. В подготовительной группе (дети 6–7 лет) целесообразно проводить маршрутные, интеллектуальные, компьютерные игры, использовать игровые и проблемные ситуации общения, мультимедийные презентации на удмуртском языке [Ворошникова, 2019]. Эти основные формы работы на удмуртском языке предлагаются и в Программе.

Итогами работы третьего года обучения по Программе должны стать сформированные умения воспитанников приветствовать и отвечать на приветствие, представиться и представить кого-либо, составлять простой рассказ (с наглядной опорой или без нее), пересказ, участвовать в общей беседе. Дети овладеют лексическим минимумом, предусмотренным Программой, будут правильно произносить звуки удмуртского языка. Таким образом, представленная дидактическая организация Программы дополнительного образования способствует повышению знаний детей по удмуртскому языку и культуре, формирует умение применять их в бытовых ситуациях общения.

2. Содержательная часть программы дополнительного образования «Зарни Бугор» (Золотой клубок)

Перейдем к рассмотрению содержательной части Программы, которая представляет собой изучение лексического и грамматического материала удмуртского языка и культуры в соответствии с возрастными особенностями, интересами и уровнем обученности воспитанников. В табл. 1 представлено содержание обучения детей 4–5 лет.

Таблица 1 – Содержание обучения удмуртскому языку и культуре в средней группе детского сада

Изучаемые элементы лексического строя речи	
Слова приветствия, знакомства	<i>Жечбуресь</i> (здравствуйте), <i>жеч луэ</i> (до свидания), <i>мынам нимы</i> (меня зовут)
Обозначение частей тела, лица	<i>Ки</i> (рука), <i>пыд</i> (нога), <i>ым</i> (рот), <i>ныр</i> (нос), <i>син</i> (глаз), <i>бам</i> (щека)
Семья	<i>Анай</i> (мама), <i>атай</i> (папа), <i>песянай</i> (бабушка), <i>песятай</i> (дедушка), <i>ныл</i> (девочка), <i>ни</i> (мальчик)
Игрушки	<i>Туп</i> (мяч), <i>муне</i> (кукла)
Природа	<i>Шунды</i> (солнце), <i>пилем</i> (облако), <i>зор</i> (дождь)
Название диких и домашних животных	<i>Лудкеч</i> (заяц), <i>кион</i> (волк), <i>гондыр</i> (медведь), <i>жичы</i> (лиса), <i>жуцъял</i> (ежик), <i>кочыш</i> (кошка), <i>пуны</i> (собака), <i>вал</i> (лошадь), <i>скал</i> (корова)
Продукты питания и посуда	<i>Нянь</i> (хлеб), <i>тусьты</i> (тарелка), <i>пурт</i> (нож)
Одежда, обувь	<i>Дэрем</i> (платье), <i>пальто</i> (пальто), <i>ката</i> (туфли, ботинки), <i>сапег</i> (сапоги)
Изучаемые элементы грамматического строя речи	
Местоимения	<i>Мон</i> (я), <i>тон</i> (ты), <i>со</i> (он)
Числительные	<i>Одиг</i> (один), <i>кык</i> (два), <i>куинь</i> (три), <i>ныль</i> (четыре), <i>вить</i> (пять)
Прилагательные	<i>Чебер</i> (красивый), <i>небыт</i> (мягкий), <i>чурьит</i> (твердый), <i>бадзым</i> (большой), <i>пичи</i> (маленький)
Глаголы	<i>Мынэ</i> (идет), <i>бызе</i> (бежит), <i>тэтча</i> (прыгает)
Знакомство с специфическими звуками удмуртского языка	
Восприятие и произношение звука «ö» и аффрикат <i>дз, дж, ти</i>	

В результате первого года обучения усвоенное содержание позволит детям понимать простые обращения в объеме приобретенного словаря, пользоваться вежливыми оборотами речи, пробудит интерес к произведениям детской литературы и желание слушать произведения разных жанров на удмуртском языке.

Содержание второго года обучения удмуртскому языку и культуре представлено в табл. 2.

Таблица 2 – Содержание обучения удмуртскому языку и культуре в старшей группе детского сада

Изучаемые элементы лексического строя речи	
Человек	<i>Йыр</i> (голова), <i>тыбыр</i> (спина), <i>йырси</i> (волосы), <i>чиньы</i> (палец)
Семья	<i>Агай</i> (брат), <i>апай</i> (сестра)
Природа, погода	<i>Лымы</i> (снег), <i>кезьыт</i> (холод), <i>шуныт</i> (тепло)
Животный мир	<i>Парсь</i> (свинья), <i>кеч</i> (коза), <i>атас</i> (петух), <i>курег</i> (курица), <i>чпы</i> (птенец)
Растительный мир (овощи)	<i>Кубиста</i> (капуста), <i>чушкушман</i> (морковь), <i>сугон</i> (лук), <i>картофка</i> (картофель), <i>гордкушман</i> (свекла)
Игрушки, игры	<i>Шудон</i> (игрушка)
Продукты питания	<i>Йӧл</i> (молоко), <i>ву</i> (вода), <i>нянь</i> (хлеб)
Посуда	<i>Пуньы</i> (ложка), <i>тэркы</i> (тарелка)
Одежда, обувь	<i>Кышет</i> (платок), <i>азькышет</i> (фартук), <i>ката</i> (туфли), <i>гынсапег</i> (валенки)
Изучаемые элементы грамматического строя речи	
Слова приветствия, знакомства	<i>Бурчукна</i> (доброе утро), <i>буржыт</i> (добрый вечер)
Числительные	<i>Куать</i> (шесть), <i>сизьым</i> (семь), <i>тямыс</i> (восемь), <i>укмыс</i> (девять), <i>дас</i> (десять)
Местоимения	<i>Ми</i> (мы), <i>тӱ</i> (вы), <i>соос</i> (они)
Прилагательные	<i>Пӧсь</i> (горячий), <i>ческыт</i> (вкусный)
Прилагательные, обозначающие цвет	<i>Лӧль</i> (красный), <i>напчуж</i> (оранжевый)
Глаголы	<i>Эктэ</i> (танцует), <i>кырза</i> (поет), <i>бӧрдэ</i> (плачет)
Знакомство с специфическими звуками удмуртского языка	
Произношение звука «ӧ», аффрикат <i>дз</i> , <i>дж</i> , <i>ти</i>	

Содержание второго года обучения удмуртскому языку и культуре преследует цель развития диалогической и монологической речи на удмуртском языке.

Дети 5–6 лет учатся составлять короткие предложения, объединяя указательную частицу с числительными и существительными, использовать в высказываниях после-логи, слушать партнера и устанавливать контакты в беседе с воспитателем и детьми, составлять предложения на основе наглядной опоры и базовой лексики (о себе, о предмете), воспринимать информацию о героях литературных произведений, уметь оценивать поступки и характер героя, запоминать и воспроизводить образцы детской поэзии на удмуртском языке.

Перейдем к рассмотрению третьего года обучения по Программе, содержание которой отражено в табл. 3.

Таблица 3 – Содержание обучения удмуртскому языку и культуре в подготовительной группе детского сада

Изучаемые элементы лексического строя речи	
Человек	<i>Мӧзмыт</i> (грустный), <i>визьмо</i> (умный)
Природа, погода	<i>Гужем</i> (лето), <i>сйзьыл</i> (осень), <i>тол</i> (зима), <i>тулыс</i> (весна)
Животный мир	<i>Тури</i> (журавль), <i>зольгыри</i> (воробей)
Растительный мир (ягоды)	<i>Узы-боры</i> (земляника), <i>эмезь</i> (малина), <i>сутэр</i> (смородина)
Продукты, посуда	<i>Кукей</i> (яйцо), <i>сылал</i> (соль), <i>йӧлвыл</i> (сметана), <i>пызь</i> (мука)
Знакомство с грамматическим строем	
Прилагательные	<i>Выль</i> (новый), <i>вуж</i> (старый), <i>кузь</i> (длинный)
Послеслоги (направление)	<i>Бурпала</i> (направо), <i>паллямпала</i> (налево)
Глаголы	<i>Пырэ</i> (заходит), <i>лыдъя</i> (считает), <i>ужа</i> (работает)
Знакомство со специфическими звуками удмуртского языка	
Различение звуков <i>Дз</i> и <i>Д</i> , <i>З</i> , <i>Дж</i> и <i>Д</i> , <i>Ж</i>	

Ожидается, что в подготовительной группе дети в возрасте 6–7 лет в результате освоения Программы дополнительного образования по удмуртскому языку научатся вести диалог в различных видах игр с учетом своих речевых умений без опоры на наглядность, составлять короткие рассказы по опорным словам о себе, о своей семье, друге, предметах ближайшего окружения, проявлять интерес и любовь к удмуртской литературе.

Следует особо подчеркнуть, что содержание обучения по Программе транслируется на сравнительно-сопоставительной основе как наиболее продуктивной в условиях языковых контактов. Лексико-грамматический строй удмуртского языка в первый год обучения сравнивается в большей степени с русским языком, так как группа детей является русскоязычной. Однако со второго года обучения предполагается привлечение знаний татарского языка, для чего предусмотрены игровые формы и проведение занятий на сравнительно-сопоставительной основе.

Таким образом, содержательная основа Программы дополнительного образования «Зарни бугор» направлена на усвоение начальных знаний по удмуртскому языку и культуре. Основное внимание уделяется внедрению в образовательно-воспитательный процесс умений детей взаимодействовать со сверстниками и взрослыми, корректно использовать лексико-грамматический материал, а также предполагается, что дети должны иметь представление о наиболее ярких литературных произведениях на удмуртском языке.

3. Формы итоговых занятий

При обучении по Программе необходимо обратить особое внимание на качество усвоения детьми содержания предлагаемого языкового и речевого материала. Как известно, в данной возрастной группе наиболее распространенными игровыми формами подведения итогов работы по отдельным темам и годам обучения являются головоломки, ребусы, кроссворды, защита творческих работ и проектов, викторина, соревнование, «смотр знаний», творческие задания.

С целью демонстрации достигнутых успехов в конце каждого года обучения предусмотрена организация «особых» занятий: занятия-праздника (в средней группе), занятия-интервью (в старшей группе), занятия-спектакля (в подготовительной группе) и занятия-мюзикла (как итоговое отчетное занятие по освоению Программы). Проведение всех вышеперечисленных видов учебной деятельности планируется на удмуртском языке. Остановимся на этих формах проведения занятий подробнее.

Праздник «Угощения табанями». Эта форма занятия расширяет знания дошкольников о национальных обычаях, традициях и кулинарных пристрастиях, развивает их коммуникативные способности, позволяющие участвовать в различных ситуациях межкультурной коммуникации.

Интервью «В гостях у сказки» представляет собой особый тип диалога-обмена информацией, состоящий из определенного количества наиболее часто встречающихся клише. В результате дети демонстрируют способность их автоматизированного использования. Это достигается на основе сочетания структурной повторяемости, прочности и осмысленности в процессе усвоения удмуртского языка и литературы.

Спектакль «Зимовье зверей». Подобный вид деятельности, нацеленный на активизацию когнитивной и коммуникативной деятельности воспитанников, развивает их интерес к образцам детской литературы, способствует усвоению национальной культуры и языка в непринужденной обстановке.

Мюзикл «Лопшо Педунь и все-все-все» – форма музыкального проекта с детьми дошкольного возраста, в котором переплетаются диалоги, песни, музыка и хореография. Данная форма является итоговым отчетом детей перед родителями, демонстрирующим их достижения.

Представленные варианты демонстрации достигнутых результатов детей по усвоению Программы знакомства с удмуртским языком и культурой являются, на наш взгляд, наиболее продуктивными и наглядными. Они дают возможность воспитателю и родителям увидеть прогресс детей, их возможности и успехи.

Заключение

Система Российского дошкольного образования строится на принципах динамизма, вариативности организационных форм, гибкого реагирования на потребности общества и личности воспитанников, разнообразия образовательных услуг.

Немаловажным фактором, влияющим на результативность образования детей в детском саду, является образовательная программа. Целенаправленная педагогическая работа по приобщению дошкольников к межкультурному взаимодействию предполагает приобретение культуроведческих знаний, развитие умений межкультурного общения с учетом возрастных особенностей. Реализации поставленной цели способствует рассматриваемая в статье дидактическая и содержательная организация Программы дополнительного образования, представленные в ней цели, задачи, содержание, методы, приемы обучения детей удмуртскому языку и культуре.

Проведенные первые занятия в средней группе МБДОУ № 5 свидетельствуют о пробуждении интереса воспитанников к удмуртскому языку и культуре. На данный момент ими усвоено небольшое количество лексических единиц (6–10), которые активно используются детьми. Опасения родителей о возможном возникновении смешения слов русского, татарского и удмуртского языков показали свою несостоятельность. Дети демонстрируют четкое разделение языков и сфер их употребления.

Следует надеяться, что разнообразие методов и отобранных учебных материалов по Программе знакомства с удмуртским языком и культурой, которые предлагаются воспитанникам, в полной мере актуализируют возможности достижения успеха детьми в условиях взаимодействия разных языков и культур на территории РФ.

Литература:

1. Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации (Минобрнауки России) от 17 октября 2013 г. N 1155 г. Москва «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта дошкольного образования» [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_154637/.
2. Федеральный закон от 29 декабря 2012. N273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/.
3. Утехина А. Н. Межкультурная дидактика. М.: Флинта: Наука, 2011.
4. Утехина А. Н. Язык. Ребенок. Интеллект. Ижевск: Изд-во Удм. гос. ун-та, 2017.

5. Утехина А. Н., Тройникова Е. В., Хасанова Л. И. Программа межкультурного воспитания молодежи в полиэтническом регионе. Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 2007.
6. Закон Республики Татарстан от 28.07.2004 N44 «О двух государственных языках Республики Татарстан и других языках в Республике Татарстан» [Электронный ресурс]. Режим доступа: kitaphane.tatarstan.ru/legal_info/zrt/lang.htm.
7. Приказ Минобрнауки России от 30.08.2013. N1014 «Об утверждении Порядка организации и осуществления образовательной деятельности по основным общеобразовательным программам – образовательным программам дошкольного образования» [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_152697/.
8. Веракса Н. Е., Васильева М. А., Комарова Т.С. Примерная общеобразовательная программа «От рождения до школы». М.: Мозаика-Синтез, 2015.
9. Толкачева Г. Н. Психолого-педагогическое сопровождение реализации Федеральных государственных образовательных стандартов дошкольного образования (ФГОС ДО). М.: Владос, 2016.
10. Инструктивно-методическое письмо Министерства образования РФ от 14.03.2000 г. N65/23-16 «О гигиенических требованиях к максимальной нагрузке на детей дошкольного возраста в организованных формах обучения» [Электронный ресурс]. Режим доступа: docs.cntd.ru/document/901764917.
11. Ворошнина Л. В. Развитие речи и общения детей дошкольного возраста в 2 ч. Ч. 1. Старшая и подготовительная группа. М.: Юрайт, 2018.
12. Ворошнина Л. В. Развитие речи и общения детей дошкольного возраста в 2 ч. Ч. 2. Младшая и средняя группа. М.: Юрайт, 2019.

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Khasanova L. I.

Udmurt State University, Izhevsk, Russia

Petrova S. I.

Kindergarten № 5, Agryz, Russia

EXPERIMENTAL PROGRAMME ON THE UDMURT LANGUAGE AND CULTURE FOR PRESCHOOL CHILDREN IN A POLYETHNIC REGION

The paper discusses the issues of teaching nationality languages of Russia to preschool children, taking the Udmurt language and culture as an example. The relevance of the study is determined by the scientific data according to which ethnic stereotypes in behaviour are formed most intensively in preschool age. Getting acquainted with new cultures and languages is particularly important for preschool education in multinational regions as it prevents the development of ethnocentric personalities.

The paper aimed at a detailed analysis of the didactic and substantive content of the educational programme “Zarni bugor” (“Golden ball”) (hereinafter referred as the Programme) with the elements of teaching the Udmurt language to children from 4 to 7; the Programme is to be realised within three years in the Russian group of kindergarten № 5 in the town of Agryz, Republic of Tatarstan. The novelty of the Programme lies in introducing the Udmurt language (along with Tatar and Russian) into the educational process of the kindergarten.

The research methods are theoretical (the study of academic literature on the problems of intercultural education in a multi-ethnic region) and empirical (observation and behavioral analysis of preschoolers).

The system of exercises included into the Programme, its content, the forms and methods of teaching preschoolers present a consistent didactic material for teaching the Udmurt language and culture in this age group. The programme is expected to provide a high level of intercultural

competence corresponding to the age of children, it is supposed to arouse their interest in the Udmurt language and culture, make them open for perception of other cultures.

Key words: preschool education, education and development of preschoolers, nationality languages and cultures, multi-ethnic region, the Udmurt language and culture.

About the authors:

Khasanova Lilia Ildusovna, Candidate of Pedagogy, Associate Professor, the Department of Translation and Applied Linguistics (English and German), the Institute of Language and Literature, Udmurt State University (Izhevsk, Russia); e-mail: hasanovalilia@gmail.com.

Petrova Svetlana Ivanovna, kindergartener with the highest qualification category, Kindergarten № 5, (Agryz); e-mail: www.s-2017@mail.com.

References:

1. “On the Approval of the Federal State Educational Standard for Preschool Education” to Order No. 1155 issued by the Ministry of Education and Science of the Russian Federation on October 17, 2013, www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_154637/.
2. “On the Education in the Russian Federation” to Federal Law No. 273-FZ on December 29, 2012, www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/.
3. Utekhina, A. N. *Intercultural Didactics*. Moscow, 2011.
4. Utekhina, A. N. *Language. Child. Intellect*. Izhevsk, 2017.
5. Utekhina, A. N., Troynikova, E. V., Khasanova, L. I. *Program of Intercultural Education of Youth in a Multiethnic Region*. Izhevsk, 2007.
6. “On the Two State Languages of the Republic of Tatarstan and Other Languages in the Republic of Tatarstan” to Law of the Republic of Tatarstan No. 44 on July 28, 2004, kitaphane.tatarstan.ru/legal_info/zrt/lang.htm.
7. “On the Approval of the Procedure for the Organization and Implementation of Educational Activities for the Main General Educational Programs – Educational Programs of Preschool Education” to Order No. 1014 issued by the Ministry of Education and Science the Russian Federation on August 30, 2013, www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_152697/.
8. Veraksa, N. Ye., Vasilyeva, M. A., Komarova, T. S. *Educational Program “From Birth to School.”* Moscow, 2015.
9. Tolkacheva, G. N. *Psychological and Pedagogical Support of the Implementation of the Federal State Educational Standards of Preschool Education*. Moscow, 2016.
10. “On Sanitary Requirements for the Maximum Studying Load on Preschool Children in Forms of Education.” Instructional and methodological letter No. 65/23-16 issued by the Ministry of Education of the Russian Federation on March 14, 2000, docs.cntd.ru/document/901764917.
11. Voroshnina, L. V. *Development of Speech and Communication in Preschool Children. Senior and Preparatory Group*, vol. 1. Moscow, 2018.
12. Voroshnina, L. V. *Development of Speech and Communication in Preschool Children. Junior and Middle Group*, vol. 2. Moscow, 2019.

IV. КОМПЕТЕНТНОСТНЫЙ ПОДХОД К ОБУЧЕНИЮ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ

DOI: 10.35634/2500-0748-2020-12-69-76

УДК 374.7:372.8:811.11(045)

Казанцева А. Н.

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь, Россия

ФОРМИРОВАНИЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ДЛЯ НАЛАЖИВАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В ОБЛАСТИ ДОБРОВОЛЬЧЕСТВА

Статья посвящена описанию возможностей формирования иноязычной коммуникативной компетенции для налаживания международного сотрудничества в области добровольчества с использованием методов обучения английскому языку для специальных целей (ESP). Актуальность темы определяется развитием идей добровольчества во всем мире. В программах развития социальной политики в России отмечается потребность в налаживании международного взаимодействия по вопросам добровольчества, закладываются планы по организации мероприятий с международным участием, что требует высокого уровня владения специальным английским языком для коммуникации в области добровольчества. Цель статьи заключается в теоретическом обосновании методики обучения английскому языку для налаживания сотрудничества в области добровольчества. Для этого проанализирована проводимая в настоящее время политика активизации международного добровольчества, отмечены возможности использования ESP как способа краткосрочного специализированного обучения английскому языку по определенной теме и представлено примерное тематическое планирование курса языковой подготовки к участию в международных добровольческих проектах. В качестве методов исследования использованы теоретический анализ нормативных актов в области добровольчества на международном и российском уровнях, исследования сайтов российских добровольческих проектов и зарубежных добровольческих организаций, а также анализ научной литературы по методике преподавания английского языка, в том числе с помощью ESP. В результате исследования представлено обоснование актуальности формирования иноязычной коммуникативной компетенции для налаживания профессионального и продуктивного международного сотрудничества в области добровольчества, а также предложено примерное тематическое планирование занятий по английскому языку в рамках концепции ESP для налаживания такого сотрудничества.

Ключевые слова: методика преподавания иностранных языков, коммуникативная компетенция, английский для специальных целей (ESP), добровольчество (волонтерство), международное сотрудничество.

Сведения об авторе:

Казанцева Ангелина Николаевна, аспирантка кафедры методики преподавания иностранных языков, ФГБОУ ВПО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет» (г. Пермь); email: linaangelina0807@yandex.ru. ORCID ID 0000-0002-2712-3380.

Введение

Роль изучения английского языка в общем смысле определяется особенностями современного устройства мира, где владение языками международного общения является неотъемлемой чертой интересующегося, целеустремленного, прогрессивного человека, заинтересованного в личном и профессиональном развитии. Углубленное изучение английского языка для коммуникации в отдельных общественных сферах (английского языка для специальных целей (English for specific purposes – ESP) необходимо для наиболее качественного и эффективного проявления себя в узкоспециализированной деятельности.

Актуальность формирования иноязычной коммуникативной компетенции для международного сотрудничества в области добровольчества обусловлена популяризацией идей добровольчества, гуманизма и толерантности во всем мире в рамках реализации социальных проектов по улучшению жизни людей и внесению личного вклада в обеспечение их благополучия.

Обозначенная тема исследования находится на стыке двух областей науки – социальной работы на международном уровне и педагогики (обучение английскому языку). Отдельные аспекты данной темы изучаются зарубежными и российскими исследователями. Вопросы добровольчества изучаются С. Томпсоном, Дж. Генри, М. В. Певной, Б. В. Беневолевским и др.; вопросы обучения в концепции ESP представлены в работах Т. Хатчинсона, Э. Лоуренса, К. Э. Безукладникова и др.; опыт приобщения учащихся к социальной активности в ходе обучения английскому языку описан в материалах под редакцией А. Мэйли. Однако в научных исследованиях не представлено специализированных и комплексных программ языковой подготовки к участию в международном сотрудничестве в области добровольчества. Поэтому целью настоящей статьи является теоретическое обоснование методики обучения английскому языку для международного сотрудничества в области добровольчества. Для этого в статье поставлены следующие задачи: 1) описать актуальность международной добровольческой деятельности, 2) определить потребности в разработке специализированной программы обучения английскому языку для участия в международном добровольчестве и 3) разработать примерный тематический план обучения английскому языку для указанных целей. Новизна данного исследования заключается в теоретическом обосновании методики обучения английскому языку посредством ESP для налаживания сотрудничества по вопросам добровольчества с зарубежными партнерами.

1. Актуальность добровольческой деятельности в международном и российском контексте

В общем смысле добровольчество представляет собой деятельность, которая включает самые разные формы оказания помощи, предоставления услуг и гражданского участия, и осуществляется на благо общества на добровольной и безвозмездной основе [Резолюция 56 / 38, 2002].

Международное добровольчество представляет собой новую форму социального участия в условиях глобализации. Это движение возникло в начале XX в. после окончания Первой мировой войны. Далее оно активно развивалось после Второй мировой войны и изначально имело целью помощь регионам, пострадавшим в военных действиях и требующим внешней помощи для восстановления. В XXI в. международное добровольчество включает более широкий спектр деятельности и реализуется в самых разных формах, даже через организацию международных конференций для обмена опытом или создание онлайн-проектов, направленных на решение социальных вопросов. Добровольческая деятельность разнообразна в своих проявлениях, поэтому почти не поддается формальной стандартизации, хотя интересные попытки ее типологизации совершаются [Лох, 2020].

Актуальность реализации добровольческих инициатив определяется рядом международных документов. Так, Всеобщая декларация добровольчества провозглашает добровольчество

фундаментом гражданского общества и неотъемлемой частью любого государства, поскольку развитие этой деятельности формирует гражданскую солидарность, создает условия для развития личного потенциала людей, а также дополняет ответственные действия других секторов экономики [Всеобщая ..., 2001]. Идеи декларации, принятые в десятках стран мира, находят отражение в социальной политике государств с учетом внутренней конъюнктуры и особенностей внешней политики.

В настоящее время все большее значение приобретает международное сотрудничество в области добровольчества. В повестке устойчивого развития до 2030 г., разработанной в рамках реализации 17 целей устойчивого развития ООН до 2030 г., направленных на борьбу с главными социальными проблемами человечества – бедностью, неравенством, несправедливым распределением ресурсов, загрязнением окружающей среды и другими острыми глобальными проблемами, определено, что добровольческое движение является движущей силой в деле достижения Целей устойчивого развития. В этой связи ООН принимаются меры по активизации этой деятельности, в том числе через развитие добровольчества на международном уровне с целью реализации намеченных целей по всему миру [ООН, 2020].

Содействие развитию и распространению добровольческой деятельности в России отнесено к числу приоритетных направлений социальной и образовательной политики. Идеи волонтерского движения нашли отражение в Концепции развития добровольчества на период до 2025 г., а также в Федеральной программе «Социальная активность» национального проекта «Образование» [Федеральный закон № 135-ФЗ, 1995: ст. 21; Концепции развития добровольчества (волонтерства), 2018: 11; Федеральный проект «Социальная активность», 2019].

В современном российском понимании добровольцы – это люди абсолютно любого возраста, национальной и религиозной принадлежности, социально-экономического положения, политических взглядов и интересов, которые осознанно и безвозмездно тратят часть личного времени, сил и знаний на помощь нуждающимся людям, улучшение окружающего мира и развитие общества [Певная, 2020: 46].

Одним из аспектов развития добровольчества, указанных в документах, является расширение масштабов межсекторного взаимодействия в этой сфере, включая взаимодействие добровольческих организаций с международными организациями, что способствует развитию сотрудничества Российской Федерации с другими странами и международными организациями, а также консолидирует усилия добровольцев разных стран при реализации совместных проектов и инициатив. Отмечается, что международное сотрудничество направлено на координацию добровольческих инициатив, обмен опытом с иностранными партнерами, а также расширение практики взаимного международного добровольчества.

Таким образом, все собранные выше данные говорят о сложившейся системе добровольчества на международном уровне и ее особенной актуальности в начале XXI в. в связи с необходимостью реализации целей устойчивого развития на период до 2030 г. Россия признает значимость добровольческой деятельности людей, в том числе в области международного сотрудничества, и обеспечивает процесс реализации политики через Концепцию добровольчества и федеральную программу.

2. Использование ESP в обучении языковой коммуникации для международного сотрудничества в области добровольчества

Концепция ESP представляет собой подход к обучению, ориентированный на узкоспециализированную подготовку учащихся по овладению английским языком для академических или рабочих целей, с учетом специфики языка той сферы деятельности, которая необходима учащимся. ESP является одним из самых распространенных подходов к обучению английскому языку и за более чем пятидесятилетнюю историю развития приобрел важнейшее значение в теории и методике педагогики в области обучения языкам [Хатчинсон, 2006: 18].

Этот подход эклектичен и вбирает наиболее действенные и ценные идеи коммуникативного, проектного и других подходов, а также предлагает уникальные принципы, которые способствуют лучшему усвоению языка. К таким принципам относятся ориентированность на запросы ученика, связь с его академической или рабочей сферой деятельности, регулярное обращение к идее об уникальности курса при его планировании и наполнении разными видами заданий.

ESP затрагивает многие процессы коммуникации, включая развитие четырех основных языковых навыков (аудирование, чтение, письмо, говорение); обучение навыкам пунктуации и произношения, формирование соответствующего запросам стиля коммуникации; наделение метакогнитивными умениями (планирование, решение проблем, устранение ошибок, самопроверка и др.).

В ESP обучении используются как традиционные методы обучения общему английскому языку (например, перевод текста на основе классического метода перевода или повторение произношения за учителем через аудио-лингвальный метод), так и специфические, необходимые для узкой цели (например, частный проектный метод для обучающихся английскому для бизнес-среды или метод изучения английского языка через маркетинговые исследования для менеджеров) [Иноземцева, 2016].

В результате освоения программы языковой подготовки в рамках ESP обучающиеся получают необходимые языковые навыки для свободного общения в узкоспециализированной среде. В настоящее время примерами реализации ESP-подхода становятся курсы английского для специалистов узких сфер (например, медицина, авиация, строительство, военное дело) или курсы, формирующие навыки ведения конспектов и формирования академического стиля письма для обучающихся зарубежных вузов, не носителей языка [Энтони, 2018: 23]. В связи с тем, что ESP применяется для обучения английскому языку в узких сферах деятельности, можно заключить, что через лингвистическую компоненту он удовлетворяет нелингвистические потребности людей.

Будучи объективно полезным и рациональным, данный подход к обучению английскому языку почти не имеет пределов. Два крупнейших направления, на которые делится подход, включают в себя английский для академических целей и английский для профессиональных целей, которые в свою очередь могут делиться и дальше (например, английский для общих академических целей, английский для специальных академических целей; английский для профессиональных целей, английский для карьеры) [Безукладников, 2019: 11].

С учетом имеющихся знаний об актуальности добровольческой деятельности, возможности предвидеть предстоящие проекты и их специфику, выявить будущих обучающихся из числа вовлеченных в добровольческие организации и проекты участников, определить их уровень владения английским языком на этапе вхождения в обучение и учесть их личные и профессиональные запросы, считаем, что концепция ESP может быть эффективна для языковой подготовки к международному сотрудничеству по вопросам добровольчества. Стоит отметить, что попытки формирования иноязычной коммуникативной компетенции в сфере социальной активности уже ведутся. Так, в 2015 и 2017 гг. Британский совет (British Council), организация, чьей миссией является развитие сотрудничества в области образования, культуры и искусства между Великобританией и другими странами, выпустил издания для преподавателей английского и других вовлеченных в образовательный процесс людей, посвященные привнесению социальных идей в уроки английского языка, с учетом Целей устойчивого развития ООН. В издании 2017 г. отмечается, что обучение английскому языку в XXI в. переживает трансформации, когда большое значение в процессе изучения языка получают такие принципы, как самостоятельность обучающегося, работа в группе, проектная работа, коммуникация, критическое мышление, где обучающиеся выступают в качестве активных мыслителей и исследователей, а не пассивных получателей знаний. Кроме того, повышается социальная ответственность

за преподаваемый материал. Отмечается, что учителя играют ведущую роль в изменении человеческого мышления и повышении осведомленности об актуальных проблемах. Также говорится о том, что английский язык, не имеющий фиксированного тематического поля, может эффективно использоваться для вовлечения изучающих язык в дискуссию, посвященную социально значимым вопросам [Мейли, 2017: 7].

3. Курс английского языка для участия в добровольческих проектах

Учитывая актуальность формирования иноязычной коммуникативной компетенции для международного сотрудничества в области добровольчества, а также возможности использования методики обучения ESP, актуализируется и вопрос разработки креативных уроков английского языка, направленных на обучение грамотной и профессиональной коммуникации в ходе участия в международных добровольческих проектах. Для обеспечения эффективности сотрудничества необходимо, чтобы участники хорошо понимали профессиональный иностранный язык и могли обмениваться мнениями.

Целью освоения курса «Английский язык для международного сотрудничества в области добровольчества» является формирование у обучающихся лингвистической компетенции на уровне, необходимом и достаточном для осуществления коммуникации на иностранном языке в условиях участия в международном добровольческом проекте.

При прохождении обучающимися курса формируются следующие навыки:

- развивается умение работать с документацией, необходимой для участия в проекте (например, деловая переписка; звонки; заполнение документов; покупка билетов);
- формируется словарный запас из лексики, специализированной для социально ориентированной деятельности для коммуникации в устной и письменной речи (социальная работа; добровольчество; специализированная лексика для отдельных проектов в зависимости от тематики проектов);
- формируется культура межнационального общения (в том числе, развивается умение начинать, поддерживать и завершать диалог в ситуациях повседневного общения (общение по телефону, онлайн-конференция, аэропорт, вокзал, транспорт, дом, магазин, аптека, банк, отдых), при работе в интернациональной команде в устной и письменной речи);
- развивается компенсаторная компетенция (знание компенсаторных приемов при недостатке языковых средств и умение пользоваться ими).

Целью обучения по программе курса «Английский язык для международного сотрудничества в области добровольчества» является формирование компетенций, необходимых для осуществления профессиональной языковой коммуникации по вопросам добровольчества с зарубежными партнерами. Обучение по данному курсу направлено на формирование определенного круга знаний, умений и навыков. После изучения курса обучающиеся должны знать фонетические правила, грамматические явления и лексику, необходимые для коммуникации на темы, связанные с деловым сотрудничеством по вопросам добровольческой деятельности, а также национально-культурные особенности англоговорящих стран.

По завершении изучения курса у обучающихся должны быть сформированы умения поддерживать коммуникацию в деловой и бытовых сферах, пользуясь правилами речевого этикета, понимать аутентичные тексты профессионально-ориентированного содержания, делать подробные сообщения на различные темы, выражая свою точку зрения (в рамках учебной программы).

К навыкам, которые должны быть сформированы по итогам обучения, относятся навыки использования лексико-грамматической базы, обеспечивающей устную и письменную коммуникацию на английском языке в бытовой и рабочей сферах; чтения в зависимости от коммуникативной задачи; владения способами участия в разработке и реализации социально ценной деятельности обучающихся; развития социальных инициатив, социальных проектов.

С учетом того, что программа курса «Английский язык для международного сотрудничества в области добровольчества» находится в стадии разработки, отметим наиболее общие темы:

Тема 1. Социальная ответственность: понятие социальной ответственности, социально ориентированной деятельности, добровольчества; определение актуальности изучения английского языка для международного сотрудничества в области добровольчества.

Тема 2. Подготовка к участию в добровольческом проекте с международным участием: подготовка сопроводительных документов, необходимых для участия в проекте на английском языке, установление контакта с ответственными организаторами и участниками мероприятия.

Тема 3. Участие в добровольческом проекте: приветствие иностранных коллег и знакомство с ними, стандартные и нестандартные ситуации делового и повседневного общения в зависимости от темы проекта и формы участия в нем (онлайн или оффлайн-конференция или поездка в другую страну).

Тема 4. Рабочие вопросы: Работа в проекте в зависимости от темы проекта, формы участия в нем и запросов обучающихся.

Тема 6. Вопросы быта за рубежом: обращения в учреждения сервиса (магазин, банк, аптека) (для участия в проектах, предполагающих поездку за рубеж).

Тема 7. Свободное время: путешествия, развлечения (для участия в проектах, предполагающих поездку за рубеж).

Тема 8. Feedback: Обратная связь участника проекта по его окончании.

Дальнейшая разработка курса требует более детального тематического планирования и внутреннего наполнения тем через анализ специфики добровольческих проектов, форм участия в них обучающихся и результатов оценки начального уровня владения английским языком будущих добровольцев. Предполагается, что потенциальными обучающимися могут стать участники ресурсных центров поддержки добровольчества, а также волонтерских центров высшего и среднего профессионального образования, расположенных на территории г. Москвы, в месте проживания руководителя проекта и автора статьи.

Стоит отметить, что работа по этому направлению уже ведется автором и начата с изучения уже имеющейся учебной литературы по данному вопросу. Анализ источников показывает, что большинство современных британских учебников (например, Insight Intermediate; Face2Face Intermediate – Cambridge University Press) включают в программу уроки, отвечающие требованиям развития добровольческих инициатив. Их наполнение может стать примером организации процесса обучения основным речевым видам деятельности в контексте изучения социальной темы для дальнейшей разработки собственного курса. Однако, в отличие от материалов британских учебников, где социальной тематике отводится лишь небольшое количество времени, курс «Английский язык для международного сотрудничества в области добровольчества» будет полностью посвящен обучению английскому языку для сотрудничества по вопросам добровольчества и будет основан на материалах актуальных социальных проектов.

Заключение

Таким образом, в статье обозначена актуальность формирования иноязычной коммуникативной компетенции для налаживания сотрудничества в области добровольчества. На основе проанализированных иностранных и российских нормативных актов определено, что добровольчество представляет собой важный элемент мировой социальной политики и является отражением принципов развитого гражданского общества. В российской практике добровольческого движения обозначена актуальность международного сотрудничества, что подтверждает необходимость организации специализированной языковой подготовки.

Выявлено, что концепция ESP может учесть все особенности и запросы участников добровольческих проектов при разработке курса обучения английскому языку

для налаживания международного сотрудничества. Представленный тематический план курса обучения английскому языку является примерным, требует дальнейшего совершенствования (на основе анализа запросов участников обучения) и наполнения адаптированными материалами оригинальных источников по вопросу добровольчества для обучения всем видам речевой деятельности на уровне, необходимом и достаточном для осуществления коммуникации на иностранном языке в условиях участия в международном добровольческом проекте.

Литература:

1. Рекомендации по поддержке добровольчества: Резолюция 56/38. Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций 2002. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kdobru.ru/materials/03%20UN%20A-RES-56-38%20N0147883.pdf>.
2. Lough B. J. *International Volunteering // International Encyclopedia in Civil Society*. Cham: Springer International Publishing, 2020. doi: 10.1007/978-3-319-99675-2_9531-1.
3. Всеобщая Декларация Добровольчества: провозглашена на XVI Всемирной Конференции Добровольцев Международной Ассоциации Добровольческих Усилий (IAVE). Амстердам, 2001.
4. Volunteerism and the Global Goals. UN Volunteers. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.unv.org/volunteerism-and-global-goals>.
5. О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве): Федеральный закон N 135-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. N 33. Ст. 3340.
6. Об утверждении Концепции развития добровольчества (волонтерства) в Российской Федерации до 2025 года // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2018. N 53 (часть II). Ст. 8791.
7. Федеральный проект «Социальная активность». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://futurerussia.gov.ru/socialnaa-aktivnost>.
8. Певная М. В. Управление волонтерством: Международный опыт и локальные практики. Изд. 2-е. М.: Юрайт, 2020.
9. Hutchinson T., Waters A. *English for Specific Purposes*. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.
10. Иноземцева К. М., Бондалетова Е. Н., Борисова Т. Д. Эволюция ESP как методологии преподавания иностранного языка для профессиональных целей в лингвистических вузах России // Гуманитарные научные исследования. 2016. N 2. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://human.snauka.ru/2016/02/13994>.
11. Anthony L. *Introducing English for Specific Purposes*. New York: Routledge, 2018.
12. Безукладников К. Э., Дмитриева Е. Н., Жигалев Б. А. и др. Профессионально-ориентированное обучение английскому языку: методы, приемы, оценивание. Изд. 2-е. Пермь, Нижний Новгород: Изд-во Перм. гос. гум.-пед. ун-та, Нижег. гос. лингв. ун-та, 2018.
13. Maley A., Peachey N. *Integrating Global Issues in the Creative English Language Classroom: with Reference to the United Nations Sustainable Development Goals*. London: British Council, 2017.

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Kazantseva A. N.

Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm, Russia

FOREIGN LANGUAGE COMMUNICATIVE COMPETENCE DEVELOPMENT AS A MEANS OF INTERNATIONAL VOLUNTEERING COOPERATION

The article is devoted to the description of opportunities for developing a foreign language communicative competence to establish international cooperation in the field of volunteering using the methods of teaching English for Specific Purposes (ESP). The relevance of the topic is determined by dissemination of ideas of volunteerism around the world. The programmes for the development

of social policy in Russia state the need to establish international cooperation on volunteerism issues; there are plans for organizing some events with international participation. They require a high level of proficiency in English for communication in the field of volunteering. The purpose of the article is to substantiate the methodology of teaching English for establishing cooperation on volunteering from a theoretical point of view. The current policy of activating international volunteering is analysed, the possibilities of using the ESP concept as a method of short-term specialized teaching of English on a specific topic are discussed, and an approximate thematic planning of a language training course for participation in international volunteer projects is presented. The following methods are used to conduct the research: the analysis of Acts on volunteering at the international and Russian levels, an overview of the websites of Russian volunteer projects and foreign volunteer organizations, the analysis of scientific literature on the methods of teaching English, including ESP. The results of the study confirm the need to develop a foreign language communicative competence for establishing a professional and productive international cooperation on volunteering. An approximate thematic planning of English language classes within the framework of the ESP concept to establish such cooperation is proposed.

Keywords: English for Specific Purposes (ESP), volunteering, international cooperation.

About the author:

Kazantseva Angelina Nikolaevna, postgraduate student of the Department of Foreign Language Teaching Methods of Perm State Humanitarian Pedagogical University (Perm, Russia); e-mail: linaangelina0807@yandex.ru. ORCID ID 0000-0002-2712-3380.

References:

1. *Recommendations on Support for Volunteering. Resolution 56/38.* Resolution adopted by the General Assembly, 2002, <https://www.unv.org/sites/default/files/A%20RES%2056%2038.pdf>.
2. Lough, B. J. "International Volunteering." *International Encyclopedia in Civil Society*. Cham: Springer International Publishing, 2020. doi: 10.1007/978-3-319-99675-2_9531-1.
3. *The Universal Declaration on Volunteering:* Proclaimed at the XVI World Conference of Volunteers of the International Association of Volunteer Efforts (IAVE). Amsterdam, 2001.
4. *Volunteerism and the Global Goals.* UN Volunteers, <https://www.unv.org/volunteerism-and-global-goals>.
5. "On Charity and Volunteering to Federal Law No. 135, issued by the State Duma of the Russian Federation on August, 11, 1995." *Legislation of the Russian Federation*, no. 33, art. 3340, 1995.
6. "On the Approval of the Concept for the Development of Volunteering in the Russian Federation until 2025 to Federal Law No. 2950-r issued by the Government of the Russian Federation, 2018." *Legislation of the Russian Federation*, no. 53 (part II), art. 8791, 2018.
7. Federal Project "Social Activity", <https://futureussia.gov.ru/socialnaa-aktivnost>.
8. Pevnaya, M. V. *Volunteering Management: International Experience and Local Practices*. Moscow, 2020.
9. Hutchinson, T., Waters, A. *English for Specific Purposes*. Cambridge University Press, 2006.
10. Inozemtseva, K. M., Bondaletova, E. N., Borisova, T. D. "Evolution of ESP as a Methodology for Teaching a Foreign Language for Professional Purposes in Non-Linguistic Universities in Russia" *Humanitarian research*, no. 2, 2016, <http://human.snauka.ru/2016/02/13994>.
11. Anthony, L. *Introducing English for Specific Purposes*. New York, Routledge, 2018.
12. Bezukladnikov, K. Ed., Zhigalev, B. A., Kruze, B. A. et al. *ESP Teaching, Learning, Assessment: Modern Tools, Strategies, Practices*. Perm, Nizhniy Novgorod, 2018.
13. Maley, A., Peachey, N. *Integrating Global Issues in the Creative English Language Classroom: With Reference to the United Nations Sustainable Development Goals*. London, British Council, 2017.

Серпикова Н. В., Серпикова М. Б.

Российский университет транспорта, Москва, Россия

РОДНОЙ ЯЗЫК УЧАЩИХСЯ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ВО ВТОРОМ ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ

Опыт работы со студентами в техническом (транспортном) вузе показывает, что многие из них имеют серьезные проблемы при изучении иностранных языков – как первого (ИЯ 1), так и второго (ИЯ 2). Невысокие результаты, которые показывают студенты в ходе их обучения общему владению иностранным языком и профессионально ориентированной иноязычной коммуникации, заставили обратиться к поиску причин низкого уровня сформированности у обучающихся коммуникативных навыков к моменту завершения курса. Объектом нашего исследования явилась лингвистическая компетенция – основа для формирования коммуникативной компетенции. Анализ лингвистической и методической литературы по теме исследования, наблюдение за учебным процессом при изучении французского языка как ИЯ 2, тестирование студентов на предмет выявления остаточных знаний в русском языке и ИЯ 1 (английском) позволили прийти к выводу, что не только малое количество аудиторных часов, выделяемое на обучение, или слабая иноязычная подготовка в объеме средней школы мешают овладению ИЯ 1 и ИЯ 2 на уровне, необходимом для самореализации будущего специалиста в профессиональной деятельности. Основная причина плохого владения иностранными языками – несформированность у обучающихся лингвистической компетенции в родном языке, плохое владение (или даже невладение) лингвистической терминологией, что в значительной мере усложняет усвоение грамматики ИЯ 1 и ИЯ 2. Цель данной статьи – акцентировать внимание преподавателей высшей школы на необходимости формирования у обучающихся лингвистической компетенции (подразумевающей, в частности, и овладение лингвистической терминологией) в рамках сопоставительного подхода – одного из основных методов обучения иностранному языку, создающему предпосылки для расширения у студентов общеязыковой эрудиции, развития «лингвистического чутья», востребованных при формировании трилингвизма.

Ключевые слова: лингвистическая компетенция, лингвистическая терминология, сопоставительный подход, родной (русский) язык, французский язык как второй иностранный.

Сведения об авторах:

Серпикова Наталья Владимировна, кандидат филол. наук, доцент кафедры «Лингводидактика», Российский университет транспорта (Москва); e-mail: serpikova_nv@mail.ru.

Серпикова Марина Борисовна, доцент кафедры «Русский язык и межкультурная коммуникация», Российский университет транспорта (Москва); e-mail: serpikova_mb@mail.ru. ORCID ID 0000-0001-6056-6688.

Введение

Вследствие расширения межкультурных и деловых контактов с зарубежными странами в России изменилось отношение к иностранному языку, ставшему одним из основных элементов современной системы высшего образования и одним из важнейших средств самореализации выпускника вуза в профессиональной сфере деятельности. Среди наиболее перспективных направлений высшего технического образования выделяют мультилингвальное обучение, в рамках которого учащиеся должны иметь возможность изучения по крайней мере двух востребованных в международном общении иностранных языков с целью формирования специалиста нового типа – «поликультурной мультилингвальной

многосторонней личности, демонстрирующей не только высокие технические, но и лингво-социокультурные познания» [Прохорова, 2014: 1101–1105].

Включение в соответствии с требованиями Федерального образовательного стандарта высшего образования (ФГОС ВО) двух иностранных языков в учебные планы целого ряда направлений подготовки («Реклама и связи с общественностью», «Туризм», «Гостиничное дело» и др.) заставило преподавателей в поисках эффективных педагогических приемов обучения ИЯ 2 обратиться к трудам как отечественных, так и зарубежных лингвистов и методистов [Щепилова, 2018, 2005; Прохорова, 2014; Ellis, 2008; Барышников, 2003; Бим, 1997; Лapidус, 1980 и др.], многие из которых, в частности, отмечают, что «на овладение вторым иностранным языком переносятся не только приемы овладения первым, но и результаты сознательного и бессознательного обобщения лингвистических характеристик первого иностранного и родного языков» [Малых, 2015: 47]. При этом, вслед за И. Л. Бим (см. [Бим, 1997: 14–15]), одним из ведущих, хорошо зарекомендовавшим себя в практике обучения иностранным языкам (особенно на начальном этапе) признается контрастивный принцип, предполагающий «широкую опору при изучении очередного языка на сходные лингвистические и социокультурные явления в контактирующих в учебном процессе языках: родном, первом и втором иностранных» [Малых, там же]. Контрастивному изучению языков (в том числе, французскому и русскому) как в теоретическом, так и практическом плане, а также использованию сопоставительного подхода при обучении иностранным языкам уделяется большое внимание исследователей [Александровская, 2015; Гак, 2006, 2000 и др.]. Отмечаемый при этом серьезный подход к родному языку обучающихся свидетельствует о его важной роли при обучении иностранному языку [Щепилова, 2005: 53–58].

Несмотря на методическую разработанность применения сопоставительного метода в обучении иностранным языкам и доказанную эффективность опоры на родной язык обучающихся, преподаватели тем не менее сталкиваются со значительными трудностями в работе со студентами-нефилологами, у многих из которых владение ИЯ 1 находится на весьма низком уровне, не позволяющем при их обучении ИЯ 2 рассматривать ИЯ 1 как системообразующий язык-посредник, как основу «сознательного и бессознательного обобщения лингвистических характеристик» [Малых, 2015: 47]. Следовательно, «проблема невладения студентами иностранным языком на компетентностном уровне все еще остается нерешенной» [Краснощекова, 2018].

Проводимый нами в течение ряда лет на одном из первых занятий стартовый (входной) контроль уровня владения ИЯ 1 позволил выявить у студентов-первокурсников плохое знание грамматики на фоне невладения (или плохого владения) лингвистической терминологией, проблемы во всех видах речевой деятельности. Дальнейшее наблюдение за ходом учебного процесса и успехами студентов при изучении ИЯ 2 (французского), а также накопление эмпирического материала в рамках учебной деятельности на занятиях по русскому и иностранным языкам (в том числе, результатов входного тестирования по ИЯ 1, а также проводимого ежегодно в рамках дисциплины «Русский язык и культура речи» тестирования первокурсников на предмет выявления остаточных знаний в русском языке), анализ лингвистической и методической литературы по вопросам формирования лингвистической компетенции при обучении как родному, так и иностранному языку [Краснощекова, 2018; Пыркова, 2018; Бакловская, 2013; Гаврищук, 2013 и др.] позволили сделать вывод, что не только малое количество аудиторных часов, выделяемое на обучение иностранным языкам, или слабая иноязычная подготовка в объеме средней школы мешают овладению ИЯ 1 и ИЯ 2 на уровне, необходимом будущему специалисту для самореализации в профессиональной деятельности. Основная причина возникновения у обучающихся коммуникативных проблем – несформированность лингвистической компетенции в родном языке, плохое владение (или даже невладение) языковедческой терминологией на русском языке, что в значительной мере усложняет усвоение грамматики ИЯ 1 и ИЯ 2.

Объектом нашего исследования, таким образом, является проблема формирования иноязычной лингвистической компетенции, на которую мы попытались взглянуть по-новому – с точки зрения зависимости эффективности ее формирования в иностранном языке от уровня ее сформированности у обучающихся в родном (русском) языке, в том числе, от владения / невладения базовыми языковедческими понятиями и терминами русского языка.

Цель данной статьи – привлечь внимание к необходимости формирования и развития у студентов технических специальностей лингвистической компетенции, показать, что такая работа должна включать в себя ликвидацию «терминологической безграмотности» в родном языке. Это, на наш взгляд, позволит ускорить и облегчить обучение иностранным языкам, особенно при условии тесного взаимодействия преподавателей русского и иностранных языков.

1. Роль грамматики в формировании лингвистической компетенции при усвоении иностранного языка

Основным компонентом коммуникативной компетенции, условием прочности языковых и речевых навыков является компетенция лингвистическая, предполагающая знание принципов устройства и функционирования языка на всех уровнях, умение образовывать правильные грамматические формы и строить синтаксические конструкции, без чего невозможна никакая вербальная коммуникация (см. об этом [Захава-Некрасова, 1973: 52–60]). В настоящее время в связи с утверждением ведущей позиции грамматики в развитии лингвистической и – шире – коммуникативной компетенции наиболее актуальной является проблема формирования у студентов грамматических навыков и представления о лексико-грамматической системе изучаемого языка в целом. Мы можем уверенно говорить о сформированности у обучающегося лингвистической компетенции лишь тогда, когда он имеет представление о системе изучаемого языка и может опираться на эту систему в процессе коммуникации.

Признавая грамматику важной составляющей любого языка, нельзя не отметить, что вопрос о ее роли в обучении иностранным языкам решался и решается по-разному. Как отмечает Е. А. Гаврищук, одни – сторонники переводно-грамматического метода – полагают, что овладение иностранным языком возможно только через грамматику, изучение которой в системе, через освоение грамматических категорий позволяет установить внутренние связи в языке и без сверхъестественных усилий сделать речь учащихся грамматически правильной и чистой. Другие – сторонники прямого метода в обучении иностранному языку – считают, что грамматикой заниматься не следует: язык должен усваиваться практически [Гаврищук, 2013: 18]. Если же объяснение грамматики строится с использованием большого количества терминов, то они скорее запутывают обучающихся, особенно нефилологов, нежели обеспечивают им необходимую помощь. Это формирует у них комплекс неполноценности, связанный с якобы неспособностью к языку. Между тем, по утверждению Н. А. Бонк, «абсолютно неспособные к языку люди – как и гениальные – встречаются очень редко. Главное – это умение логически мыслить и развитое чувство аналогии с родным языком или с тем иностранным, которым человек уже владеет...» [Арзуманова, 2016].

Как показывает практика работы всевозможных лингвистических курсов, действительно, чрезмерное увлечение грамматикой может приводить к языковому барьеру. В то же время игнорирование грамматики в процессе занятий дает настолько поверхностные знания языка, что буквально через несколько месяцев по окончании курсов учащиеся обнаруживают, что практически ничего из пройденного не помнят. И это не удивительно. Говорение, безусловно, – важнейшая составная часть владения языком. Но только понимание того, как устроен и как «работает» чужой язык, повышает маневренность речи и дает возможность прийти к взаимопониманию с собеседником в любой ситуации иноязычного общения. Иными словами, знание грамматики помогает практическому овладению иностранным языком.

Что же касается «чувства аналогии с родным языком», то оно в идеале должно формироваться у учащихся еще в средней школе. Но, как показывает опыт работы в вузе, этого зачастую не происходит: у многих студентов отсутствует не только «чувство аналогии с родным языком», но и «чувство родного языка», о чем свидетельствуют результаты их учебной деятельности в рамках курса «Русский язык и культура речи». Работа со студентами убеждает: без хорошего знания родного языка крайне трудно добиться успеха в изучении языка иностранного. И это чаще всего связано с несформированностью у них лингвистической компетенции в русском языке. Так, в ответах студентов на вопросы тестовых заданий, проверяющие знание русской грамматики, нередко ошибки, допущенные вследствие неумения определять вид глагола или неразличения таких, например, понятий, как «части речи» и «члены предложения». Наличие у обучающихся проблем в родном языке позволяет прогнозировать трудности, которые могут возникнуть или уже возникли у них при изучении иностранных языков.

Важными критериями при оценке степени сформированности у студента технического вуза лингвистической компетенции, а именно когнитивного ее компонента, являются знания о системе языка и его структуре; владение сведениями о языке в соответствии с его уровнями, способность к систематизации и обобщению знаний. Предварительные результаты проверки (анализ работ еще не закончен) проведенного в начале учебного года входного тестирования первокурсников по ИЯ 1 (методика его проведения, а также алгоритм анализа исходного уровня сформированности лингвистической компетенции студентов неязыкового вуза представлены в диссертационном исследовании Т. А. Пырковой [Пыркова, 2018: 92–111]) показывают низкий уровень сформированности лингвистической компетенции, т. е. недостаточные знания системы ИЯ 1. Наиболее типичными являются ошибки на согласование времен, выбор предлога, глагольной формы, синонимов. Практически все студенты получили низкие баллы за письменное задание, допустив в нем лексические, грамматические и иные ошибки. Следовательно, приступая к обучению ИЯ 2 (в нашем случае – французскому), необходимо прежде всего ликвидировать возникшие у них при овладении ИЯ 1, а еще ранее – родным (русским) языком пробелы в знаниях о системе языка, его понятиях и терминах, их описывающих, что позволит им «самостоятельно устанавливать аналогии между грамматическими явлениями родного, первого и второго иностранного языков, находить соответствия, проводить сопоставления, выделять сходные и отличительные характеристики, делать соответствующие выводы» [Бакловская, 2013: 44].

2. Базовые языковедческие понятия и термины родного языка как основа формирования иноязычной лингвистической компетенции учащихся

Согласно требованиям ФГОС основного общего образования, результаты освоения программ учебных дисциплин должны обеспечивать успешное обучение на последующих ступенях образования, при этом по окончании изучения дисциплины «Русский язык» должны быть сформированы «базовые умения, обеспечивающие возможность дальнейшего изучения языков, с установкой на билингвизм» [ФГОС, 2010]. Стандарт также прописывает необходимость расширения и систематизации научных знаний о языке; осознания взаимосвязи его уровней и единиц; освоения базовых понятий лингвистики, основных единиц и грамматических категорий языка. Реальность же такова, что вузовские преподаватели постоянно сталкиваются с проблемами в обучении из-за несформированности у студентов лингвистической компетенции в родном языке в объеме средней школы, что в значительной мере осложняет обучение языкам.

Очевидно, что, если «неспособный студент» при изучении французского языка не может усвоить простейшей вещи – употребления слов *bon* и *bien*, это может означать лишь одно: он не видит разницы между прилагательным и наречием прежде всего в русском языке. А ведь зачастую преподавателю иностранного языка и в голову не приходит

мысль о необходимости прокомментировать то или иное грамматическое явление или объяснить употребляемый им лингвистический термин: все изучали в школе русский язык, следовательно, «все все знают». Но если при общении на родном языке мы, строя фразу, никогда не размышляем над тем, какие части речи и в каких формах будем использовать в предложении в соответствии с правилами грамматики, то в случае овладения иностранным языком ситуация иная. У студента, слушающего объяснение нового материала или читающего правило грамматики по учебнику, понимания сути иноязычного грамматического явления может и не возникнуть, если термины, которыми оно описано, студенту не знакомы, например: *Во французском языке возвратные местоимения согласуются с подлежащим в лице, числе и роде.* (Примеры заимствованы из [Попова и др., 2004]). Что такое *местоимение*? Какие из них называются *возвратными*? Приведем еще примеры правил грамматики французского языка (в соответствии с его уровнями), понимание сути которых требует знания основных лингвистических терминов русского языка.

2.1. Фонетика

При изучении фонетического строя французского языка обучающимся необходимо владеть такими понятиями, как *звук (гласный / согласный)* и *буква*. На стадии обучения чтению студентам объясняется ряд правил, с опорой на которые можно читать по-французски, не заучивая транскрипцию каждого слова, например: *Согласный звук z передается на письме при помощи букв z (zéro) и s в позиции между гласными (disons).*

При рассмотрении практически каждого правила чтения приходится прибегать к названным понятиям, которые при кажущейся их элементарности ставят в тупик некоторых учащихся, когда, например, они слышат, что в слове *beaucoup* восемь *букв* и четыре *звука*: для них, как выясняется, это понятия синонимичные.

2.2. Лексика

Для семантизации новой лексики преподаватель часто прибегает к *синонимам* и *антонимам*, предлагая студентам такие, например, задания:

- подберите *антонимы* к прилагательным *difficile, bon, chaud, libre ...*;
- подберите *синонимы* к существительным *chef, entreprise, poste, objectif ...*

Такого рода задания способствуют расширению словарного запаса студентов за счет запоминания новых слов при опоре на уже ранее усвоенные лексические единицы, имеющие то же или противоположное значение.

2.3. Морфология / Словообразование

Как уже отмечалось, изучение любого языка крайне затруднено, если учащийся не знает, что такое *часть речи*, какие части речи имеются в языке и каковы их отличительные признаки. Во французском языке, как и в русском, выделяются *самостоятельные* и *служебные части речи* (во французском к последним добавляется артикль).

Так, объяснение употребления во французском языке прошедших времен *Imparfait* и *Passé Composé* основывается на сопоставлении их значений со значениями глаголов совершенного (СВ) и несовершенного (НСВ) вида в русском языке, например: *Il traduisait le texte (Imparfait) / Он переводил текст («переводил» – форма глагола НСВ) – Il a traduit le texte (Passé Composé) / Он перевел текст («перевел» – форма глагола СВ).* Но если учащиеся не могут определить вид глагола в родном языке, сопоставление видовых пар в русском и французском языке при изучении *Imparfait* и *Passé Composé* не работает даже при объяснении темы на русском языке.

Для понимания того, как во французском языке образуются порядковые числительные и наречия, формы женского рода или множественного числа существительных и прилагательных, как можно выразить значение повторяемости, необходимо иметь представление об аффиксах и их функциях. Приведем примеры некоторых формулировок:

Наречия французского языка часто образуются от прилагательных в форме женского рода при помощи суффикса *-ment* (м.р. *régulier* – ж.р. *régulière* – нареч. *régulièrement*).

Для образования женского рода существительных и прилагательных используется окончание *-e* (сущ. *cousin* – *cousine*, прил. *grand* – *grande*).

Для передачи повторного действия к глаголам может добавляться приставка *re-* (*lire* / читать – *relire* / перечитать).

2.4. Синтаксис

Во французском языке порядок слов является более строгим, чем в русском. Объясняя и демонстрируя на примерах правила построения французского предложения, преподаватель использует термины «тип(ы) предложения(-ий)» и «член(-ы) предложения» и некоторые др., которыми студент должен владеть прежде всего на русском языке. Приведем в качестве примера одно из таких объяснений:

Французское вопросительное предложение можно построить при помощи инверсии – особого порядка членов предложения, нарушающего обычный (прямой) порядок слов, при котором подлежащее предшествует сказуемому. Для этого нужно в утвердительном предложении поменять местами подлежащее и сказуемое: «Il veut partir. – Veut-il partir?».

В данном случае студенту необходимо знать, какими бывают предложения по цели высказывания, что такое *инверсия, прямой порядок слов, подлежащее, сказуемое*.

Процесс освоения грамматики не должен быть формальным. Для ликвидации пробелов в знаниях учащихся недостаточно обращения к лингвистической терминологии от случая к случаю. Работа должна вестись систематически и в соответствии с изучаемым материалом. Для подтверждения и обоснования зависимости уровня развития иноязычной лингвистической компетенции от терминологической грамотности обучающихся в родном языке была начата совместная работа преподавателей иностранных языков и преподавателей-русистов, ведущих дисциплину «Русский язык и культура речи», по развитию лингвистической компетенции учащихся, а также усвоению (или активизации использования) ими лингвистической терминологии русского языка. На данном этапе решается задача по определению базовых терминов, необходимых для изучения грамматики в рамках языкового минимума для допорогового уровня владения французским языком (см. [Ветрова, 2010]) и их соотнесение с разделами (модулями) курса «Русский язык и культура речи». За основу берутся используемые в средней школе лингвистические понятия и термины согласно «Примерной программе основного общего образования по русскому языку для образовательных учреждений с русским языком обучения» (раздел «Содержание, обеспечивающее формирование языковой и лингвистической (языковедческой) компетенций») [Примерная программа...: 9–21]. Кроме этого, разрабатываются тестовые задания для определения уровня владения лингвистической терминологией студентов, в программу подготовки которых входит изучение французского языка как ИЯ 2.

На наш взгляд, такой междисциплинарный подход к повышению терминологической грамотности студентов, с одной стороны, расширяет их представление о русском языке, формирует у них понятийную базу для анализа и оценки языковых явлений и фактов, дает необходимые знания о лингвистике как науке, ее основных разделах и базовых понятиях, а с другой – обеспечивает возможность более глубокого, осмысленного освоения грамматики ИЯ 1 и ИЯ 2, тем самым способствуя развитию всех видов речевой деятельности на основе умения опознавать и анализировать основные единицы и грамматические категории языка, образовывать грамматически правильные формы и синтаксические конструкции, понимать организованные в соответствии с нормами смысловые отрезки в речи и т. п.

3. Роль сопоставительного подхода в развитии лингвистической компетенции обучающихся

Нельзя не согласиться с исследователями [Барановская, 2011; Назаренко, 2018 и др.], считающими методически оправданным обучение ИЯ на основе родного, представление о системе которого студенты получают в школе в рамках изучения фонетики, лексики, грамматики, словообразования, синтаксиса и грамматическую структуру которого автоматически переносят на изучаемый язык, делая его предметом сравнения и сопоставления с родным, тем более что «подобное обращение позволяет повысить эффективность изучения иностранных языков» [Назаренко, 2018]. Речь, таким образом, идет о сопоставительном подходе к изучению языков, базирующемся на актуальных данных контрастивной лингвистики и имеющем «непосредственный выход в методику обучения иностранному языку» [Барановская, 2011]. Возможность применения данного подхода ко всем уровням языка (к грамматике, лексикологии, стилистике фонологии, орфографии) первым показал В. Г. Гак – основоположник сопоставительного изучения русского и французского языков.

Поскольку, как было отмечено Л. В. Щербой, родной язык присутствует в сознании учащегося и в те моменты, когда он овладевает иностранным языком, обучение ИЯ 2 будет намного эффективнее, если строить работу по формированию у студентов лингвистической компетенции на основе языкового опыта, полученного ими при изучении не только ИЯ 1, но и русского языка прежде всего.

Сопоставление родного языка с иностранным позволит учащимся видеть сходства и различия в грамматике этих языков, что будет способствовать развитию у них лингвистического чутья и в целом сделает процесс обучения более эффективным и с точки зрения освоения нового языка, и с точки зрения овладения умениями и навыками в использовании русского языка. Так, студенты, знакомые с некоторыми словообразовательными моделями французского языка, в частности со способом образования существительных, обозначающих производителя действия при помощи суффикса **-eur** (**monteur**, **chauffeur**, **conducteur**, **retoucheur**), не делают ошибок в русском языке при написании заимствованных слов с суффиксом **-ер**: *ретушер*, *коммивояжер*, *дирижер*, *тренажер* (орфограмма «Правописание о и е после шипящих и ц»). Помогает избежать лишних ошибок и знание о наличии во французском языке приставки **re-**, которая в русском языке является безударной и с помощью которой можно передать такие значения, как (1) возобновление или повторность действия: *ревакцинация* (повторное введение вакцины), *репродукция* (воспроизведение); (2) обратное или противоположное действие: *регресс* (ант. прогресс), *реабсорбция* (обратное всасывание, повторное поглощение) и т. п.

В то же время, изучая спряжение возвратных глаголов во французском языке, студенты без труда поймут, что такое возвратная частица, какова ее функция, если сравнят парадигму спряжения русского и французского глаголов: *мыть-ся* / *se laver*(inf.)

я мою-сь / *je me lave*
ты моешь-ся / *tu te laves*
он моет-ся / *il se lave*

мы моем-ся / *nous nous lavons*
вы моете-сь / *vous vous lavez*
они моют-ся / *ils se lavent*

Сопоставление двух парадигм показывает, что русской возвратной частице **-ся (-сь)** соответствует французская частица **se**. Разница в том, что русская частица является *постфиксом* глагола и пишется с ним слитно, а французская частица ставится перед глаголом отдельно от него и при этом изменяется по *лицам*, согласуясь с *подлежащим*.

Исходя из того, что «целью сопоставления должно быть прежде всего обучение адекватной коммуникации на изучаемом языке» [Барановская, 2011: 53–55], сравниваться должны «не сами системы родного и изучаемого языков, а их функциональные нагрузки на всех языковых уровнях» [Там же]. Так, если в русском предложении прилагательное может стоять как перед существительным (*Сегодня солнечный день*), играя роль определения, так и после

него (*Сегодня день солнечный*), выступая в функции сказуемого в двусоставном предложении (функция порядка слов синтаксическая), то во французском предложении прилагательные, как правило, ставятся после существительных. Некоторые французские прилагательные могут стоять как перед существительными, так и после них, но значение словосочетаний при этом меняется: (1) *un vêtement léger* – легкая одежда / *un léger vêtement* – легкомысленная одежда; (2) *une famille noble* – дворянская семья / *une noble famille* – благородное семейство; (3) *une tasse propre* – чистая чашка / *une propre tasse* – собственная чашка (смыслоразличительная функция порядка слов), что может приводить к недопониманию, затруднять коммуникацию.

Таким образом, русский язык, являясь посредником в приобретении знаний, в рамках сопоставительного подхода в обучении иностранному языку служит также основой для сравнения языковых явлений с целью установления, в чем именно заключаются их сходства и различия. При этом для освоения структуры и логики изучаемого языка и умения соотносить его с родным требуется знание русской грамматики, и прежде всего – владение базовыми понятиями и лингвистическими терминами родного языка.

Заключение

Обращение к данной теме было обусловлено необходимостью повысить уровень иноязычной лингвистической компетенции у студентов-нефилологов, а также желанием обратить внимание преподавателей на несформированность у обучающихся названной компетенции в родном языке как на одну из причин слабого владения обучающимися ИЯ 1 и ИЯ 2.

Программа вузовского обучения ИЯ 1 и ИЯ 2 предполагает опору на знания, умения и навыки, приобретенные учащимися в школе на уроках русского языка. Но реально слабая языковая подготовка студентов технических специальностей как в родном языке, так и в ИЯ 1, что подтверждают результаты тестирований, отрицательно сказывается и на овладении ИЯ 2.

Во избежание трудностей, которые испытывают студенты-нефилологи при изучении грамматики чужого языка, овладении его грамматическими категориями вследствие сложного для них теоретического описания языковых явлений, обучение иностранному языку должно ориентироваться прежде всего на уровень сформированности у обучающихся лингвистической компетенции в родном языке.

Эмпирические данные, полученные в ходе наблюдения за учебной деятельностью студентов на занятиях по ИЯ 1 и ИЯ 2, а также по русскому языку и культуре речи, результаты тестирования студентов-первокурсников подтвердили наше предположение, что за всеми видами «неспособности» к иностранному языку в большинстве случаев кроется плохое знание студентами родного языка, а именно невладение его грамматическими категориями и несформированность базового понятийного аппарата на основе лингвистических терминов. Понимая это, преподаватель должен предвидеть трудности, с которыми может столкнуться студент, и попытаться их минимизировать при отборе и организации учебного материала.

Опыт нашей работы показал, что лучшему восприятию изучаемого грамматического материала способствует:

- выяснение, знакома ли студентам необходимая для изучения конкретной темы лингвистическая терминология;
- проверка, понимают ли обучающиеся суть изучаемого явления, владеют ли соответствующими грамматическими категориями в родном языке;
- сопоставление аналогичных явлений в русском и изучаемом языке при объяснении нового грамматического материала.

Последнее нам представляется особенно важным, так как сопоставительный подход повышает мотивацию к изучению языков, создает условия для интенсификации

процесса обучения и достижения лучшей результативности в овладении не только ИЯ1 и ИЯ 2, но и родным, русским, языком. Кроме того, работа по формированию у студентов в рамках сопоставительного подхода лингвистической компетенции создает предпосылки для расширения общеязыковой эрудиции учащихся, развития у них «лингвистического чутья», способности анализировать и оценивать лингвистические явления и факты, что будет востребовано при последующем изучении языков. Эффективность же сопоставительного подхода проявляется при условии знания студентами грамматической системы и грамматических категорий русского языка, его базовых лингвистических понятий и умения применять все это на практике.

Таким образом, необходимым условием формирования иноязычной лингвистической компетенции, включающей в себя понимание системы изучаемого языка (со всеми ее многоплановыми и многоуровневыми взаимосвязями) и его грамматических особенностей, а также владение основными понятиями и терминами, является высокий уровень сформированности указанной компетенции в русском языке, являющемся учебным средством при объяснении правил грамматики изучаемого языка, семантизации его лексических единиц и синтаксических конструкций (в случае невозможности объяснить их иначе), а также при проверке правильности восприятия тех или иных грамматических явлений.

Литература:

1. Щепилова А. В. Содержание и предметные результаты обучения иностранному языку: Структурирование и описание // Иностранные языки в школе. 2018. N 1. С. 3–10.
2. Щепилова А. В. Теория и методика обучения французскому языку как второму иностранному: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности 033200 «Иностр. яз.». М.: Владос, 2005.
3. Прохорова А. А. Формирование функционального мультилингвизма в неязыковом вузе // Фундаментальные исследования. 2014. N 12 (5). С. 1101–1105.
4. Ellis N. The Dynamics of Second Language Emergence: Cycles of Language Use, Language Change and Language Acquisition // The Modern Language Journal. 2008. Vol. 92 (2). P. 232–249.
5. Барышников Н. В. Методика обучения второму иностранному языку в школе. М.: Просвещение, 2003.
6. Бим И. Л. Концепция обучения второму иностранному языку (немецкий язык после английского). М.: Вентана-Граф, 1997.
7. Лапидус Б. А. Обучение второму иностранному языку как специальности: учеб. пособие. М.: Высшая школа, 1980.
8. Малых Л. М. Из практики мультилингвального образования в России (на примере среднего и высшего образования) // Многоязычие в образовательном пространстве. 2015. Вып. 7. С. 47–54.
9. Александровская Е. Б. К вопросу о сопоставительном подходе при преподавании французского языка // Романские языки и культуры: от античности до современности: материалы VIII междунар. науч. конф., Москва, Филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, 26–27 ноября 2015 г. М.: МАКС Пресс, 2016. С. 25–30
10. Винникова О. М. Сравнительно-сопоставительный метод при одновременном обучении нескольким иностранным языкам // Филологические науки в России и за рубежом: материалы IV междунар. науч. конф., Санкт-Петербург, декабрь 2016 г. Санкт-Петербург: Свое издательство, 2016. С. 28–30.
11. Гак В. Г. Сравнительная типология французского и русского языков. Из лингвистического наследия В. Г. Гака. М.: URSS, 2006.
12. Гак В. Г. Теоретическая грамматика французского языка. М.: Добросвет, 2000.
13. Краснощекова Г. А. Лингвистическая компетенция – основа для формирования профессионально ориентированной коммуникативной компетенции // Современные проблемы науки и образования. 2018. N 6. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=28244>.

14. Пыркова Т. А. Формирование лингвистической компетенции студентов неязыкового вуза средствами театрализации. Екатеринбург, 2018.
15. Бакловская О. К. Специфика овладения грамматической стороной речи в процессе соизучения языков и культур // Многоязычие в образовательном пространстве. 2017. Вып. 9. С. 42–49.
16. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования (утв. приказом Министерства образования и науки РФ от 17 декабря 2010 г. N 1897). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/55070507/>.
17. Захава-Некрасова Е. Б. Роль и место грамматики в процессе обучения русскому языку на начальном этапе // Русский язык и методика его преподавания нерусским. М.: Изд-во Росс. ун-та дружбы народов, 1973. С. 52–60.
18. Гаврищук Е. А. Некоторые проблемы формирования грамматического навыка у пакистанских учащихся на курсах русского языка как иностранного // Международный аспирантский вестник. Русский язык за рубежом. 2013. N 2. С. 18–21. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.russianedu.ru/i/tree/150/aspirant_2-2013.pdf.
19. Арзуманова М. Интервью с Н. А. Бонк. 2016. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://injazsovet.blogspot.com/2016/11/blog-post.html>.
20. Попова И. Н., Казакова Ж. А., Ковальчук Г. М. Французский язык: учебник для первого курса институтов и факультетов иностранных языков. М., Нестор Академик, 2004.
21. Примерная программа основного общего образования по русскому языку для образовательных учреждений с русским языком обучения. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://docplayer.ru/38807640-Primernaya-programma-osnovnogo-obshchego-obrazovaniya-po-russkomu-yazyku-dlya-obrazovatelnyh-uchrezhdeniy-s-russkim-yazykom-obucheniya.html>.
22. Барановская Т. А. Особенности изучения иностранного языка // Современные наукоемкие технологии. 2011. N 1. С. 53–55. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.top-technologies.ru/ru/article/view?id=26617>.
23. Назаренко Т. Ю. Родной язык – эффективное средство изучения иностранных языков при мультилингвальном подходе // Концепт. 2018. N 5 (10). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://e-kon-sept.ru/2018/186096.htm>.

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Serpikova N. V., Serpikova M. B.

Russian University of Transport, Moscow, Russia

STUDENTS' NATIVE LANGUAGE AS A MEANS OF DEVELOPING LINGUISTIC COMPETENCE IN A FOREIGN LANGUAGE

Our experience of working with students of a transport (technical) university shows that many of them have serious problems in learning foreign languages. Students will not be able to realize their potential in future professional activities, involving foreign-language partners, since poor knowledge of a foreign language prevents them from establishing business contacts. The object of our research was linguistic competence as the basis for developing a communicative competence. Having analysed the existing linguistic and methodological literature, the educational process including learning English and French as a FL2 and the reasons for the students' poor knowledge of foreign languages, we came to the conclusion that the problem does not lie solely with the small number of school hours or poor knowledge obtained at school. The lack of linguistic competence results from the insufficient knowledge acquired from native language studies, it is one of the main reasons for the poor proficiency of students in foreign languages. Students are not familiar with linguistic terminology in their native language, and this fact greatly complicates explanation of the grammar

of the studied foreign language. The purpose of this paper is to focus the attention of university teachers on the need to work with students to master Russian and foreign language terminology in the framework of a comparative approach, which is one of the main methods of teaching a foreign language, as it expands the general language awareness and develops the “linguistic flair” of students.

Key words: linguistic competence, linguistic terminology, comparative approach, native language (Russian), French.

About the authors:

Serpikova Natalya Vladimirovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Linguodidactics Department, Russian University of Transport (Moscow, Russia); e-mail: serpikova_nv@mail.ru.

Serpikova Marina Borisovna, Associate Professor of the Russian Language and Intercultural Communication Department, Russian University of Transport (Moscow, Russia); e-mail: serpikova_mb@mail.ru, ORCID ID 0000-0001-6056-6688.

References:

1. Shchepilova, A.V. “Content and Subject Results of Teaching a Foreign Language: Structuring and Description.” *Inostrannyye Yazyki v Shkole*, no. 1, 2018, pp. 3–10.
2. Shchepilova, A. V. *Theory and Methods of Teaching French as Second Language: Course Book for Students*. Moscow, 2005.
3. Prokhorova, A. A. “The Formation of Functional Multilingualism in Non-linguistic Institute of Higher Education.” *Fundamental’nye Issledovaniya*, 2014, N 12 (5), pp. 1101–1105.
4. Ellis, N. “The Dynamics of Second Language Emergence: Cycles of Language Use, Language Change and Language Acquisition.” *The Modern Language Journal*, vol. 92 (2), 2008, pp. 232–249.
5. Baryshnikov, N. V. *Methods of Second Foreign Language Teaching at School*. Moscow, 2003.
6. Bim, I. L. *Concept of Teaching Second Foreign Language (German after English)*. Moscow, 1997.
7. Lapidus, B. A. *Teaching Second Foreign Language as a Specialty: Course Book for Students*. Moscow, 1980.
8. Malykh, L. M., Zhukova, A. V. “Multilingual Games in Language Education: an Interactive Game “The Battle of Polyglots”.” *Mnogoyazychie v Obrazovatel’nom Prostranstve*, vol. 10, 2018, pp. 28–40.
9. Aleksandrovskaia, E. B. “Regarding the Comparative Approach in French Language Teaching (based on the example of the textbook «LE FRANÇAIS.RU»).” *Romanskie Yazyki i Kul’tury: ot Antichnosti do Sovremennosti*: Reports of the VIII International Scientific Conference. Moscow, 2016.
10. Vinnikova, O. M. “Teaching Second Foreign Language on the Basis of a Comparative-Contrastive Analysis of the Native and First Foreign Languages.” *Filologicheskie Nauki v Rossii i za Rubezhom*: Reports of the IV Scientific-Practical Conference, Sankt-Peterburg, 2016. P. 28–30, <https://moluch.ru/conf/phil/archive/233/11279/>.
11. Gak, V. G. “Comparative Typology of French and Russian.” *Iz Ingvisticheskogo Naslediya V. G. Gaka*. Moscow, 2006.
12. Gak, V. G. *Theoretical Grammar of French*. Moscow, 2000.
13. Krasnoshchekova, G. A. “Linguistic Competence as the Basis for the Formation of Professionally Oriented Communicative Competence.” *Sovremennye Problemy Nauki i Obrazovaniya*. 2018. N 6, <http://science-education.ru/ru/article/view?id=28244>.
14. Pyrkova, T. A. *Formation of Linguistic Competence of Students of a Non-Linguistic University by Means of Theatricalization*. Ekaterinburg, 2018.
15. Baklovskaya, O. K. Specific Features of Mastering Grammar in the Process of Parallel Studying of Languages and Cultures. *Mnogoyazychie v Obrazovatel’nom Prostranstve*. Izhevsk, 2017. Vol. 9. P. 42–49.
16. Program of Secondary School Education in the Russian Language, <https://docplayer.ru/38807640-Primernaya-programma-osnovnogo-obshchego-obrazovaniya-po-russkomu-yazyku-dlya-obrazovatelnyh-uchrezhdeniy-s-russkim-yazykom-obucheniya.html>.
17. Zakhava-Nekrasova, E. B. The Role and Place of Grammar in the Process of Teaching the Russian Language at the Initial Stage. *Russkiy Yazyk i Metodika Ego Prepodavaniya Nerusskim*. M., 1973. P. 52–60.

18. Gavrishchuk, E.A. "Common Problems Faced by Pakistan Students during Development of Grammar Skills." *Mezhdunarodnyy Aspirantskiy Vestnik. Russkiy Yazyk za Rubezhom*, no. 2, 2013, pp. 18–21.
19. Arzumanova, M. *Interview with N. A. Bonk*, 2016, <https://injazsovet.blogspot.com/2016/11/blog-post.html>.
20. *Sample Program of Basic General Education in Russian for Educational Institutions with Russian Language of Instruction*. pp. 9–21, <https://docplayer.ru/38807640-Primernaya-programma-osnovnogo-obshchego-obrazovaniya-po-russkomu-yazyku-dlya-obrazovatelnyh-uchrezhdeniy-s-russkim-yazykom-obucheniya.html>.
21. Baranovskaya, T. A. "Features of Learning a Foreign Language." *Sovremennye Naukoemkie Tekhnologii*, no. 1, 2011, pp. 53–55.
22. Nazarenko, T. Yu. "Mother Tongue as an Effective Means of Learning Foreign Languages with a Multi-Language Approach." *Kontsept*, vol. 5, no. 10, 2018, <http://e-kon-cept.ru/2018/186096.htm>.

V. ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС В КОНТЕКСТЕ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА И МНОГОЯЗЫЧИЯ

DOI: 10.35634/2500-0748-2020-12-89-98

УДК 81'246.2(045)

Логутенкова О. Н.

Русская Школа Пафоса, г. Пафос, Кипр

ИЗУЧЕНИЕ ПОЭТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ НА ЗАНЯТИЯХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ В БИЛИНГВАЛЬНОЙ АУДИТОРИИ

Статья посвящена проблеме изучения поэтических произведений русских писателей на занятиях по русскому языку с естественными билингвами, проживающими за пределами РФ. Целью проводимого нами исследования явилось обоснование, разработка и экспериментальная проверка методики обучения чтению художественных текстов на русском языке билингвов школьного возраста. В работе рассмотрены этапы изучения лирики и умения, которые формируются в процессе работы с художественными произведениями, на примере стихотворения В. Маяковского «Хорошее отношение к лошадям» и его переводов на греческий язык, выполненных переводчиками Георгиосом Молескисом и Петросом Антеосом, а также обоснована эффективность применяемой методики.

Актуальность исследования обусловлена недостаточно представленным в педагогической литературе обоснованием развития речевой компетенции билингвов через художественные тексты русских поэтов на уроках русского языка. Привлечение переводов стихотворений с первого языка билингвов на второй язык способствует более глубокому погружению в текст, лучшему пониманию оригинала и вносит значительный вклад в языковое и литературное развитие двуязычного школьника в целом, повышая его мотивацию к изучению русского языка. Предлагаемая технология работы с указанным жанром включает знакомство с культурно-историческим контекстом произведения; выявление трудностей, связанных с непониманием лексического значения слов и с решением проблемных вопросов; поиск ключевых слов; чтение переводов и их сопоставление с оригиналом в отношении мелодики текстов, художественной образности, идеи; сравнение переводов между собой и определение уровня сохранения авторской позиции, степени их соответствия идейной составляющей оригинала; собственный перевод исходного текста.

Предлагаемая методика работы с поэтическим текстом на уроках русской словесности в билингвальной аудитории может быть включена в пособия по чтению, анализу и интерпретации лирики для школьников-билингвов, а также служить образцом построения и проведения различных видов уроков, связанных с работой над поэтическими произведениями на материале любого языка с двуязычными школьниками, способствуя развитию важного умения интерпретации культуры первого языка в контексте культуры второго языка билингва.

Ключевые слова: билингвизм, перевод, русский язык, поэтический текст, методика обучения чтению, интерпретация стихотворений.

Сведения об авторе:

Логутенкова Ольга Николаевна, кандидат филологических наук, старший преподаватель, Русская Школа Пафоса (Кипр); e-mail: logutenol@mail.ru. ORCID ID 0000-0002-0488-833X.

Введение

Феномен естественного двуязычия, являющийся результатом роста миграции населения и увеличения числа межнациональных браков, становится повсеместным явлением в большинстве стран Европы, где каждый третий житель является билингвом или полилингвом [Wei, 2000]. Подобная тенденция к мультилингвизму наблюдается и на Кипре. На этом небольшом по площади острове год за годом продолжает расти количество детей, которые с самого рождения естественным образом познают окружающий мир на двух языках – русском и греческом. Вслед за Г. Н. Чиршевой мы считаем, что наряду с критерием языковой компетенции при определении сущности билингвизма необходимо учитывать показатель коммуникативной активности [Чиршева, 2012: 332], который непосредственно связан с уровнем использования двух языков в разных сферах деятельности и жизненных ситуациях: чем активнее общение на каждом из них, тем выше уровень продуктивного билингвизма. Рассматривая оба параметра коммуникативной активности: темпоральный – для установления степени регулярности пользования языками в общении, и функциональный – для выявления сфер приложения каждого языка в речевой деятельности индивида (дома, в школе, на работе, в научной сфере и т.д.), можно выделить активный, или продуктивный, и пассивный билингвизм, носители которого способны только понимать (в разной степени) речь на втором языке, но не создавать речевые высказывания. Поскольку билингвы, принявшие участие в описываемом ниже учебном эксперименте, активно используют оба языка (русский и греческий) в различных коммуникативных ситуациях, мы в своих исследованиях определяем данный вид двуязычия как естественный продуктивный билингвизм, в котором доминирует греческий язык, что объясняется языковым окружением учащихся, проживающих на Кипре [Логутенкова, 2018: 44]. Доминирование греческого языка прежде всего проявляется в письменной речи билингвов, поэтому мы считаем необходимым включение в занятия русским языком работу с художественными текстами русскоязычных писателей.

Формирование способности участвовать в двуязычном типе коммуникации, осуществлять выбор языка в различных ситуациях, соединять в одном высказывании лексические единицы двух языков, не нарушая при этом грамматические нормы ни одного из них, происходит в течение всего речевого развития ребенка под воздействием различных лингвистических и экстралингвистических факторов. Известно, что развитие способности билингва общаться в условиях двуязычного типа коммуникации рассматривается как активизирующий фактор его речевой деятельности [Hoff, 2012]. В основе процесса речевой коммуникации лежат четыре вида речевой деятельности: слушание, говорение, письмо и чтение. Развитие этих базовых видов речевой деятельности на обоих языках обеспечивает успешную коммуникацию билингва. При этом говорение и слушание формируются в онтогенезе как способы реализации его общения с другими людьми в двуязычном обществе, в то время как чтение и письмо требуют специального целенаправленного обучения [Гаппарова, 2019].

В связи с этим нам представляется особенно важным формирование читательских умений двуязычного школьника, получающего основное образование на греческом языке, на уроках русской словесности. Под читательскими умениями мы понимаем способность билингва адекватно воспринимать и анализировать художественные тексты на русском языке, воссоздавать в воображении художественные картины, изображенные с помощью авторского слова, целостно воспринимать словесные образы и эмоционально откликаться на них. Мы считаем вполне оправданным включение текстов художественной литературы в программу преподавания русского языка билингвам, поскольку убеждены в том, что,

помимо формирования лексических и грамматических компетенций учащихся, чтение художественной литературы способствует развитию других видов речевой деятельности и словотворчества, а также приобщению учащихся к русской национальной культуре.

Литература долгое время отвергалась как часть методологии обучения языку, и ее роль в обогащении языкового сознания обучаемого сводилась к нулю [Carter, 2007]. С распространением коммуникативного подхода вопрос о включении художественной литературы в учебный процесс стал рассматриваться все чаще, что привело к появлению интегрирующих методик, призванных стимулировать развитие языковых способностей за счет привлечения художественных текстов [Bobkina, Dominguez, 2014]. В настоящее время большинство ученых сходятся во мнении о пользе интеграции литературы в занятия по обучению языку [Carter, 2007, Bobkina, Dominguez, 2014].

Однако вдумчивое чтение и понимание классического художественного текста является непростым процессом для современного школьника, тем более, если речь идет о двуязычном подростке. «Технике восприятия необходимо учиться» – считал основатель отечественной теории речевой деятельности А. А. Леонтьев [Леонтьев, 1997: 88]. Билингв, который с легкостью изъясняется на обоих языках, может испытывать определенные трудности при чтении художественных текстов на втором языке, даже если это его второй родной язык, и в первую очередь это касается лирических произведений. Под восприятием словесно-художественного текста мы, вслед за Н. Д. Молдавской, понимаем процесс, развертывающийся во времени, по мере знакомства с текстом, когда первоначальные обобщения обогащают и обуславливают в известной мере последующую конкретизацию, образуя своеобразную спираль познания, по которой читательская мысль, не отрываясь от конкретных представлений, восходит к широким образным обобщениям, постигает художественное произведение в структурной зависимости его частей и целого» [Молдавская, 1974: 28]. Поэтому в задачи современного преподавателя словесности, обучающего билингвов русскому языку, входит поиск новых путей работы с лирикой, способствующих преодолению трудностей, которые возникают у учащихся при чтении стихотворений русских поэтов.

Таким образом, целью нашей работы явилось обоснование, разработка и экспериментальная проверка методики изучения поэтических текстов в двуязычной аудитории, способствующей формированию интереса к чтению художественной литературы на русском языке и развитию различных видов речевой деятельности билингва.

Научная новизна исследования заключается в теоретическом обосновании и экспериментальной проверке методики обучения чтению лирики двуязычных школьников через сравнительный анализ переводов стихотворений с первого на второй язык билингвов.

1. Гипотеза педагогического эксперимента

Бесспорным потенциалом в отношении как языкового, так и литературного развития школьников обладает поэзия. Использование на уроке стихотворных текстов дает возможность ученикам лучше познакомиться с культурой, искусством страны изучаемого языка, способствует углублению языковых знаний и компетенций учащихся, расширяет их словарный запас [Lazar, 1996], совершенствует произношение и навыки выразительного чтения, развивает орфографическую зоркость [Kirkgoz, 2008]. Некоторые ученые также считают, что работа со стихотворениями в классе создает особый микроклимат, благоприятный для построения здоровых отношений между учениками [Chanmann-Taylor, Bleyle, Hwang, Zhang, 2016: 93]. Действительно, обсуждение прочитанного предполагает актуализацию, соотнесение с личным опытом каждого, что позволяет учащимся лучше узнать друг друга, учит самовыражению и терпимости к чужому мнению.

Все вышесказанное подтверждает необходимость разработки методики обучения билингвов чтению лирики, которая, с одной стороны, была бы интересна обучающимся,

а с другой – способствовала бы развитию лингвистических и литературных компетенций школьников, расширяла вариативность их сознания и границы культурного поля и обогащала способность к интерпретации и анализу в целом.

Не вызывает сомнения тот факт, что изучение художественной литературы вообще и поэзии в частности – процесс творческий, способствующий эстетическому воспитанию, развитию воображения, речевых способностей и языковой интуиции, творческого мышления школьника-билингва. Данные навыки и умения могут быть развиты лишь в том случае, когда на уроке созданы все условия для учебного сотрудничества между учителем и учеником, направленного на формирование коллективной поисковой деятельности. Поэтому достижению указанных целей способствует коммуникативно-деятельностный подход к организации уроков с билингвами среднего и старшего школьного возраста, при котором речевое развитие учащихся основывается на решении учебных задач, связанных с восприятием чужих и созданием собственных текстов, и «главным условием организации понимания учебных действий становится рефлексия учебно-коммуникативной ситуации – вербального взаимодействия учителя и учеников с дидактическими целями» [Антонова, 2007: 20].

В качестве гипотезы педагогического эксперимента мы выдвигаем следующее положение: обучение двуязычных учащихся, связанное с восприятием ими стихотворных произведений и умением анализировать их специфику, может осуществляться наиболее успешно, если на уроках русской словесности к анализу привлекаются не только поэтические тексты в оригинале, но и их перевод на второй язык билингва. Сопоставление лирических произведений в оригинале и переводе не только способствует развитию речевых и языковых способностей двуязычного школьника, но и приводит к формированию у учащихся способности анализировать художественный текст на каждом из языков.

Практическая значимость исследования состоит в том, что предлагаемая технология работы с указанными текстами может служить образцом построения и проведения различных видов уроков, связанных с работой над поэтическими произведениями на материале любого языка с двуязычными школьниками.

2. Методика работы с поэтическим текстом

Предлагаемая нами технология работы с поэтическими текстами в двуязычной аудитории включает следующие пункты:

- знакомство с культурно-историческим контекстом произведения;
- выразительное (художественное) чтение оригинала (можно включить прослушивание текста в исполнении профессионального чтеца поэзии В. Маяковского);
- вопросы к прозвучавшему поэтическому тексту, связанные с его мелодикой (работа учителя с ассоциациями учеников);
- выявление незнакомых слов, непонятных мест, которые ученики подчеркивают при первом знакомстве с текстом;
- выявление проблемных вопросов, поиск ключевых слов;
- чтение первого перевода. Сравнение перевода с оригиналом: его мелодики, художественной образности, идеи;
- вопросно-ответная работа для оценивания понимания смыслов ранее подчеркнутых слов и строк. Комментирование. Как правило, после чтения перевода большая часть того, что не было понято учениками при чтении оригинала, становится ясным;
- чтение второго перевода. Проверка того, правильно ли были поняты незнакомые слова. Сравнение обоих переводов, определение уровня точности, сохранения авторской позиции, степени их соответствия идейной составляющей оригинала;
- подведение итогов. Письменная работа.

Данная методика, помимо совершенствования знаний в области русского языка, способствует развитию вариативности сознания, умения самостоятельно интерпретировать художественный

текст, а также более глубокому погружению в художественный мир поэтического произведения.

Материалом исследования послужили тексты произведений В. Маяковского на языке оригинала и в переводе на греческий язык. Несмотря на то, что лирика В. Маяковского не всегда легка для восприятия, она вызывает неизменный интерес у читателей-школьников юношеского возраста, поскольку нравственные и эстетические проблемы, которые решает поэт в своем творчестве, не теряют актуальности и сегодня.

3. Опыт применения методики на уроке русской словесности с русско-греческими билингвами

Рассмотрим применение разработанной методики на примере стихотворения В. Маяковского «Хорошее отношение к лошадям». Выбор данного стихотворения не является случайным – оно входит в школьную программу по литературе для 7 класса русскоязычных общеобразовательных школ, а его перевод включен в учебник государственных школ Кипра в раздел «Писатели о животных» [Βουτουρής, 2014: 52–53]. Описанный ниже обучающий эксперимент проводился на базе «Русской школы Пафоса» в Республике Кипр в группе, состоящей из десяти русско-греческих билингвов 13–14 лет.

Применяя вышеуказанную методику работы над поэтическим текстом, первому прочтению стихотворения мы предварили культурно-исторический комментарий, объем которого соответствовал начальным представлениям учащихся о рассматриваемой исторической эпохе. Важным для понимания идеи изучаемого произведения является тот факт, что стихотворение «Хорошее отношение к лошадям» было написано поэтом в 1918 г., когда шла гражданская война, народное хозяйство испытывало кризис. Со слов современника В. Маяковского, «...было очень холодно. На улицах палые лошади. Убирать их было некому. Их растаскивали по кускам, разрезая перочинными ножами. Только потом приходили собаки...» [Шкловский, 1963]. Мы считаем, что невозможно приступить к изучению любого художественного текста без уточнения о том, в какую историческую эпоху он был создан. А в случае с билингвами, проживающими не в русскоязычной стране, следует также прокомментировать особенности того или иного временного периода, поскольку данная информация имеет непосредственное отношение к интерпретации содержательной стороны текста.

После первого выразительного прочтения текста учащимся было предложено ответить на вопрос о возникших в процессе прослушивания ассоциациях. Мыслеобразы, которыми поделились билингвы, были схожи: лошадь, упавшая на улице от усталости. С помощью наводящих вопросов ученики отметили ощущение мрачного времени и всеобщего тревожного настроения, передаваемого с помощью аллитерации: «Гриб. Грабь. Гроб. Груб».

Большое количество незнакомых и непонятных билингвам слов затруднило понимание главной мысли стихотворения, которая была сформулирована большинством учащихся так: «Надо заботиться о животных». Среди прочих ответов были зафиксированы следующие: «Мы все как лошади», «Люди похожи на лошадей» и др., при этом никто из ответивших не смог объяснить, в чем, согласно авторскому замыслу, заключается сходство людей и лошадей. Также ни один из школьников не дал объяснения таким выражениям, как «улица опрокинулась», «штаны пришедшие Кузнецким клешить».

Следующим этапом, согласно разработанной методике, было чтение переводов стихотворения на греческий язык и сопоставление их смыслового и образного содержания с оригиналом. Один из рассмотренных нами переводов стихотворения «Хорошее отношение к лошадям» принадлежит Георгиосу Молескису, другой – Петросу Антеосу. Обоим переводчикам удалось передать интонационный и ритмический рисунок исходного поэтического текста в большей или меньшей степени, что сразу же было отмечено учащимися. В первую очередь, ребята обратили внимание на особый порядок записи строк, используемый переводчиками вслед за В. Маяковским, который подчеркивает ритм стихотворения. Было

особо отмечено, что в первой строфе обоих текстов используется фонемный перевод, воспроизводящий звучание оригинального текста: «Гкрл, үкрал, үкрол, үкроул» и «Гкрцл. Гкрцл. Гкроул. Гкроул». Прием звукописи в данном случае передает звуки улицы: разговоры, смешки людей, цоканье копыт лошади, грохот. Для билингвов явился очевидным тот факт, что, прибегая к звукоподражанию, переводчики полностью лишили первую строфу смысловой составляющей: у В. Маяковского цепочка слов «Гриб... Груб» наполнена не просто звуковой аллитерацией, но и содержит тревожные приметы времени («гроб») и настроения людей («груб»). В обоих переводах подобные смыслы полностью отсутствуют.

Другой особенностью исходного текста, частично нашедшей отражение в одном из переводов, является изменение традиционного порядка слов: «...за зевакой зевака, штаны пришедшие Кузнецким клешить» (более привычно звучит следующая последовательность: зеваки, пришедшие клешить штаны Кузнецким). Вынесенное в конец строки слово «клешить» привлекает к себе особое внимание. Однако смысл самого слова, которое представляет собой новую форму, введенную советским поэтом, как и всей фразы, стал понятен учащимся только после чтения второго перевода, в котором образ обывателей-бездельников, демонстрирующих свои наряды, гуляя по улице, передан с помощью прямого порядка понятных билингвам слов: «...τα παντελόνια, που κάναν σουλάτσο». При этом мы считаем необходимым для полного понимания учащимися заложенного поэтом смысла пояснить, что в реальной жизни современники Маяковского действительно часто приходили на улицу Кузнецкий мост, где было много магазинов и ателье, шить модную одежду.

На данном этапе работы сравнение переводов с оригиналом помогло учащимся лучше установить эмоциональную доминанту стихотворения В. Маяковского «Хорошее отношение к лошадям», а сопоставление лексических и синтаксических особенностей текстов – глубже проникнуть в поэтический мир поэта. Многие учащиеся лишь после чтения переводов смогли увидеть в стихотворении иносказание – намек на отношение одних людей к другим и противопоставление толпе зевак лошади и самого поэта.

Подстрочный перевод греческих текстов на русский язык показал, что Петрос Антеос использовал большее число переводческих трансформаций, что, с одной стороны, облегчило понимание содержания поэтического текста, но с другой спровоцировало ряд потерь. Следует подчеркнуть тот факт, что сопоставление переводов в билингвальной аудитории проводится не для того, чтобы определить, насколько верно выполнены переводы на греческий язык, а с целью глубже понять концепцию и стиль оригинала.

Наиболее приближенным к исходному тексту оказался перевод Георгиоса Молескиса, в стихотворном переводе которого в значительной степени сохранены художественные образы В. Маяковского. Например, строки «...за каплицей каплица по морде катится» Г. Молескисом были переведены как «στάλες χοντρές κυλούν αδιάκοπα», что передает мысль о том, что слезы стекали крупными каплями, в то время как в тексте П. Антеоса данный образ теряется, так как дословный перевод рисует обычные капли, вытекающие из лошадиных глаз: «σταγόνα-σναγόνα κυλούσε στη μούρη του». Также слово «вой» было заменено вторым переводчиком на слово «хохот» («το χαχανητό»), несущим иную смысловую окраску. Кроме того, были отмечены значительные переводческие трансформации в словах повествователя, обращенных к лошади. Так, строки «Лошадь, не надо / Лошадь, слушайте» П. Антеосом были переведены следующим образом: «Άλογο, ηρεμήστε / Άλογο, ακούστε», что дословно означает «Лошадь, успокойтесь / Лошадь, послушайте», а во втором переводе обращение к лошади на «вы» и вовсе заменено на «ты».

Проведение подробного анализа лексических особенностей трех текстов помогло учащимся ответить на те вопросы, которые после прочтения оригинального стихотворения В. Маяковского вызывали затруднения, заставило иначе взглянуть на те сильные эмоциональные образы поэта, которые вначале вызвали непонимание и даже недоумение («улицу клешить», «смех зазвенел и зазвякал», «улица опрокинулась» и др.). Билингвы

сами смогли сделать вывод о том, что использование поэтом многочисленных приемов необходимо для того, чтобы передать всю силу чувств, и что переведенные стихотворения, хотя и более понятны, не так выразительны и яркие в эмоциональном плане.

На заключительном этапе применения разработанной нами методики учащимся было предложено дать собственный перевод отрывка из стихотворения В. Маяковского на греческий язык и сравнить с переводом одноклассников. Приведем в качестве примера фрагмент работы, признанной учащимися лучшей:

*Ευγένεια στα άλογα
Τα πέταλα έτρεχαν γρηγορότερα,
τραγουδώντας καθώς έπαιζαν:
Γκριν.
Ντριν,
Ντραμ,
Μπραμ.
Από τον άνεμο,
σκοτισμένο με πάγο,
ο δρόμος γλίστρησε.
Τ'άλογο γκρεμίστηκε,
και αμέσως ένας χάχας
πίσω από τον άλλο,
τα παντελόνια που ο Κουζνέτσκι ήρθε να φουσκώσει,
συσσωρεύονται μαζί
ζέσπασε το γέλιο και φώναζε!*

Отметим, что в данном переводе учащийся, используя вслед за В. Маяковским аллитерацию в начальных строках, попытался вложить в звуки, передающие стук копыт, определенные смыслы, которые отсутствовали в работах переводчиков (*Стон, звон, стук, овес*). Несмотря на то, что не всем билингвам удалось сохранить ритмический рисунок оригинала в собственных переводах, в большинстве работ нашли отражение чувства, мысли и образы стихотворения В. Маяковского «Хорошее отношение к лошадям». Для многих этот этап работы оказался самым сложным, но в то же время он был признан учащимися наиболее интересным и увлекательным.

На основе данных, полученных в результате обучающего эксперимента, мы пришли к следующим выводам:

- сравнение переводов с оригиналом создает многогранное представление о тексте: каждый перевод раскрывает какую-либо сторону оригинала и в результате приводит к лучшему пониманию исходных смыслов;
- сравнение переводов способствует определению тех или иных «потерь и обретений» в создании автором-переводчиком своего текста, что приводит к развитию у билингвов поэтической чуткости вообще, вне зависимости от языка;
- предложенная методика помогает билингву постичь национальное своеобразие культурного пространства, характерного для той или иной эпохи, больше узнать о его особенностях;
- подобная работа на уроке помогает глубже проникнуть в поэтический мир автора, лучше интерпретировать литературное произведение, учит вдумчивому чтению и вниманию к деталям, способствует продолжению диалога с текстом;
- с помощью приема сравнения переводов ученики лучше осознают роль образа в тексте, его эмоциональной составляющей, что побуждает их придумывать собственные яркие образы;
- сравнение переводов способствует обогащению теоретических знаний и практических навыков сопоставительного анализа на уроках литературы;

- описанная методика способствует расширению словарного запаса билингвов и лучшему усвоению новой лексики за счет ее многократного ненавязчивого повторения во время урока.

Заключение

Практическая значимость проведенного исследования заключается в том, что предложена теоретически обоснованная и экспериментально проверенная методика обучения чтению лирики, учитывающая особенности восприятия художественных текстов на русском языке школьниками-билингвами, проживающими за пределами РФ. Практические материалы исследования могут быть использованы учителями литературы в школе, преподавателями филологических вузов на практических и семинарских занятиях, методистами при разработке программ и учебников, составлении различных заданий для индивидуальной и внеклассной работы, повышающих интерес к поэзии и развивающих творческие способности учащихся.

Применение разработанной нами методики работы с поэтическим текстом на уроках русской словесности в билингвальной аудитории показало, что привлечение переводов способствует более глубокому погружению в текст, лучшему пониманию оригинала и вносит значительный вклад в языковое и литературное развитие двуязычного школьника в целом, повышая его мотивацию в работе с лирическими произведениями. Сопоставление переводов с исходным стихотворением на русском языке создает условия для формирования такого типа читателя, который способен сформулировать собственное мнение о прочитанном, раскрыть новые смыслы и интерпретировать языковые особенности текста.

Таким образом, можно заключить, что лирика как род литературы, обладая богатым культурным потенциалом, является необходимым элементом в языковом образовании школьника-билингва, способствующим формированию целостного и разностороннего сознания подрастающей личности, развитию важного умения интерпретации русской культуры в контексте культуры второго языка. Произведенные нами в процессе исследования наблюдения и выводы подтверждают необходимость создания пособий по чтению, анализу и интерпретации лирики для школьников-билингвов, включающих разработанную нами методику привлечения переводов и их сравнения с исходным текстом на русском языке.

Литература:

1. Wei L. Dimensions of Bilingualism // *The Bilingualism Reader*. New York: Routledge. 2000. P. 3–25.
2. Чиршева Г. Н. Детский билингвизм: Одновременное усвоение двух языков. СПб.: Златоуст, 2012.
3. Логутенкова О. Н. Репрезентация фольклорно-языковой картины мира русско-греческих билингвов школьного возраста средствами паремиологии и фразеологии: дисс. ... канд. фил. наук. Краснодар, 2018.
4. Hoff E., Core C., Place S., Rumiche R., Señor M., Parra M. Dual Language Exposure and Early Bilingual Development // *Journal of Child Language*. 2012. Vol. 39. No. 1. P. 1–27.
5. Гаппарова Д. А., Каримова У. А. Общая характеристика видов речевой деятельности и учет их особенностей в обучении иностранному языку // *Вопросы науки и образования*. 2019. N 7 (53). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/obschaya-harakteristika-vidov-rechevoy-deyatelnosti-i-uchet-ih-osobennostey-v-obuchenii-inostrannomu-yazyku>.
6. Carter, R. Literature and Language Teaching 1986–2006: Review International // *Journal of Applied Linguistics*. 2007. Vol. 17 (1). P. 3–13.
7. Bobkina J., Dominguez E. The Use of Literature and Literary Texts in the EFL Classroom; between Consensus and Controversy // *International Journal of Applied Linguistics and English Literature*. 2014. Vol. 3 (2). P. 248–260.
8. Hanauer D. I. Focus-on-Cultural Understanding: Literary Reading in the Second Language Classroom // *CAUCE. Revista de Filologia y su Didactica*. 2001. Vol. 3. No. 2. P. 389–404.

9. Paran A. The Role of Literature in Instructed Foreign Language Learning and Teaching: an Evidence-Based Survey // *Language Teaching*. 2008. Vol. 41 (4). P. 465–496.
10. Леонтьев А. А. Основы психолингвистики. М.: Просвещение, 1997.
11. Молдавская Н. Д. Литературное развитие школьников в процессе обучения (Теоретические вопросы): автореф. дисс. ... д-ра пед. наук. М., 1974.
12. Lazar G. Literature and Language Teaching; Exploring Literary Texts with the Language Learner // *TESOL Quarterly*. 1996. Vol. 30 (4). P. 773–776.
13. Kırkgoz Y. Using Poetry as a Model for Creating English Poems // *Journal of Language and Linguistic Studies*. 2008. Vol. 4 (2). P. 94–106.
14. Chanmann-Taylor M., Bleyle S., Hwang Y., and Zhang K. Teaching Poetry in TESOL Teacher Education: Heightened Attention to Language as well as to Cultural and Political Critique through Poetry Writing // *TESOL Journal*, 2016, <https://doi.org/10.1002/tesj.263>.
15. Антонова Е. С. Методика преподавания русского языка: коммуникативно-деятельностный подход: уч. пособие. М.: КноРус, 2007.
16. Βουτουρήs Π. Κείμενα Λογοτεχνίας, Β' Γυμνασίου. Ο λόγος ανάγκη της ψυχής. Νίκοσια. 2014. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://archeia.moec.gov.cy/sm/13/vivlio_mathiti_b_gymn_2014.pdf.
17. Шкловский В. Б. В снегах // Маяковский в воспоминаниях современников. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1963. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://az.lib.ru/m/majakowskij_w_w/text_0212.shtml.

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Logutenkova O.N.

Russian School of Paphos, Cyprus

STUDYING POETRY WITH BILINGUALS IN A RUSSIAN LANGUAGE CLASS

The article is devoted to the problem of studying poetic texts of Russian writers in Russian language classes with natural bilingualism. The aim of our research was to justify, develop and experimentally test the methodology of teaching students to read lyrics, taking into account the peculiarities of perception of fiction texts in Russian by bilingual schoolchildren living outside Russia. The work considers the stages of studying lyrics and skills, which are formed in the process of working on artworks on the example of V. Mayakovsky's poem "Good Attitudes towards Horses" and its translations into Greek by translators Georgios Moleskis and Petros Anteos, and also substantiates the effectiveness of the methodology used.

The relevance of the study is due to the under-representation in pedagogical literature of the justification for the development of the language competence of bilingualism through literary texts by Russian poets in Russian language lessons. Including translations of poems from the first language of bilinguals to their second language contributes to a deeper immersion in the text, a better understanding of the original, and makes a significant contribution to the linguistic and literary development of bilingual schoolchildren in general, increasing their motivation to learn Russian. The proposed technology for working with this genre includes getting acquainted with the cultural-historical context of the work; identifying difficulties associated with misunderstanding the lexical meaning of words and solving problematic issues; searching for key words; reading translations and comparing them with the original with respect to the melody of the texts, artistic imagery, ideas; comparing translations with each other and determining the level of preservation of the author's position, the degree to which they correspond to the idea component of the original text; own translation of the source text.

The proposed method of working with the poetic texts in the Russian language lessons with bilinguals can be included in the manuals on reading, analysis and interpretation of lyrics for bilingual schoolchildren, as well as serve as a model for the construction and implementation of various types of lessons related to work on poetic texts on the material of any language with bilingual schoolchildren, contributing to the development of an important skill of interpretation of the culture of the first language in the context of the culture of the second language of bilinguals.

Key words: bilingualism, translation, Russian language, poetic text, methods of teaching reading, interpretation of poems.

About the author:

Olga Logutenkova, Candidate of Philology, Senior lecturer at the Russian School of Paphos (Cyprus); e-mail: logutenol@mail.ru. ORCID ID 0000-0002-0488-833X.

References:

1. Wei, L. "Dimensions of Bilingualism." *The Bilingualism Reader*. Routledge, 2000, pp. 3–25.
2. Chirsheva, G. N. *Children's Bilingualism: Simultaneous Learning of Two Languages*. Zlatoust, 2012.
3. Logutenkova, O. N. *Representation of the Folklore Picture of the World of Russian-Greek Bilinguals by Means of Paremiology and Phraseology*, Cand. Sci. (Philology) Dissertation, Krasnodar, 2018.
4. Hoff, E., Core, C., Place, S., Rumiche, R., Señor, M., Parra, M. "Dual Language Exposure and Early Bilingual Development." *Journal of Child Language*, vol. 39, no. 1, 2012, pp. 1–27.
5. Gapparova, D. A., Karimova, U. A. "General Characteristics of Types of Speech Activity and their Specifics in Foreign Language Learning." *Problems of Science and Education*, vol. 7 (53), 2019, <https://cyberleninka.ru/article/n/obschaya-harakteristika-vidov-rechevoy-deyatelnosti-i-uchet-ih-osobennostey-v-obuchenii-inostrannomu-yazyku>.
6. Carter, R. "Literature and Language Teaching 1986–2006: a Review." *International Journal of Applied Linguistics*, vol. 17 (1), 2007, pp. 3–13.
7. Bobkina, J., Dominguez, E. "The Use of Literature and Literary Texts in the EFL Classroom; between Consensus and Controversy." *International Journal of Applied Linguistics and English Literature*, vol. 3 (2), 2014, pp. 248–260.
8. Hanauer, D. I. "Focus-on-Cultural Understanding: Literary Reading in the Second Language Classroom." *CAUCE. Revista de Filologia y su Didactica*, vol. 3, no. 2, 2001, pp. 389–404.
9. Paran, A. "The Role of Literature in Instructed Foreign Language Learning and Teaching: an Evidence-Based Survey." *Language Teaching*, vol. 41 (4), 2008, pp. 465–496.
10. Leont'ev, A. A. *Basics of Psycholinguistics*. Moscow, 1997.
11. Moldavskaya, N. D. *Literary Development of Schoolchildren in the Process of Learning (Theoretical Issues)*, Doctor Sci. (Philol.) Diss. Abstr., Moscow, 1974.
12. Lazar, G. "Literature and Language Teaching; Exploring Literary Texts with the Language Learner." *TESOL Quarterly*, vol. 30 (4), 1996, pp. 773–776.
13. Kırkgoz, Y. "Using Poetry as a Model for Creating English Poems." *Journal of Language and Linguistic Studies*, vol. 4 (2), 2008, pp. 94–106.
14. Chanmann-Taylor, M., Bleyle, S., Hwang, Y., Zhang, K. "Teaching Poetry in TESOL Teacher Education: Heightened Attention to Language as well as to Cultural and Political Critique through Poetry Writing." *TESOL Journal*, 2016, <https://doi.org/10.1002/tesj.263>.
15. Antonova, E. S. *Methodology of Russian Language Teaching: Communicative and Active Approach: Textbook*. KnoRus, 2007.
16. Vuturis, P. Literature Texts. Β' Γυμνασίου. A Word is a Need of the Soul. Nicosia. 2014, http://archeia.moec.gov.cy/sm/13/vivlio_mathiti_b_gymn_2014.pdf.
17. Shklovskiy, V. B. "In the Snow" Mayakovsky in *Memoirs of Contemporaries*. Moscow, 1963, http://az.lib.ru/m/majakowskij_w_w/text_0212.shtml.

Малых В. С.

Удмуртский государственный университет, Ижевск, Россия

**ТРАНСФОРМАЦИИ ВОЛШЕБНОЙ СКАЗКИ
В «ГИБРИДНОЙ» НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ АМЕРИКАНСКОЙ И РУССКОЙ ПРОЗЫ XX ВЕКА)**

В статье вводится и обосновывается понятие «гибридной» фантастики, совмещающей в себе научную фантастику и элементы литературы ужасов. В «гибридной» фантастике научно-фантастический антураж не является способом рационализации текста, но, напротив, подменяется мотивами сверхъестественного ужаса. «Гибридная» фантастика, в отличие от «твердой», развивает мысль о непознаваемости мира, и если «твердая» научная фантастика описана достаточно хорошо, то в отношении ее «гибридного» варианта на сегодняшний день ощущается дефицит исследовательских работ, исходя из чего настоящее исследование можно считать одним из первых.

На основании типологии, предложенной Е. М. Нееловым для описания связи волшебной сказки и «твердой» научной фантастики, осуществляется анализ «гибридной» фантастики, в которой научно-фантастические декорации служат проводником антирационального начала. Методология исследования предполагает совмещение структурно-описательного, типологического и компаративного методов. В качестве материала для изучения привлекается творчество таких российских и американских авторов, как Д. Глуховский, С. Лукьяненко, Дж. Р. Р. Мартин, С. Кинг, К. Маккарти, Г. Ф. Лавкрафт и др.

Цель статьи – выявить и описать трансформации сказочного дискурса, влияющие на жанровый переход произведений исследуемых авторов из области «твердой» научной фантастики в область «гибридной» (с значительной примесью литературы ужасов). Тексты рассматриваются с трех точек зрения: с точки зрения системы персонажей, структуры пространства и направленности времени.

Делается вывод, что в каждом из рассматриваемых «гибридных» произведений типологическая модель волшебной сказки была искажена, переосмыслена или разрушена, причем именно аберрация сказочного мотива является основным инструментом жанровой трансформации, переходом произведения из разряда «твердой» научной фантастики в область ее гибридных форм. Так, традиционная для сказки и научной фантастики борьба супергероя с суперзлодеем подменяется психологизацией конфликта и крайним усложнением метафизики добра и зла. Кроме того, четко организованное пространство сказки и научной фантастики, деление на «свое» и «чужое», а также мифологема границы в «гибридной» фантастике смешиваются и утрачивают однозначность. Помимо этого, научно-фантастическое и сказочное время в «гибридной» фантастике перестает существовать, уступая место трагическому безвременью хаоса и кошмара.

Таким образом, «гибридные» произведения, изнутри разрушая каноны «твердой» научной фантастики, одновременно разрушают и глубинные конструкты волшебной сказки.

Ключевые слова: «твердая» научная фантастика, волшебная сказка, «гибридная» фантастика, хоррор, конструкт, мотив, дискурс.

Сведения об авторе:

Малых Вячеслав Сергеевич, кандидат филологических наук, переводчик с китайского языка (г. Ижевск); e-mail: viaclaf@yandex.ru.

Введение

Проблема взаимодействия научной фантастики (далее по тексту – НФ) и мифа, а также НФ и волшебной сказки (далее по тексту – ВС) давно привлекает внимание

отечественных и зарубежных исследователей. «Несомненно, что фольклорные жанры, в частности сказки, были предшественниками современной фантастической литературы», – отмечал В. А. Ревич [Ревич, 1979: 5]. «Мир современной фантастики создается не одними только чудесами науки, он буквально «начинен» сказочными и мифологическими образами», – писала Т. А. Чернышева, в исследованиях которой НФ рассматривается в качестве «современного мифа» [Чернышева, 1977: 244]. Во многом такое восприятие продиктовано стремлением самих фантастов «мифологизировать» свой литературный мир. Так, Р. Силверберг в предисловии к антологии «Легенды» сравнил современных авторов с обрядовыми сказителями древности, которые ночами, у костра, излагали слушателям мифы и легенды [Легенды, 1999: 4].

На первый взгляд, родство современной фантастики и древней мифологии кажется самоочевидным. Тем не менее, в многочисленных работах, посвященных данной теме, прослеживается путаница понятий. Объединяются и смешиваются сказка и миф, собственно фантастика и «фантастические элементы», которые могут присутствовать в том или ином произведении, при этом, не переводя текст в целом в область фантастики (творчество Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского). Более того, очевидная путаница наблюдается там, где речь заходит о жанровом определении фантастики. Отметим, что данная проблема отсутствия единообразно понимаемой терминологии наличествует и в отечественном, и в американском литературоведении.

В классическом труде «Волшебно-сказочные корни научной фантастики» Е. М. Неелов рассматривает, главным образом, «рациональный» пласт фантастической литературы, тяготеющий к так называемой «твердой» НФ. Ученый приходит к выводу, что «твердая» НФ практически буквально соответствует сказочным сюжетно-типологическим конструктам, основные из которых: система персонажей (как в ВС, это выдающиеся, противопоставленные обыденному миру люди с говорящими или экзотическими именами, которые вступают в конфликт с выдающимися злодеями), принципы организации пространства (в НФ, как и в сказке, пространство типологизируется через мифологемы «Океан-море», «Темный лес», «Путь-дорога»), свойства времени (неопределенность и относительность времени в сказке и НФ).

Если Е. М. Неелов, рассматривая «рациональный» полюс фантастики, приходит к выводу о системном родстве произведений «твердой» НФ с ВС, логично предположить, что противоположный, антирациональный полюс фантастической литературы, будет систематически разрушать сказочные модели. Будучи ограниченными рамками научной статьи, мы не станем рассматривать промежуточные образования, относящиеся к фэнтези, и сосредоточим внимание на «гибридных» произведениях, в которых под маской НФ разворачивается хронотоп мистики, оккультизма и ужаса. Наша гипотеза состоит в том, что подобные произведения, изнутри разрушая каноны «твердой» НФ, одновременно разрушают и глубинные конструкты волшебной сказки. Ниже мы постараемся доказать эту гипотезу на материале анализа творчества таких российских и американских фантастов, как Д. Глуховский, С. Лукьяненко, Дж. Р. Р. Мартин, С. Кинг, К. Маккарти, Г. Ф. Лавкрафт и др.

Цель статьи – выявить и описать трансформации сказочного дискурса, влияющие на жанровый переход произведений указанных авторов из области научной фантастики в область литературы ужасов. Задачи исследования: 1) прояснить вопрос терминологического понимания таких понятий, как миф и волшебная сказка, «твердая» и «гибридная» научная фантастика; 2) рассмотреть трансформации сказочного дискурса в «гибридной» НФ с точки зрения системы персонажей, структуры пространства, направленности времени; 3) выявить взаимосвязь между трансформацией сказочных мотивов и жанровой трансформацией, т. е. переходом «гибридных» произведений из области «твердой» НФ в область литературы ужасов.

Методология исследования предполагает совмещение структурно-описательного, типологического и компаративного методов. Если «твердая» НФ описана достаточно

хорошо, то в отношении ее «гибридного» варианта, совмещающего качества НФ и хоррора, на сегодняшний день ощущается дефицит исследовательских работ, исходя из чего, настоящее исследование можно считать одним из первых. Кроме того, само понятие «гибридной» фантастики вводится впервые и может быть использовано исследователями теории фантастики в будущем.

1. Вопрос терминологической определенности

Остановимся на проблеме различия **сказки** и **мифа**. Т. А. Чернышева настойчиво указывает на «мифотворческую» природу НФ [Чернышева, 1972: 288]; в схожем русле мыслят и другие исследователи, в частности, Л. Дилов пишет, что в фантастической литературе наука «играет роль мифа» [Дилов, 1975: 91]. В то же время, Е. М. Неелов приходит к противоположному заключению: «Древний миф и научная фантастика никоим образом не связаны друг с другом какими-то особыми, только данным жанрам присущими отношениями» [Неелов, 1986: 17]. Иными словами, взаимоотношения мифа и фантастики ничем, в сущности, не отличаются от взаимоотношений мифа и литературы вообще. Действительно, еще О. М. Фрейденберг, рассуждая о фантастике и мифе, акцентировала внимание на их несхожести, даже антиномичности: «Хтонический план первобытного мифа ареален, но ничего общего с фантастикой не имеет» [Фрейденберг, 1998: 17]. Более того, фантастика, с точки зрения Фрейденберг, есть «первое порождение реализма» [Там же: 38]. Миф – «это то, во что человек слепо верит и при этом отождествляет себя с тем, во что он верит» [Неелов, 1986: 19]. Можно ли сказать, что современный читатель «слепо верит» фантастике? Безусловно, нет. Конечно, в моменты особой «погруженности» в текст читатель склонен ассоциировать, т. е. как бы «отождествлять» себя с героем, но является ли это свойство исключительной характеристикой фантастики? Вновь ответ – нет. Читатель, вовлеченный в качественно написанный текст, будет сопереживать герою и отождествлять себя с ним, без разницы, фантастический роман он читает, любовную сагу, детектив или реалистическую классику. Итак, миф связан с фантастикой постольку, поскольку он является давним прародителем художественной литературы в целом. Как же обстоят дела с ВС?

Именно **волшебную сказку** рассматривал Е. М. Неелов в качестве прямого прародителя НФ. Опираясь на глубокий и оригинальный анализ фантастических текстов, исследователь пришел к выводу, что «элементы художественной системы фольклорной волшебной сказки... сравнительно легко обнаруживаются в поэтике научной фантастики» [Неелов, 1986: 23]. Подобно тому как в ВС «чудесные» законы действуют неукоснительно, так в НФ «научные чудеса» подчиняются определенным законам. Это действительно так, ведь даже в фэнтези, отпочковавшейся от НФ, магия не действует бессистемно, ей можно обучиться (серия о Гарри Поттере, «Колесо Времени» Р. Джордана) или постигнуть ее через обряды, инициации и тайные книги («Властелин Колец» Р. Р. Толкина, серия Т. Гудкайнда «Меч Истины»), т. е. магия даже в магическом мире определенным образом нормирована и ограничена.

Точка зрения Е. М. Неелова, согласно которой, ВС является сюжетно-типологической моделью для НФ, лежит в основе нашего исследования. Мы рассматриваем НФ, прежде всего, как современную трансформацию жанра ВС с присущими ей сюжетными и типологическими конструктами. В конечном счете, знаменитая триада Б. Н. Стругацкого «чудо – тайна – достоверность», описывающая «формулу» НФ, на первое место все-таки ставит категорию чуда.

Внесем ясность и в терминологию, связанную собственно с **жанровой природой фантастики**. Попытки классификации фантастики предпринимались в трудах многих отечественных и американских ученых. Суммируя имеющийся опыт, мы склонны выделять *метажанр фантастики* (англ. *speculative fiction* [Скворцов, 2014: 134]), внутри которого существуют *три основных жанровых блока*:

- *научная фантастика (science fiction)*, разветвляющаяся на такие направления, как собственно «твердая» НФ (англ. «hard science fiction» [Westfahl, 2008: 195]),

социальная фантастика, приключенческая фантастика (фантастика «затерянных миров»), киберпанк, стимпанк, космическая опера, постапокалипсис и другие;

- *фэнтези (fantasy)*, разветвляющаяся на четыре жанровых образования: мистическо-философское, метафорическое, «черное» и героическое фэнтези [Ковтун, 2008: 101];
- *хоррор, или литература ужасов (horror)*, которую, как правило, членят в зависимости от характера того «ужаса», который объективирован в конкретном произведении: ужасы о вампирах, зомби, маньяках, привидениях и так далее.

Отметим, что данное жанровое членение является все же весьма условным, поскольку фантастические жанры объединяются, комбинируются и почти произвольно перетекают друг в друга, что, собственно, является продуктивным моментом, позволяющим узкому, в принципе, направлению фантастики развиваться и набирать популярность в массовой культуре (известны такие смешанные жанровые формы, как, например, технофэнтези или научное фэнтези). Заманчиво звучит призыв многих исследователей разделить раз и навсегда научную и «ненаучную» фантастику на том основании, что НФ пытается объяснить (рационализировать) свои чудеса, а ненаучная оставляет их без объяснений [Чернышева, 1985: 230]. При этом, собственно авторская рефлексия представителей жанра «твердой» НФ демонстрирует уязвимость данного представления. Вспомним признание Р. Желязны: «Я часто пытался понять, кем я являюсь – писателем, пишущим научную фантастику, которому снится, что он пишет фэнтези, или наоборот. Большинство моих научно-фантастических вещей содержат некоторые элементы фэнтези и наоборот» [Желязны, 1987].

С нашей точки зрения, уместнее говорить о жанровых «точках притяжения», где на одном полюсе будет «твердая» НФ и рационализм, а на другом – «мистический хоррор», погружающий читателя в дебри оккультных мистерий и болезненного бреда. К рациональному полюсу при этом будут тяготеть жанры, близкие к «твердой» НФ, а к антирациональному – жанры, близкие к хоррору. Фэнтези при этом останется где-то посередине. В тех случаях, когда в произведениях совмещаются рациональный и антирациональный полюса без прямого посредства жанра фэнтези, мы предлагаем говорить о «гибридной» НФ. «Гибридная» фантастика, в отличие от «твердой», развивает мысль о непознаваемости и хаотичности мира.

1.2. Трансформации сказочного персонажа

Е. М. Неелов указывает на такие характерно-сказочные свойства героя «твердой» НФ, как: *высокий процент «говорящих» и экзотических имен, подчеркивающих уникальность героя и его социальную роль* (к примеру, Доктор, Физик, Координатор в «Эдеме» С. Лема или Аэлита, Ихтианд); *борьба героя с «нечеловеческим» злом*, отсылающая к мотиву схватки Ивана-царевича с Кощеем (отметим, что научно-фантастический мотив битвы супергероя с суперзлодеем, унаследованный от ВС, настолько прочно вошел в современную массовую культуру, что стал культурным штампом); *сказочный мотив единства-борьбы человека и природы* (примером могут служить неоднозначные взаимоотношения сталкера Редрика Шухарта (героя) с Зоной (аналогом сказочного Леса) в повести А. и Б. Стругацких «Пикник на обочине»).

Если в «твердой» НФ взаимоотношения героя, мира и системы второстепенных персонажей строятся по лекалам ВС (включая наличие целой системы волшебных помощников и стражей инициационного мифа вроде Бабы-Яги), то в «гибридной» НФ эти лекала разрушаются и переосмысливаются, что, во многом, служит способом нагнетания «зловещей» атмосферы.

Рассмотрим в качестве примера знаменитый роман С. Кинга «Кэрри», который внешне обманчиво близок типичному для 70-х годов НФ роману о сверхспособностях. В данном случае «научной» составляющей в романе является телекинез, однако эта способность главной героини не приобретает у С. Кинга рационализации, не подвергается изучению, не обрастает характерными для «твердой» НФ псевдонаучными обоснованиями. Героиня

принципиально отлична от НФ супергероя: она слаба и невзрачна, и имя у нее обычное, среднестатистическое, – Кэрри Уайт. Лишь благодаря роману Кинга имя Кэрри, как когда-то имя Розмари, обросло зловещим культурным шлейфом. Враги Кэрри – тоже не суперзлодеи, а обычные «злые школьники», издевательства которых послужили причиной активации дремавших способностей героини. Кэрри не борется со злом, но, напротив, сама трансформируется в еще большее зло – карающего монстра. В отличие от сказочного и НФ героя, Кэрри не вступает в борьбу с природой, она принимает «природу» своих способностей и наполняет их яростью, что и служит причиной массовых смертей, неприятным образом впечатливших жителей провинциального городка [Кинг, 2019].

В романе «Кэрри» трансформируется не только сказочный сюжет о чудесном превращении Золушки-Кэрри в полночного монстра, но и научно-фантастический миф о сверхспособностях, так что собственно научная подоплека в романе, включающая обширный «документальный» материал, оказывается игрой с читателем: в данном случае ничего рационального в способности к телекинезу не обнаруживается, она целиком и полностью находится в области паранормального и ужасного.

В «гибридной» НФ происходит психологизация сказочного конфликта между героем, природой и злодеем. Крайним проявлением этого конфликта является совмещение каждого элемента триады в одном лице. Герой сталкивается с силами непознанной природы и злом, но эта классическая научно-фантастическая (и сказочная) завязка завершается раскрытием совершенно иного конфликта: подлинный враг живет внутри героя, это тот внутренний, психологический «космос», который не может быть познан и осмыслен. Так герой рассказа Дж. Мартина «Второй вид одиночества» («The Second Kind of Loneliness») бесконечно ждет сменщика на космической станции, но каждый раз, когда прилетает челнок со сменщиком, герой уничтожает его, и сам себе боится признаться в тайне своего «космического» психоза [Мартин, 2005: 127–143]. Схожий мотив прослеживается в объединении свойств героя и злодея в одном лице путем генной инженерии. Так, в межавторском цикле книг, являющемся новеллизацией серии фильмов о «Чужих», лейтенант Эллен Рипли, пережив клиническую смерть, возрождается в виде собственного клона, несущего генный код монстров из глубокого космоса [Криспин, 2019].

Переосмысление сказочных (и научно-фантастических) мифологем – общее место в «гибридной» фантастике. Характерный сказочный конструкт «волшебный помощник», выполняющий одинаковые функции и в ВС, и в «твердой» НФ, в романе С. Лукьяненко «Мальчик и тьма» претерпевает внутреннее переосмысление [Лукьяненко, 2015]. Солнечный котенок, слуга Света, в метафизике романа оказывается рабом бесчеловечной и бесстрастной «силы Света», которая в своих действиях оказывается более жестокой и коварной, чем «сила Тьмы». Традиционные сказочные мотивы добра и зла, тьмы и света оказываются трагически переосмыслены, а «волшебный помощник», вывернутый наизнанку «конек-горбунок», под благовидными предлогами толкает героя на совершение предательств и кровавых расправ.

2. Структура пространства в ВС, «твердой» НФ и «гибридной» НФ о сверхъестественном

Как справедливо отмечает Е. М. Неелов, «законы сказочного пространства-времени имеют прямое отношение к поэтике научной фантастики и их анализ помогает понять своеобразие жанра» [Неелов, 1986: 76]. Пространство в НФ идентично пространству ВС. Здесь важен хронотоп границы (ср. с названием классического романа У. Ле Гуин «Порог» («Threshold»)) между «своим» и «чужим». Простор океана и простор космоса противопоставляются «очеловеченному» пространству острова и корабля (в применении к НФ – корабля космического). Корабли Ж. Верна, Р. Брэдли и А. и Б. Стругацких настолько проникнуты человеческими качествами, что воспринимаются как родные, живые существа [Неелов, 1986: 81]. Преодолевая с помощью этого «очеловеченного» корабля неприветливые и непознанные просторы Океана, Леса или Космоса, герой сказки и НФ совершает подвиг, осваивает пространство и возвра-

щается домой, подобно Иванушке, вступившему в хронотоп потустороннего мира, чтобы спасти царевну. При этом путь выстраивается в совершенном соответствии с фольклорным «путем-дорогой». Как указывает Е. М. Неелов, «Космические путешествия» дают целый круг излюбленных фантастами сюжетов, и в центре этих сюжетов обычно оказывается уже знакомый нам образ дороги, построенный по законам волшебной-сказочной поэтики» [Неелов, 1986: 98]. Анализ хронотопа дороги в повести А. и Б. Стругацких «Страна багровых туч» позволяет исследователю сделать вывод о том, что «решительно все отмеченные свойства и качества сказочной пути-дороги обнаруживаются в дороге космической» [Там же: 101]. В целом можно выделить следующие характерные черты сказочной и научно-фантастической пути-дороги: буквальность (в противовес общелитературной метафоре «дороге жизни»), конечность, неизбежность. Последний пункт, кажется, нужно пояснить. Герой сказки и «твердой» НФ идет по своему пути, повинувшись судьбе (или сюжету), он не сворачивает с нее и в конечном счете обретает счастье и осваивает пройденное пространство, познает тайны Вселенной и побеждает врагов. А. и Б. Стругацкие, по всей видимости, глубоко отрефлектировали это качество сказочного пути, не случайно эпиграфом «Улитки на склоне» стали строки из произведения Пастернака: «За поворотом, в глубине / Лесного лога / Готово будущее мне / Верней залога...» [Стругацкие, 2015: 4], а само произведение выстраивается полностью по канонам ВС: здесь есть и дорога, и сказочный герой (семантика имени «Кандид» намекает на прозвище наивно-светлого Иванушки-дурачка), и таинственный Лес.

Что же мы видим в «гибридных» формах НФ с преобладанием ужасных и сверхъестественных компонентов? Начнем с образа «родного корабля». Если в творчестве «твердых» фантастов корабль (деревянный, космический или подводный) является залогом стабильности, вместе с героем осваивает чуждые пространства, то в «гибридной» НФ корабль оказывается ложным другом и, подобно тому, как «волшебный помощник» – солнечный котенок – оказался служителем недоброй сущности в романе Лукьяненко «Мальчик и тьма», так и корабль на проверку оказывается пространством хаоса и безумия. Пожалуй, наиболее ярким примером может служить дважды экранизированная повесть Дж. Мартина «Летающие сквозь ночь» («Nightflyers»), в которой переосмысление научно-фантастического штампа приводит к жанровой трансформации фантастического произведения: внешний антураж «космической одиссеи» оборачивается погружением в область «космического ужаса». Звездолет «Летающий сквозь ночь» одержим злобным искусственным интеллектом – сознанием матери капитана судна, записанным в бортовой компьютер. Корабль ненавидит своих постояльцев и старается их уничтожить. Умирая, капитан записывает свое сознание в компьютер и подавляет свою мать, однако их поединок, по всей видимости, будет бесконечным. «Теперь он, без сомнения, сильнейший. Их гены идентичны, и сила тоже. Умирая, он также нашел способ записать свое естество в большом кристалле, и сейчас корабль живет ими обоими. Они часто борются между собой. Иногда она обманывает его, и тогда «Летающий» делает странные, непредсказуемые вещи. Гравитация падает, растет или полностью исчезает, по ночам одеяла обертываются вокруг моего горла, из темных углов в меня летят различные предметы» [Мартин, 2001: 570]. Трагизм усиливается тем, что загадочные космические существа – волкрины, – ради изучения которых была отправлена злополучная экспедиция, оказываются совершенно непознаваемыми, лишенными какого-либо сознания, «безумными». В итоге роман, задекорированный под классическую «космическую одиссею», обманывает читательские ожидания: экспедиция гибнет, корабль оказывается главным врагом, а цель путешествия безумна и недостижима.

Здесь необходимо сказать несколько слов о «Солярисе» С. Лема. Традиционно данный текст рассматривается как образец «твердой» НФ, но на проверку этот роман куда ближе гибридным формам, граничащим с литературой ужасов. Здесь налицо и психологизация конфликта («гости» героев извлекаются мыслящим Океаном из их собственного сознания), и принципиальная непознаваемость планеты-океана. Все это переводит роман Лема в

плоскость, тесно граничащую с литературой ужасов, и в этом отношении «Солярис» напоминает откровенно «хорроровую» повесть «Летающие сквозь ночь».

Схожее переосмысление в «гибридной» НФ претерпевает образ дороги. Буквально понимаемая, прямая и конечная дорога в ВС и «твердой» НФ, рассмотренная под более депрессивным углом зрения, оказывается дорогой без конца, лабиринтом без центра и стен, путем, который герой не способен преодолеть. Ужас ситуации подчеркивается тем, что при этом дорога не теряет своей буквальности, реалистичности. Это не «дорога к Богу» и не «путь к себе», не меланхолично-отвлеченная «дорога без конца». Это именно дорога – реальная, объективно существующая, но при этом *неправильная*, не имеющая цели, дорога смерти. Выдающимся создателем подобным образом понимаемой дороги является К. Маккарти. Его роман «Дорога» («The Road») выстраивается по лекалам научно-фантастического постапокалипсиса, или романа о выживании после конца света [McCarthy, 2019]. Однако подлинный трагизм заключается в том, что любое выживание здесь – временно, а герой, у которого постоянно расходятся слово и дело, моральные принципы и поступки, умер на полпути. Научно-фантастический антураж оборачивается здесь натуралистическим триллером, где бесконечная дорога, которая никуда не ведет, рождает ощущение безнадежности.

Схожим образом реализован мотив дороги и в «Злоцветах» Дж. Мартина («Bitterblooms»). Девушка с далекой планеты, где царствует зима, находит в лесу сломанный звездолет. Внутри звездолета живет «фея Моргана, полная чар» [Мартин, 2005: 372], которая приглашает девушку в путешествие между мирами. В окнах космического корабля они видят иные планеты и чужие города, но в результате оказывается, что это лишь проекции на экранах, сломанный корабль никуда не летит. Девушка покидает Моргану и возвращается домой, но всю жизнь томится воспоминаниями. Она готова смириться с ложью Морганы, лишь бы быть вместе с ней и видеть чудеса в иллюминаторах-экранах. В этом рассказе налицо целенаправленная трансформация сказочных и НФ мотивов. Дорога оказывается не просто бесцельной (герои не могут приземлиться), но и иллюзорной: звездолет никуда не летит. Все ложь – и иные миры, и путешествия между звезд, и сказочное имя Морганы, и сама человеческая жизнь.

Еще один вариант аберрации классического мотива дороги представлен в «Звездной тени» С. Лукьяненко – романе, который, в целом, можно отнести к «твердой» НФ. Бесконечные миры, куда может отправиться посетитель «черной планеты», организованы таким образом, что путешествие по ним не имеет ни конца, ни цели, люди живут в окружении фантомов, и даже умереть там по-настоящему нельзя. Именно это «дурное бессмертие» и отсутствие целеполагания рождает ужас в расе «Геометров», которые больше всего боятся быть включенными в состав этой бесконечной империи без центра и окраин [Лукьяненко, 2018].

Провозвестником таким образом понимаемой дороги, как и многих «страшных» мотивов в НФ, является Г. Ф. Лавкрафт. В его рассказе «В стенах Эрикса» («In the Walls of Eryx») космонавт, прибывший на Венеру, оказывается заперт в стенах прозрачного лабиринта, из которого нет выхода, да и центра у него, судя по всему, тоже нет [Лавкрафт, 1992: 182–205]. Сказочный мотив пути по лабиринту без стен оборачивается дорогой, замкнутой внутри себя, дорогой без конца, путь по которой приводит к гибели незадачливого героя, и никакая «нить Ариадны» его, увы, не спасет.

Суммируя, можно сказать, что основная установка НФ, тождественная сказочной, – путь должен быть пройден, все можно познать и объяснить; установка «гибридной» НФ – в конце пути ждут лишь ужас и смерть.

3. Направленность времени в НФ и ее гибридных формах

Е. М. Неелов убедительно доказал, что «в научной фантастике сквозь ткань исторического времени просвечивают реликты времени волшебного-сказочного» [Неелов, 1986: 109]. Время в НФ исторично и, как правило, приурочено к какой-либо дате в будущем, но на самом

деле это всегда условно-бесконечное время сказки: оно принципиально необратимо, однако «волшебные предметы» («машины времени») способны эту необратимость повернуть вспять. Герой сказки может провести в некоем «чудесном месте» три дня, а в остальном мире пройдет тридцать лет. На ковре-самолете герой может с легкостью преодолеть не только пространство, но и время, а для состарившегося персонажа припасены «молодильные яблоки». Аналогом «машины времени» в сказке может выступать сон. В самый ответственный момент герой засыпает, и во время его сна либо волшебные помощники выполняют нужную работу, либо все само собою выправляется на нужный лад. Так и герой в НФ обретает власть над временем с помощью чудесных устройств. «Классификация сказочных чудесных предметов... полностью подходит для классификации научно-фантастической техники, обеспечивающей превращение, перемещение, материализацию и коммуникацию персонажей» [Там же: 119]. Иными словами, время как объективная категория крайне важна и для «твердой» НФ, и для сказки.

В «гибридных» формах НФ время существует лишь номинально, значимо скорее его *отсутствии*. Все явления времени – линейного, циклического, исторического – на проверку оказываются иллюзорными, потому все устройства, каким-либо образом влияющие на время, в «гибридной» фантастике либо отсутствуют, либо работают вовсе не так, как замыслили их создатели.

В рассказе Дж. Мартина «Каменный город» герой по имени Холт проникает в таинственные лабиринты внутри планеты, которую иногда именуют «перекрестком Вселенной». Здесь нет времени, герой не испытывает ни голода, ни жажды, перестает стареть, и единственное, чем он занят – открывает двери, ведущие в иные миры, и заворуженно смотрит на открывающиеся ему чудеса. «В Каменном городе время течет медленно, а внизу, где Строители соткали сеть пространства-времени, – еще медленнее. Но все же течет, течет неумолимо. От гигантских серых зданий остались одни развалины, рухнула башня-гриб, пирамиды рассыпались в прах. <...> // Солнце перекрестка Вселенной меркнет, // В пустынных тоннелях под руинами Холт идет от звезды к звезде» [Мартин, 2005: 369].

Циклов романов С. Кинга «Темная Башня», многое почерпнувший из «твердой» НФ, все же тяготеет к мотивам сверхъестественного ужаса. Сама модель мироздания оказывается здесь антирациональной, ненаучной, страшной. Роланд, найдя наконец Темную Башню в центре мироздания, понимает, что бывал здесь уже не раз, что его ждет новый путь, и все повторится снова или будет иным – это не важно, потому что времени нет, нет смерти, нет смысла и цели, только надежда, что «на этот раз все будет иначе» [Кинг, 2005: 810].

Время и пространство сказки и НФ приводят героя, сразившегося с силами зла, к тому, что в финале он утверждает тот порядок вещей, который был нарушен в начале. В «гибридной» фантастике герой ничего не исправляет, он, напротив, сам может что-то нарушить – по неведению или по злему умыслу. Классический пример – чудовище Франкенштейна, созданное гением и нарушающее законы мироздания и человеческой морали [Шелли, 2016]. Не случайно, вероятно, роман М. Шелли «Франкенштейн, или Современный Прометей» уже полторы сотни лет считается классикой одновременно и НФ, и литературы ужасов.

В «гибридной» фантастике путь героя приводит не к восстановлению миропорядка, но, напротив, к тому, что ничто уже не будет как прежде. Ярким примером служит «Метро 2033» Д. Глуховского, где герой становится виновником неожиданно-мрачного финала, в котором торжествует человеческая ограниченность мышления, а последних спасителей человечества объявляют врагами и безжалостно уничтожают. Возвращение к «нормальному миру» оказывается невозможным [Глуховский, 2015].

Подобная трансформация происходит и с мотивом сна и сновидения. Как было отмечено выше, в волшебной сказке и «твердой» НФ сон героя способствует позитивному выравниванию сюжета. В «гибридной» фантастике, напротив, чем больше герой спит, тем глубже погружается в атмосферу кошмара. Здесь следует упомянуть творчество Г. Ф. Лавкрафта, у которого «звездные отродья» [Лавкрафт, 2016], явившиеся из космоса (научно-фантасти-

ческая подоплека), обращаются к человечеству через особые сновидения, разрушающие разум и ввергающие героев в пучины безумия («хорроровый» итог).

Заключение

Итак, в исследовании предпринята попытка применить типологию, использованную Е. М. Нееловым в описании связи ВС и «твердой» НФ, для анализа «гибридной» фантастики, в которой научно-фантастические декорации служат проводником сверхъестественного ужаса. Подобного рода литература, несмотря на научно-фантастический антураж, не может рассматриваться как принадлежащая «рациональному» полюсу. В гораздо большей степени описанные нами произведения тяготеют к полюсу литературы ужасов, хотя до сих пор в различных источниках можно встретить упоминание о них как о «научно-фантастических» произведениях.

В процессе исследования мы обращались к творчеству таких отечественных и американских авторов, как Д. Глуховский, С. Лукьяненко, Дж. Р. Р. Мартин, С. Кинг, К. Маккарти, Г. Ф. Лавкрафт. Мы рассмотрели трансформации сказочного дискурса, представленные в произведениях данных авторов, с трех точек зрения: с точки зрения системы персонажей, структуры пространства и направленности времени.

В каждом из описанных нами случаев типологическая модель ВС, без изменений используемая в НФ, была искажена, переосмыслена или разрушена, причем именно аберрация сказочного мотива, как показало углубленное прочтение данных произведений, явилась основным инструментом жанровой трансформации, заключающейся в переходе произведения из разряда «твердой» НФ в область хоррора. Исходя из этого, заявленную нами гипотезу о том, что «гибридные» произведения, изнутри разрушая каноны «твердой» НФ, одновременно разрушают и глубинные конструкты волшебной сказки, можно считать доказанной.

Литература:

1. McCarthy C. *The Road*. New York: Picador, 2019.
2. Westfahl G. *Hard Science Fiction // A Companion to Science Fiction*. Malden: Blackwell Pub., 2008. P. 195–198.
3. Глуховский Д. *Метро 2033*. М.: АСТ, 2015.
4. Дилов Л. Несколько слов о фантастике... // *Нева*. 1975. N 7. С. 91.
5. Желязны Р. Фэнтези и научная фантастика: взгляд писателя (Перевод О. Самсоновой и А. Басина), 1987. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://dshorin.com/liter/zilazny2.html>.
6. Кинг С. Кэрри. М.: АСТ, 2019.
7. Кинг С. *Темная Башня*. М.: АСТ, 2005.
8. Ковтун Е. Н. *Художественный вымысел в литературе XX века*. М: Высшая школа, 2008.
9. Криспин Э. *Чужой. Воскрешение*. М.: АСТ, 2019.
10. Лавкрафт Г. *Зов Ктулху*. М.: АСТ, 2016.
11. Лавкрафт Г. Ф., Стерлинг К. *В стенах Эриксы // Реаниматор. Антология*. Минск: ЭкСКИЗ, 1992. С. 182–205.
12. *Легенды / Сост. Силверберг Р. М.*: АСТ, 1999.
13. Лукьяненко С. *Звездная тень*. М.: АСТ, 2018.
14. Лукьяненко С. *Книга гор: Рыцари Сорока островов. Лорд с планеты Земля. Мальчик и Тьма*. М.: АСТ, 2015.
15. Мартин Дж. *Ретроспектива I: Башня из пепла*. М.: Эксмо, СПб.: Домино, 2005.
16. Мартин Дж. *Шторм в Гавани Ветров. Летящие сквозь ночь*. М.: АСТ, 2001.
17. Неелов Е. М. *Волшебно-сказочные корни научной фантастики*. Л.: Изд-во Ленингр. университета, 1986.
18. Ревич В. А. *Не быль, но и не выдумка (Фантастика в русской дореволюционной литературе)*. М.: Знание, 1979.
19. Скворцов В. В. *Фантастика. Вопрос терминологического перевода // Дискуссия*. 2014. N 6 (47). С. 132–136.

20. Стругацкий А., Стругацкий Б. Улитка на склоне. М.: АСТ, 2015.
21. Фрейденберг О. М. Миф и литература древности. М: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1998.
22. Чернышева Т. А. Научная фантастика и современное мифотворчество // Фантастика–72. М., 1972. С. 288–301.
23. Чернышева Т. А. О старой сказке и новейшей фантастике // Вопросы литературы. 1977. N 1. С. 229–248.
24. Чернышева Т. А. Природа фантастики. Иркутск: Изд-во Иркутск. гос. ун-та, 1985.
25. Шелли М. Франкенштейн или Современный Прометей. М.: Азбука-классика, 2016.

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Malykh V. S.

Udmurt State University, Izhevsk, Russia

TRANSFORMATION OF A FAIRY TALE IN «HYBRID» SCIENCE FICTION (BASED ON AMERICAN AND RUSSIAN PROSE OF THE XXth CENTURY)

The article introduces and substantiates the concept of «hybrid» science fiction, which combines the elements of science fiction and horror fiction. In «hybrid» fiction, science fiction surroundings cannot rationalize the text, but, on the contrary, they are replaced by motives of supernatural horror. «Hybrid» science fiction, in contrast to «hard» science fiction, develops the idea of unknowability of the Universe. It is worth mentioning here, that «hard» science fiction has been described well enough, but there is a shortage of research work in relation to its «hybrid» version, so this research can be considered as pioneering.

We use E. M. Neyolov's typology that describes the connection between a fairy tale and «hard» science fiction. Basing on this typology, we analyse «hybrid» fiction, in which science fiction scenery was replaced by the anti-rational principle. The research methodology involves a combination of structural, typological and comparative methods. As a material for the study, we use the works of such Russian and American authors as D. Glukhovsky, S. Lukyanenko, G. R. R. Martin, S. King, C. McCarthy, H. P. Lovecraft and others. The purpose of the article is to identify and describe the transformation of fairytale discourse in the works of these authors that leads to the genre transition from science fiction to horror fiction. The texts are being analysed from three points of view: system of characters, the structure of space and the direction of time.

It is concluded that in «hybrid» science fiction the typological model of the fairy tale was distorted, reconsidered or destroyed, and it is the aberration of the fairytale motif that opens the gate for the genre transformation from «hard» science fiction to horror fiction. For example, the struggle of the superhero with the supervillain is traditional both for fairy tales and for science fiction, but it is replaced by psychologization of the hero and the extreme complication of the metaphysics of the Good and the Evil in «hybrid» science fiction. Besides that, the well-organized space of fairytale and science fiction as well as a close-cut separation of «ours» and «aliens», and also the mythologem of «threshold» are mixed in «hybrid» fiction and lose their symbolical unambiguity. Finally, science fiction and fairytale time in «hybrid» fiction ceases to exist and gives way to the tragic timelessness of chaos and nightmare.

Thus, «hybrid» fiction destroys both the canons of «hard» science fiction and the constructs of the fairy tale genre.

Key words: «hard» science fiction, fairy tale, «hybrid» science fiction, horror, construct, motive, discourse.

About the author:

Malykh Vyacheslav Sergeevich Candidate of Philology, a Chinese-Russian translator (Izhevsk, Russia); e-mail: viaclaf@yandex.ru.

References:

1. McCarthy, C. *The Road*. New York: Picador, 2019.
2. Westfahl, G. "Hard Science Fiction." *A Companion to Science Fiction*. Malden: Blackwell Pub., 2008. Pp. 195–198.
3. Glukhovskiy, D. *Metro 2033*. Moscow, 2015.
4. Dilov, L. "A few Words about Fantasy..." *Neva*, no. 7, 1975, p. 91.
5. Zelazny, R. *Fantasy and Science Fiction: A Writer's View* (Translated by O. Samsonova and A. Basin), 1987, <https://dshorin.com/liter/zilazny2.html>.
6. King, S. *Carrie*. Moscow, 2019.
7. King, S. *Dark Tower*. Moscow, 2005.
8. Kovtun, E. N. *Artistic Fiction in the Literature of the Twentieth Century*. Moscow, 2008.
9. Crispin, E. *Alien. Resurrection*. Moscow, 2019.
10. Lovecraft, H. *The Call of Cthulhu*. Moscow, 2016.
11. Lovecraft, H. P., "Sterling, K. In the Walls of Eryx." *Reanimator. Anthology*. Minsk, 1992.
12. *Legends / Comp.* by Silverberg, R. Moscow, 1999.
13. Lukyanenko, S. *Star Shadow*. Moscow, 2018.
14. Lukyanenko, S. *The Book of Mountains: Knights of the Forty Islands. Lord of the Planet Earth. The Boy and the Darkness*. Moscow, 2015.
15. Martin, G. *Retrospective I: This Tower of Ashes*. Moscow, St. Petersburg, 2005.
16. Martin, G. *The Storms of Windhaven. Nightflyers*. Moscow, 2001.
17. Neyolov, E. M. *Fairy Roots of Science Fiction*. Leningrad, 1986.
18. Revich, V. A. *Not a Reality, but Also not an Invention (Science Fiction in Russian Pre-Revolutionary Literature)*. Moscow, 1979.
19. Skvortsov, V. V. "Science Fiction. The Question of Terminological Translation." *Discussion*, no. 6 (47), 2014, pp. 132–136.
20. Strugatsky, A., Strugatsky, B. *Snail on the Slope*. Moscow, 2015.
21. Freidenberg, O. M. *Myth and Literature of Antiquity*. Moscow, 1998.
22. Chernysheva, T. A. "Science Fiction and Modern Myth-Making." *Fantasy-72*, Moscow, 1972, pp. 288–301.
23. Chernysheva, T. A. "About the Old Tale and the Newest Science Fiction." *Questions of Literature*, no. 1, 1977, pp. 229–248.
24. Chernysheva, T. A. *The Nature of Science Fiction*. Irkutsk, 1985.
25. Shelley, M. *Frankenstein; or, The Modern Prometheus*. Moscow, 2016.

DOI: 10.35634/2500-0748-2020-12-109-117

УДК [821.161.1+821.351]-1419.09(045)

Сузанская Т. Н.

*Бельцкий государственный университет им. А. Руссо,
Бельцы, Республика Молдова*

СИМВОЛИСТЫ АНДРЕЙ БЕЛЫЙ И ДЖОРДЖЕ БАКОВИЯ: ИЗ ОПЫТА СОПОСТАВЛЕНИЯ СТИХОТВОРЕНИЙ О ЛЮБВИ

В данной статье рассматриваются художественные особенности лирических стихотворений выдающихся представителей русского и румынского символизма А. Белого и Дж. Баковии, а также прослеживаются черты символистской поэтики, характерные для обоих лириков. Сопоставляются стихотворения «Поэт облетающий лес...» А. Белого и «Pastel» Дж. Баковии, посвященные расставанию лирических героев и уходу любви. В названных произведениях выявляются главные уровни художественного единства: система образов, пространственно-временной континуум, лирическая ситуация, особенности поэтики и мелодики. Предпринята попытка перевода стихотворения Дж. Баковии «Pastel» на русский язык.

Актуальность исследования определяется отсутствием работ, посвященных компаративному анализу русского и румынского символизма, в частности, лирике Андрея Белого и Джордже Баковии. Творчество указанных поэтов находит свои истоки во французском символизме и вместе с тем отличается ярким индивидуальным характером.

Цель настоящей статьи – на примере сопоставительного анализа стихотворений А. Белого «Поет облетающий лес» и Дж. Баковии «Пастель» выявить художественное своеобразие мировосприятия выдающихся представителей европейского символизма, проследить особенности воплощения темы любви в их творчестве.

В качестве основного метода исследования указанных художественных текстов использован компаративный анализ, в результате которого отмечен драматический, но светлый характер темы любви у А. Белого и пессимистическое ее воплощение у Дж. Баковии. Сделаны выводы о сходстве и различии в изображении лирической ситуации, образном строе, пространственно-временном плане, цветообозначениях, композиции, в идейном содержании, а также в мелодике, ритмическом строе и метре.

Ключевые слова: символизм, сопоставительный анализ, система образов, хронотоп, лирическое действие, поэтика, мелодика.

Сведения об авторе:

Сузанская Татьяна Николаевна, профессор Эмеритус Бельцкого государственного университета имени А. Руссо, кандидат педагогических наук, доцент кафедры славистики, Бельцкий государственный университет имени А. Руссо (г. Бельцы); e-mail: suzanskaia@mail.ru. ORCID ID 0000-0002-8730-8571.

Введение

А. Белый (Борис Бугаев) и Дж. Баковия (Джордже Василиу) – яркие представители русского и румынского символизма. К сожалению, работ компаративного характера, включающих их творчество в контекст европейского символизма, в настоящее время не существует, между тем, проблема воплощения символистского мироощущения в различных национальных культурах является сегодня предметом неослабевающего интереса многих литературоведов; именно под ее углом и проведено данное исследование. Кроме того, творчество Дж. Баковии, выдающегося представителя румынской литературы, почти неизвестно в России, поэтому важнейшей задачей данной статьи является стремление открыть румынского поэта-классика русскому читателю, тем более что творческие пересечения русского символизма с румынским сегодня практически не исследованы.

Джордже Баковия (1881–1957) – поэт с мировым именем, уникальный мастер создания символов, рожденных воображением поэта. Пожалуй, он единственный румынский поэт, во всей полноте воплотивший символистское мироощущение. Его творчество восходит к лирике Поля Верлена, к ее музыкальности, полифонии, ассоциативности образов. Как яркий представитель мировой поэзии 1-й половины XX века, Дж. Баковия переведен на английский, французский, немецкий, венгерский, польский и др. языки. Переводы на русский язык были сделаны Ю. Кожевниковым, Л. Беринским, Л. Фельдшер. Самые известные публикации переводов Баковии вошли в сборники «Антология румынской поэзии» (М., 1958), «Желтые искры» (Бухарест, 1978), «Строфы века» (М., 1998). Огромную роль в популяризации лирики Дж. Баковии сыграла поэт и переводчик Любовь Фельдшер, родившаяся в Молдавии и живущая ныне в Израиле. «У меня не было конкурентов: Баковия на русский язык практически не переводился. Я смогла на два года переселиться в его удивительный мир, в котором чувствовала себя очень хорошо. Джордже Баковия работал не только со словом: в каждом его стихотворении звучит мелодия, играет цвет. Его поэзия являет тот самый синтез искусств, который и должен присутствовать в подлинных стихотворениях. В то же время Баковия очень грустный поэт. Но его печальная, горькая лирика выражена столь оригинально и тонко...» – писала переводчица [Фельдшер, 2017, вып. 13].

Дж. Баковия использует приемы верленовской музыкальности, но он не подражает французскому поэту, а создает оригинальные произведения румынской литературы. Следует отметить, что символизм в Румынии – явление, связанное с урбанистическим миропониманием и развитием жанра городского романса. Даже будучи заимствованным, румынский символизм органично вписался в сферу национальной культуры и раскрыл поэтические возможности родного языка. Другой исток лирики Баковии – румынский поэт Александру Мачедонски: «Последователь Ал. Мачедонски, в школе которого он сформировался, Баковия – самый выдающийся представитель румынского символизма», – указывает Ст.-Ауг. Дойнаш [Дойнаш, 1992: 5].

К сожалению, на сегодняшний день не существует целостного исследования, посвященного компаративному анализу лирики А. Белого и Дж. Баковии, соответственно, нет и литературоведческих источников, на которые мы могли бы опереться. Таким образом, возникает необходимость исследований, расширяющих существующую картину разнообразных национально-культурных кодов символизма.

Цель данной статьи заключается в необходимости осмыслить проблему типологического сходства лирики А. Белого и Дж. Баковии, а также сопоставить их произведения, выявить своеобразие художественно-поэтического диалога названных поэтов с символизмом.

Данная цель потребовала решения следующих задач:

- выявить символистский вектор мировосприятия исследуемых авторов (на примере конкретных стихотворений) и степень влияния символизма на их творчество;
- проанализировать тему уходящей любви, представленную стихотворениях А. Белого «Поет облетающий лес...» и Дж. Баковии «Пастель», рассмотрев основные уровни художественного единства данных произведений и определив символистскую специфику обрисовки темы уходящей любви в них;
- сопоставить указанные произведения, проследив с позиций поэтики символизма сходства и различия в лирической ситуации, системе образов, хронотопе, в поэтике и мелодике;
- исследовать своеобразие идейно-художественной структуры указанных стихотворений.

Новизна предпринятого исследования определяется тем, что впервые внимание историков литературы привлекается к сопоставительному анализу символистской парадигмы творчества А. Белого и Дж. Баковии, на фоне которой выявляется своеобразие воплощения темы уходящей любви. Работа носит сравнительно-типологический характер.

Итак, в настоящей статье анализируется художественное своеобразие лирических стихотворений А. Белого и Дж. Баковии о любви, прослеживаются черты символистской поэтики, характерные для обоих лириков.

Объектом углубленного анализа в данной работе стали стихотворения «Поет облетающий лес...» (1902) Андрея Белого и «Пастель» (1904) Джордже Баковии, посвященные теме ушедшей любви и расставания. Мы попытались выявить общность и различие лирических миниатюр названных авторов, исследуя изображение лирической ситуации, систему образов, пространственно-временной план, цветообозначения, композицию и идею. Особое внимание уделили музыкальной организации стихотворений, ритму и метру.

Практическое значение работы заключается в том, что ее материалы могут быть использованы при изучении курса истории русской и мировой литературы начала XX в. Кроме того, подобное исследование может быть проведено и в отношении других поэтов, представляющих различные национальные культуры, но близких типологически (в рамках направления).

1. Символизм в истории мировой культуры

Символизм является ведущим модернистским направлением в культуре и искусстве рубежа XIX–XX вв. Его главная черта – сосредоточенность на символе, а также художественное выражение через символ интуитивно постигаемых идей, смутных, часто

изоощренных чувств и видений. Философско-эстетические принципы символизма восходят к сочинениям А. Шопенгауэра, Э. Гартмана, Ф. Ницше, музыкальному творчеству Р. Вагнера, которые, стремясь проникнуть в тайны бытия и сознания, хотели увидеть в реальности идеальную сущность мира («от реального к реальнейшему») и его «нетленную», вечную Красоту, уйти в непознаваемый и вечный абсолюте. Символисты предчувствовали трагические социально-исторические сдвиги и потрясения, выступали против позитивизма, выражали тоску по духовной свободе. Русские символисты провозгласили идею «жизнетворчества», такого сакрального действия, которое выходит за пределы искусства. Андрей Белый, в частности, проповедовал теургизм [Кузьмина, 2009: 76–85]. Как известно, именно А. Белый был наиболее последовательным русским символистом. Исследователи справедливо утверждают, что символистская эстетика в его лирике отразилась в «чистом» виде» [История русской литературы..., 2007].

Актуализируя метафизическую «сущность» видимого мира, символисты общались с читателем при помощи символов. Произведения данного направления отличаются следующими признаками:

- мистическим содержанием;
- утверждением индивидуализма и попыткой его преодолеть;
- мыслью о том, что мир не познается, а конструируется в процессе творчества, идеей соборного искусства;
- утверждением, что поэзия есть «тайнопись неизреченного» (Вяч. Иванов);
- элитарным характером, обращением к посвященным, к избранным;
- вниманием к культурному наследию, обращением к римской и греческой античности;
- богатством ассоциаций;
- метафорическим стилем;
- связью с музыкой и живописью, импрессионистичностью [Минералова, 2009: 254].

Символизм возник во Франции, поэтому ориентация символистов разных стран, в том числе Андрея Белого и Дж. Баковии, на П. Верлена, П. Валери, А. Рембо и на др. французских поэтов-символистов вполне объяснима. Перечисленные выше черты символизма можно найти в их стихотворениях, чего вполне достаточно, чтобы обосновать типологическое сопоставление творчества данных поэтов как творчества символистского.

2. Лирическая ситуация в стихотворениях А. Белого и Дж. Баковии

Приведем тексты стихотворений А. Белого «Поет облетающий лес» и «Пастель» Дж. Баковии, а также перевод стихотворения «Pastel», предпринятый нами.

*Поет облетающий лес
нам голосом старого барда.
У склона воздушных небес
протянута шкура гепарда.*

*Не веришь, что ясен так день,
что прежнее счастье возможно.
С востока приблизилась тень
тревожно.*

*Венок возложил я, любя,
из роз – и он вспыхнул огнями.
И вот я смотрю на тебя,
смотрю, зачарованный снами.*

*И мнится – я этой мечтой
 Всю бездну восторга измеряю.
 Ты скажешь – восторг тот святой...
 Не верю!*

*Поет облетающий лес
 нам голосом старого барда.
 На склоне воздушных небес
 сожженная шкура гепарда.*

Pastel		Пастель	
– <i>Adio, pică frunza</i>	-/-/-	– Прощай, – листва рыдает,	-/-/-
<i>Și-i galbenă ca tine, –</i>	-/ - -/	Как ты, она желтеет, –	-/-/-
<i>Rămâi, și nu mai plânge,</i>	-/ - -/	Прощай, не надо плакать,	-/-/-
<i>Și uită-mă pe mine.</i>	-/ - -/	Скорей забудь меня.	-/-/-
<i>Și s-a pornit iubita</i>	- - -/ -	И вот любовь уходит.	- - -/ -
<i>Și s-a pierdut în zare –</i>	- - -/ -	Сверкнула, растворилась.	-/ - -/ -
<i>Iar eu în golul toamnei</i>	-/ -/ -	И в пустоте осенней	- - -/ -
<i>Chemam în aiurare.....</i>	-/ - -/ -	Кричу я, как в бреду...	-/ - -/ -
– <i>Mai stai de mă alintă</i>	-/ - -/ -	– Постой, любовь и нежность,	-/ -/ -
<i>Cu mâna ta cea mică,</i>	-/ - -/ -	Дай маленькую руку,	-/ - -/ -
<i>Și spune-mi de ce-i toamnă</i>	-/ - -/ -	Скажи, что значит осень	-/ -/ -
<i>Și frunza de ce pică.....</i>	-/ - -/ -	И плачущие листья...	-/ - -/ -

В таблице приведены оригинальный и переводной текст стихотворения «Pastel» и схематически показано движение пиррихийев, ударный слог обозначен знаком /, а безударный знаком - (дефис).

Итак, в анализируемых произведениях наблюдается много общего. Во-первых, сходна лирическая ситуация, представленная в них: изображается свидание и расставание влюбленных; и у Белого, и у Баковии событие совершается на фоне осеннего пейзажа. Более драматично расставание показано у Дж. Баковии: поэт рисует плачущую осень, природный «обморок» и безутешного лирического героя, безответно взывающего к осенней пустоте. Тональность же стихотворения Андрея Белого определяется светлой грустью и легкой тревогой: осенний лес поет, лирический герой надеется удержать любовь, к которой он по-прежнему относится с восторгом: «любя», «возложил венок», ему «мнится», что «мечта» и «восторг» еще возможны, хотя тут же он сам опровергает эту надежду: «Не верю!».

3. Система образов и форма диалога в стихотворениях

В анализируемых произведениях совпадает система образов – *лирический герой*, его *возлюбленная* и *осень* (осенний лес). Оба поэта избрали схожую форму стихотворений: перед читателем разворачивается некий воображаемый диалог между героем и его любимой. У Баковии диалог выражен более четко, а у Белого на него лишь намекают глагольные конструкции: «не веришь», «ты скажешь» и ответ «Не верю!» Диалог обрамлен картиной осеннего леса, совпадают первая и последняя строфы, за исключением последнего стиха: в начале сказано: «протянута шкура гепарда», а в конце – «сожженная шкура гепарда», образ которой представляет краски осеннего леса с облетающей и облетевшей листвой и символизирует ушедшее чувство. Здесь уместно упомянуть о том, что образ вечерних зорь для поэтов из круга А. Белого был важнейшим символом – он знаменовал будущие «неслыханные перемены» [История русской литературы..., 2007: 17].

4. Хронотоп и цветообозначения

Пространственно-временной континуум обоих стихотворений погружает читателя в атмосферу осени, умирания природы. Осень – не столько фон, на котором происходит расставание, сколько полноправный участник события. Она одушевлена, для ее обрисовки поэты используют разнообразные тропы и стилистические фигуры: олицетворения («поет облетающий лес нам голосом старого барда»; «Adio, răcă frunza»), метафору («у склона небес протянута шкура гепарда»), сравнение («Și-i galbenă ca tine»), эпитеты («облетающий», «сожженная», «воздушных», «ясен», «galbenă»), анафору («Și-i galbenă», «Și uită-mă», «Și s-a pornit», «Și s-a pierdut», «Și spune-mi», «Și frunza»).

Цветообозначений в тексте А. Белого нет, но картина в воображении читателя возникает именно в цвете: ассоциативно это краски осеннего леса на закате, а шкура гепарда вызывает в памяти ассоциации с желтым, оранжевым, коричневатым, красноватым, черным цветами. «Венок из роз» – летняя краска в осенней цветописии стихотворения. Дж. Бакovia в цветообозначениях предельно лаконичен: его картина дана в желтых, пастельных тонах. Как известно, пастель – это живопись мягких и неярких оттенков, полученных путем добавления белого в основной цвет. Желтый цвет господствует в картине «Пастели» еще и потому, что в мировосприятии Бакovia он – цвет бреда и безумия. Символика желтого цвета в мировой культуре весьма противоречива, содержит и положительные, и отрицательные коннотации в зависимости от контекста. С одной стороны, желтый цвет может ассоциироваться с теплотой, светом, радостью, символизировать движение и веселье, с другой, например, в Бразилии, этот цвет является символом отчаяния и болезни; у сирийцев он связан со смертью, а в русском менталитете вызывает образы разлуки и измены. Желтый цвет, как цвет упавших листьев и переспелых плодов, в некоторых культурах связывают с приближением смерти и с потусторонней жизнью.

Как известно, желтый цвет в восточной символической (китайской, японской), важной для русских символистов, является «загробным» цветом. В восточном мистическом мироощущении он является цветом перехода в иное (бессмертное) состояние через смертный порог. Для А. Белого восточная культура и азиатская символика имели огромное значение, достаточно упомянуть его роман «Петербург». Двойственная семантика подтекстового указания («шкура гепарда») на желтый цвет в контексте стихотворения «Поет облетающий лес...» весьма актуальна: очевидно, речь идет не только об умирании любви, но и о переходе ее в иное, мистическое состояние, о чем и свидетельствует строка: «С востока приблизилась тень / тревожно».

5. Композиция стихотворений

Композиция стихотворения «Поет облетающий лес...» – кольцевая: последняя строфа возвращает читателя к первой. Композиция «Пастели» определяется словами «прощай» (в начале) и «постой» (в конце), ее трудно квалифицировать однозначно, например, как антитетичную, поскольку смысловая структура изображаемого события содержит одновременно прощание и просьбу остаться. На наш взгляд, построение миниатюры Бакovia определяется принципом «крещендо» («наращивая звук»), усилением эмоционального накала, который не снимается в финале, а усугубляется риторическими вопросами.

По форме стихотворение А. Белого является обращением *Его* (лирического героя) к *Ней* (лирической героине) и содержит воображаемый ответ *Ее*. У Бакovia сходная форма: обращение героя к возлюбленной.

6. Размер

Метрическая система миниатюр различается: стихотворение «Поет облетающий лес...» написано трехстопным амфибрахийем, функциональная роль которого, как правило, *повествовательная*. Прочитав стихотворение В. Набокова «Размерь»: «*Что хочешь ты? Чтоб стих твой говорил, / повествовал? – вот мерный амфибрахий...*»

Размер «Пастели» – трехстопный ямб с пиррихиями, его можно назвать «поющим» (по Набокову). Интересно проследить движение пиррихий, так как именно с ними связано интонационно-ритмическое своеобразие произведения.

Представим его цифрами: **0 2 2 2 1 1 0 2 2 2 2 2**. Цифра 0 указывает на отсутствие пиррихия, а остальные – на порядковый номер стопы, в которой он есть. Как видим, пиррихий как будто замирает и «стоит» на 2-й стопе в большинстве стихов (см. таблицу); резкая смена интонации происходит лишь в 1-2 стихах 2-й строфы: «*Și s-a pornit iubita / Și s-a pierdut în zare*». Очевидно, именно эти строки можно назвать кульминационными: расставание произошло.

К сожалению, наш перевод, в котором мы попытались сохранить размер и ритм миниатюры Баковии, не передает особенностей рифмовки оригинала, но, тем не менее, мы сохранили содержание и идею поэта с помощью белого стиха, т. е. стиха, не имеющего рифмы и все же обладающего определенным размером, в нашем случае – белым ямбом.

7. Тема и идея стихотворений

В миниатюрах обоих авторов наблюдается сходство тематики – прощание с возлюбленной. Однако идейное содержание различно: А. Белый сожалеет об этом и не верит в возможность удержать прежнее счастье: сожженная шкура гепарда, словно сожженный мост между бывшими любящими. Автор констатирует конец любви и тот факт, что это свершилось осенью. У Баковии иное отношение к той же теме: его идея – это безысходная тоска о любви, плач по ушедшей любви, неприятие ухода любимой, переживаемое на фоне рыдающей осени.

Заключение

Обобщая вышеизложенное, мы пришли к следующим выводам.

1. В исследуемых стихотворениях сходны лирическая ситуация, система образов, осенний хронотоп, обращения лирических героев к героиням, диалог между ними.

2. Отличает данные произведения тональность и эмоциональный фон, выраженность диалога у Баковии, яркость цветописи в стихотворении Белого и пастельные, приглушенные тона у Баковии, особенности построения (кольцевая композиция у А. Белого и «крещендо» у Баковии), различные метрические системы и несовпадение идейного содержания при тематическом сходстве.

3. Музыкальный и живописный характер стихотворений А. Белого и Дж. Баковии подтверждает мысль о синтетическом характере символизма. Стихотворения исследуемых поэтов-символистов удивительно мелодичны, красочны и изысканны; метафоры и эпитеты, используемые авторами, создают прекрасную и целостную лирическую картину осени, тайны, любовного свидания, ожидания счастья и боязни его утратить, грусти расставания, единения с природой. А. Белый не случайно называл себя «пленэрристом». Это же можно сказать и о Дж. Баковии. Характерно и то, что творчество исследуемых лириков можно соотнести с произведениями художников-импрессионистов.

4. В стихотворениях наблюдаются характерные признаки символизма. Отметим сосредоточенность на символе: *осенний лес* – символ умирания, *вечерняя заря* – символ перемен, *тень с востока* – символ перехода в иное состояние, *венки из роз* – символ любви (А. Белый); *плач, крик и бред* – символы мирового хаоса, *желтый цвет* – символ безумия, *рука* – символ связи любящих (Дж. Баковия). Кроме того, как было отмечено выше, стихотворения отличаются мистическим содержанием и «тайнописью неизреченного» (Вяч. Иванов), богатством ассоциаций, импрессионистичностью, а также тонкой передачей изощренных чувств и видений, попыткой интуитивного постижения чувства любви и стремлением к мистериальной любви, принципом двоемирия (изображением мира идей в противовес обыденным мелочам окружающего мира).

Естественные различия стихотворений обусловлены особенностями авторских мироощущений, своеобразием их поэтики, идиостилем, особенностями языка, что, безусловно, влечет за собой вывод и о идейно-художественном отличии стихотворений: у Дж. Баковии картина осени, неотделимая от расставания с любимой, вызывает философский вопрос **трагического** характера: «*Și spune-mi de ce-i toamnă / Și frunza de ce pică...*» Лирический герой Андрея Белого подобных вопросов не задает. Более того, возникает впечатление, что осень А. Белого – это красивая живописная рама, в которую помещена **драматическая** картина свидания-расставания, т. е. подтверждается приведенное выше мнение поэта о себе как о пленэристе.

Дж. Баковия действует по иной художественной логике. Он называет стихотворение «Пастель», т. е. намекает на произведение живописи в мягких, приглушенных тонах (в технике пастели). Как известно, пастель (от лат. *pasta* – тесто) – художественные материалы, применяемые в графике и живописи. Многие художники-импрессионисты охотно использовали пастель, ценя ее за свежесть тона и быстроту, с какой она позволяла работать. Так и поэт в форме лирической миниатюры представляет, на наш взгляд, масштабную философскую мысль и ставит важнейшие для каждого человека вопросы: почему «случается» осень? Почему преходящи чувства любви и нежности? Почему плачет и умирает то, что еще вчера было живо?

...Ответа, с точки зрения поэта, не знает никто.

Литература:

1. Фельдшер Л. Прохожий пустых площадей... // 45 параллель. 2017. Вып. 13. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://45ll.net/lyubov_feldsher/prokhozhiy_pustykh_ploschadey/.
2. Кузьмина С. Ф. История русской литературы XX века: Поэзия Серебряного века. М.: Флинта, 2009.
3. История русской литературы конца XIX – начала XX века: в 2 т. Т. 2. М.: Академия, 2007.
4. Минералова И. Г. Русская литература Серебряного века. Поэтика символизма. М.: Флинта, Наука, 2009.
5. Doinaș Șt.-Aug. Poezia lui G.Bacovia // G. Bacovia. Plumb, Chișinău: Hiperion, 1992.

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Suzanskaya T. N.

Beltsy, Republic of Moldova

SYMBOLISTS ANDREY BELY AND GEORGE BACOVIA: COMPARISON OF LOVE POEMS

The article discusses artistic features of the lyrical poems by A. Bely and G. Bacovia. The author also traces the features of symbolist poetics characteristic of both lyricists – the outstanding representatives of Russian and Romanian symbolism. The author compares the poems “The flying forest sings...” by A. Bely and “Pastel” by G. Bacovia, dedicated to the parting of lyrical characters, to love that is going away. These works reveal the main levels of artistic unity: image system, space-time continuum, lyrical situation, features of poetics and melody. An attempt has been made to translate the poem “Pastel” by G. Bacovia into the Russian language.

The relevance of the research is determined by the lack of works devoted to the comparative analysis of Russian and Romanian symbolism, in particular, the lyrics of Andrei Bely and George Bacovia. The creativity of these poets finds its origins in French symbolism and at the same time has a bright individual character.

The purpose of the article is to reveal the artistic originality of the worldview of two outstanding representatives of European symbolism, to trace the specific features of covering the theme of love in their works, taking the comparative analysis of A. Bely's poem "The flying forest sings" and G. Bacovia's poem "Pastel" as an example.

The comparative analysis is the main method of research, it allowed to make a conclusion about the dramatic but bright nature of love in A. Bely's poem and its pessimistic embodiment in G. Bacovia's poem. Some conclusions are drawn about the similarities and differences in the image of the lyrical situation, the system of images, the space-time plan, colour values, composition, the ideological content, as well as the melody, rhythmic structure and meter.

Keywords: symbolism, comparative analysis, image system, chronotope, lyrical action, poetics, melodica.

About the author:

Suzanskaya Tatiana Nikolaevna, Professor Emeritus of the A. Russo Beltsy State University, Candidate of Pedagogy, Associate Professor of the Department of Slavistics, BSU; e-mail: suzanskaia@mail.ru. ORCID ID 0000-0002-8730-8571.

References:

1. Feldsher, L. "Passer-by of Empty Squares." *45 Parallel*, no. 13, 2017, https://45ll.net/lyubov_feldsher/prokhozhiy_pustykh_ploschadey/.
2. Kuzmina, S. *History of Russian Literature of the 20th Century: Poetry of the Silver Age*. Moscow, 2009.
3. *The history of Russian Literature of the Late 19th–Early 20th Century*, in 2 vols. Vol. 2. Moscow, 2007.
4. Mineralova, I. *Russian Literature of the Silver Age. The Poetics of Symbolism*. Moscow, 2009.
5. Doinaş, Şt.-Aug. "Poezia lui G. Bacovia." *G. Bacovia*. Plumb, Kishinev, Hiperion, 1992.

VI. ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА В МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ И МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

DOI: 10.35634/2500-0748-2020-12-118-126

УДК 811.111'255.2:821.111(045)

Борисенко Ю. А., Панкратова Е. С.

Удмуртский государственный университет, Ижевск, Россия

СПЕЦИФИКА ПЕРЕВОДА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ПРИЕМА НЕНАДЕЖНОЙ НАРРАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА М. ХЭДОНА «ЗАГАДОЧНОЕ НОЧНОЕ УБИЙСТВО СОБАКИ»)

Статья посвящена проблемам перевода художественных произведений, в которых используется относительно новая стратегия повествования – повествование от лица ненадежного нарратора. Актуальность обращения к данной теме обусловлена недостаточной изученностью приема и критериев ненадежного нарратора, а также способов перевода повествования от лица такого нарратора. В статье анализируются особенности данного способа повествования, рассматриваются его основные характеристики, функции и способы лингвистической репрезентации.

Исследование проводится на материале романа М. Хэдона «Загадочное ночное убийство собаки» (2003) и его перевода на русский язык, выполненного А. Куклей в 2003 г. Цель исследования заключается в проведении сопоставительного анализа оригинального и переводного текстов с тем, чтобы выявить степень адекватности передачи стилистических особенностей текста и лингвистических особенностей речевого портрета нарратора. Методика исследования включает применение сопоставительного, стилистического, переводческого и контекстуального анализа. В исследовании выделяются следующие группы проблем, представляющие основную сложность для переводчика: проблемы передачи лингвистических особенностей речи ненадежного нарратора, проблемы перевода разговорной лексики и проблемы передачи реалий. В каждом рассматриваемом фрагменте текста указаны те или иные особенности языковой личности нарратора, которые могут повлиять на перевод в целом, из чего следует, что их нужно учитывать на протяжении всей работы. В статье анализируются варианты перевода, которые, по мнению авторов статьи, не являются адекватными, поэтому в каждом случае предлагается альтернативный вариант перевода, передающий замысел автора оригинального произведения и являющийся максимально адекватным в соответствии с определенными критериями. В результате делается вывод о наиболее удачной переводческой стратегии, которую следует использовать при переводе художественного произведения, в котором повествование ведется от нестандартного первого лица.

Ключевые слова: художественный перевод, ненадежный нарратор, языковая личность, речевой портрет, разговорная лексика.

Сведения об авторах:

Борисенко Юлия Александровна, кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой перевода и прикладной лингвистики (английский и немецкий языки), Институт языка и литературы, Удмуртский государственный университет (г. Ижевск, Россия); e-mail: julie_bor@mail.ru. ORCID ID 0000-0002-4034-9560.

Панкратова Екатерина Сергеевна, бакалавр лингвистики, Институт языка и литературы, Удмуртский государственный университет (г. Ижевск, Россия); e-mail: pankratovaeka@gmail.com.

Введение

Вопросы художественного стиля и художественного повествования остаются актуальными для литературоведов и лингвистов, так как манера повествования является выражением авторского стиля, мировидения и идеи. При изучении художественного текста одним из главных понятий выступает «нарратор», – тот, от чьего лица ведется повествование, и кто передает картину художественного произведения в целом [Федоров, 2002: 279].

С. Сиеротвински дает следующее определение термина «нарратор»: «Нарратор – это введенное автором лицо рассказчика в эпическом произведении, не идентичное с творцом сочинения, а также принятая, неавторская в смысле субъективном, точка зрения» [Sierotwiński, 1966: 165]. Таким образом, нарратор становится центральной фигурой, ведущей повествование и транслирующей происходящие события так, как считает нужным, исходя из своих способностей и мировидения. З. Д. Асратян подчеркивает, что именно образ автора (языковая личность автора) формирует идейный концепт произведения, носителем которого является языковая личность нарратора произведения [Асратян, 2016: 78]. Таким образом, одним из критериев анализа нарратора является критерий его надежности.

Сам термин «ненадежный нарратор» был введен американским литературным критиком Уэйном Бутом для характеристики тех повествовательных ситуаций, когда нормы нарратора и имплицитного автора не совпадают. У. Бут пишет: «Я называю нарратора надежным, если он говорит и действует в соответствии с нормами произведения, и ненадежным, когда такого соответствия нет» [Цит. по: Nünning, 2008: 158]. Среди характеристик ненадежности рассказчика исследователи отмечают его лживость, забывчивость, неадекватность, желание дать искаженную картину мира, манипулировать читателем в своих интересах и при этом невольное самообличение персонажа [Жданова, 2009: 1].

Современные лингвисты-теоретики уточняют содержание термина, выявляют характеристики и критерии ненадежности. Например, Дж. Каллер замечает: «Повествователя называют ненадежным, если он предоставляет читателям достаточно информации, чтобы они могли усомниться в предлагаемой им интерпретации материала, или если у читателя находятся основания для предположения, что повествователь не разделяет взглядов автора» [Каллер, 2006: 100]. Говоря о причинах ненадежности нарратора, можно выделить ограниченность в знаниях, например, в силу возраста, психических расстройств или же безнравственной природы личности.

Что касается лингвистических признаков ненадежного нарратора, исследователи отмечают практически полное их отсутствие. Так, А. В. Жданова обращает внимание на то, что в исследовательских работах, посвященных типологии повествования, данная категория почти никогда не становится объектом пристального внимания современных лингвистов, указывающих на ее «лингвистическую невыевляемость» [Жданова, 2007: 4]. Вместе с тем, определенные лингвистические маркеры, помогающие выявить ненадежного нарратора, все же присутствуют. Так, кроме признаков противоречивости, А. Нюннингом выделяются языковые индикаторы экспрессивности и необъективности, большое количество комментариев о самом себе [Nünning, 2008: 278]. Кроме того, можно говорить об определенных синтаксических маркерах, сигнализирующих о высоком уровне эмоциональной вовлеченности нарратора, включая восклицания, эллипсы, повторы и т. д.; паратекстуальные индикаторы, такие как заголовок, подзаголовки, предисловия [Шайхутдинова, 2017: 2].

Говоря о функциях ненадежной наррации, необходимо отметить, что этот вопрос еще слабо изучен и требует отдельного исследования. Этот литературный прием обладает большой гибкостью и позволяет автору достигать с его помощью различных эффектов, следовательно, функции ненадежной наррации во многом обусловлены художественными особенностями конкретного текста [Ласточкина, Коробова, 2017: 321].

Очевидно, что перевод романа, в котором повествование ведется от лица ненадежного нарратора, требует применения особой переводческой стратегии. В своем романе «Загадочное ночное убийство собаки» М. Хэддон стремился показать мир таким, каким его видит человек с ограниченными возможностями здоровья. Некоторые особенности поведения главного героя, шестнадцатилетнего Кристофера Буна, указывают на синдром Аспергера, однако сам писатель опроверг эти догадки, заявив в своем блоге, что в книге этот синдром не описывается, а сам он не является экспертом в данной области. В связи с этим критики сошлись во мнении, что герой просто страдает расстройством аутистического спектра. Для того чтобы придать своему роману образность и правдоподобно изобразить главного героя, автор использует различные лингвостилистические и синтаксические средства выразительности.

1. Проблема передачи лингвостилистических особенностей речевой манеры ненадежного нарратора

В рассматриваемом романе повествование ведется от лица подростка, страдающего расстройством аутистического спектра. Если говорить о лингвостилистических особенностях, присущих его речевой манере, то можно выделить монотонность, отсутствие эмотивной лексики. Речь главного героя воспринимается окружающими как «деревянная», «скудная», «механическая» [Мамохина, 2017: 26]. Это выражается в скудном словарном запасе и частом повторении одних и тех же фраз, слов:

The dog was not running or asleep. The dog was dead. There was a garden fork sticking out of the dog. The points of the fork must have gone all the way through the dog....

Но эта собака не бежала и не спала. Она была мертвая. Из тела собаки торчали садовые вилы. Зубья вил, должно быть, проткнули ее насквозь... .

Анализ текста выявил, что данный нарратор не способен заменять полнозначные слова и фразы действительными словами. Так, он повторяет слово *dog* в нескольких предложениях подряд. Переводчик не передал эту монотонность речи нарратора, заменив *dog* личными и притяжательными местоимениями. Представляется, что наиболее удачный и близкий к оригиналу перевод звучал бы следующим образом: *Но эта собака не бежала и не спала. Собака была мертвая. Из тела собаки торчали садовые вилы. Наверное, зубья вил проткнули собаку насквозь... .*

Как уже отмечалось, неспособность нарратора использовать синонимы и изобразительные средства ведет к общей скудности речи и бедности словарного запаса. Так, при передаче речи других персонажей нарратор прибегает к использованию двух основных глаголов – *ask* и *say*:

They asked me if I had any family. I said I did. They asked me who my family was. I said it was Father, but Mother was dead. And I said it was also Uncle Terry... Then they asked me for Father's phone number.

*Потом они спросили, есть ли у меня семья. Я сказал «да». Они спросили, кто моя семья, и я ответил, что это отец, а мать умерла. И еще я сказал, что у меня есть дядя... .
Полицейские попросили меня дать номер телефона отца.*

Небогатый словарный запас является одной из характеристик речевого портрета рассматриваемого нами нарратора, поэтому при переводе необходимо стараться максимально передавать эту особенность. Конкретно в данном случае было бы целесообразно сохранить повторное использование слов и перевести *asked* и *said* как «спросил» и «сказал» соответственно.

Проанализировав примеры перевода, можно сделать вывод, что в некоторых местах были произведены нецелесообразные переводческие трансформации, что привело к стилистическим потерям. Что касается категории ненадежности в целом, то можно сказать, что любой нарратор от первого лица является в какой-то степени ненадежным, так как ввиду различных причин субъективен в оценке событий.

2. Проблема перевода разговорной лексики

Одной из проблем перевода художественных текстов является воссоздание коммуникативного эффекта оригинала. Другими словами, прагматическая задача перевода текста заключается в том, чтобы создать на ПЯ текст, обладающий способностью оказывать аналогичное художественно-эстетическое воздействие на рецептора перевода [Комиссаров, 1990: 220]. В рамках данной проблемы интересен вопрос о переводе разговорной лексики.

По ходу повествования главный герой вступает в диалог с другими героями, которые имеют разное образование, разное воспитание и разный жизненный опыт. Чтобы история казалась реалистичной, автор попытался сделать речь своих персонажей правдоподобной, и для достижения этой цели он использовал разговорную лексику как стилистический прием. В примере, приведенном ниже, Кристофер рассказывает о друге его семьи – миссис Ширз:

But she smoked cigarettes and she said lots of things I didn't understand, e.g., "I'm going to hit the hay," and "It's brass monkeys out there," and "Let's rustle up some tucker." And I didn't like when she said things like that because I didn't know what she meant.

Правда, она курила сигареты и говорила много непонятных вещей. Например: «Я собираюсь завалиться спать», или: «Там снаружи такой дубняк», или: «Давайте-ка слегка перекусим». И это мне не нравилось, потому что я не понимал, что она имеет в виду.

В первую очередь следует обратить внимание на оценку Кристофера – «говорила много непонятных вещей». Но если мы проанализируем перевод А. Куклей, то обнаружим, что все эти фразы могут быть вполне понятны Кристоферу, так как каждое слово соответствует своему прямому значению, а это, в свою очередь, противоречит тому, что он сказал. Получается, что на первое место при переводе выходит передача неоднозначности, «странного» звучания выражения, на второе – речевой манеры миссис Ширз, и на третье – того же лексического значения.

Если проанализировать выражения из оригинала, то становится очевидным, что только для первой идиомы можно найти подходящее вариантное соответствие по трем вышеуказанным параметрам, а именно – *Я на боковую*.

Что касается двух последних выражений, то переводчику, судя по всему, придется пожертвовать лексическим значением выражений, поскольку в русском языке нет соответствий для данных идиом, которые бы удачно вписались в данный контекст. На первый взгляд может показаться, что вторую идиому можно перевести как *На улице такой дубак*, однако это будет неверно, потому что у слова «дубак» лишь одно значение, следовательно, такая фраза не смогла бы ввести Кристофера в заблуждение.

Таким образом, ввиду отсутствия соответствий, отвечающим одновременно всем критериям, мы считаем необходимым прибегнуть к компенсации, заменив при переводе идиомы теми выражениями, которые будут уместны в данной ситуации. Так, например, одну из идиом можно перевести *Возьми-ка себя в руки*, придав с помощью частицы *-ка* неформальность высказыванию, а другую идиому – *Не стой над душой*.

Безусловно, прием ненадежной наррации влияет на стратегию перевода речи героев, в связи с этим, можно сделать следующий вывод: переводя произведение, которое ведется от лица ненадежного нарратора, необходимо учитывать особенности такого нарратора. В данном случае особенностью рассматриваемого ненадежного нарратора является то, что он не понимает многозначные слова и выражения, поэтому при переводе необходимо очень тщательно подбирать переводческие соответствия.

3. Проблема передачи реалий

В современном переводоведении постоянно отмечается важность вопроса о передаче смысла слов, обозначающих предметы и явления, представляющие национальную специфику культуры и языка, на другой язык. Так, помимо особенностей речевой манеры нарратора и разговорной лексики, важное место в анализируемом романе занимают реалии.

Согласно сюжету, Кристофер живет с отцом, а его матери не стало уже два года назад. Однако спустя некоторое время Кристофер узнает, что его мать уехала жить в Лондон, и решает ее найти. Мальчик, который никогда в одиночку не был дальше своей улицы и школы, отправляется в «опасное путешествие». Он добирается до вокзала, чтобы сесть в поезд до Лондона. По пути он получает огромное количество новой информации, которая вводит его в ступор, и ему необходимо всю ее переработать. Так, например, он видит множество табличек, рекламы, объявлений:

*And there were signs saying **Great Western and cold beers and lagers and CAUTION WET FLOOR and Your 50p will keep a premature baby alive for 1.8 seconds and transforming travel and Refreshingly Different and IT'S DELICIOUS IT'S CREAMY AND IT'S ONLY £1.30 HOT CHOC DELUXE and 0870 777 7676 and The Lemon Tree and No Smoking and FINE TEAS and...***

И я видел разные плакаты: «Холодное пиво», «Осторожно, пол скользкий», «Ваши 50 пенсов продлят жизнь преждевременно родившегося ребенка на 1,8 секунды», «Изменения в расписании» и «Это вкусно! Горячий шоколад со сливками всего за 1,3 фунта», «0870 777 7676», «Не курить» и «Самый лучший чай».

В оригинальном предложении используется стилистический прием полисиндетон. В данном случае это делается для того, чтобы показать «мгновенность», одномоментность поступления большого количества информации с точки зрения нарратора, а также продемонстрировать его неспособность разделять поступающую информацию на главную и второстепенную. При переводе необходимо воссоздать это чувство хаоса. Для достижения этой цели следует использовать тот же стилистический прием, что и в оригинале. Кроме того, каждая надпись в предложении важна, но не столько с точки зрения смысла, сколько с точки зрения количества. Однако с другой стороны, не следует жертвовать смыслом там, где в этом нет необходимости. Переводчик всегда должен стремиться к наиболее близкому воспроизведению текста оригинала и в то же время к сохранению его культурной специфики.

Прежде чем приступить к анализу перевода предложения, выполненного А. Куклей, отметим, что ниже будет рассматриваться каждый элемент данного предложения отдельно, а не только взятые из него реалии для того, чтобы в итоге представить адекватный перевод всего отрывка и наиболее полно отобразить картину, описываемую ненадежным нарратором.

Очевидно, что наиболее простыми для перевода будут те элементы предложения, которые имеют в русском языке эквиваленты или вариантные соответствия, а именно – клише и некоторые слова и словосочетания, после прочтения которых возникает, по крайней мере, одна ассоциация. В данном случае это: *cold beers, lagers, CAUTION WET FLOOR, transforming travel, No Smoking, FINE TEAS*. Предлагаем рассмотреть примеры, с переводом которых мы не согласны.

Во-первых, А. Куклей при переводе опустила *lagers (светлое пиво)*, возможно, объединив его с *cold beer (холодное пиво)*. Как правило, данная переводческая трансформация используется в том случае, если в предложении есть «избыточные» слова. Поэтому использование такого приема в данном случае совершенно необоснованно, поскольку автор, как уже говорилось, намеренно поставил в один ряд множество рекламных надписей (в том числе синонимичных), показывая неспособность нарратора справляться с распределением большого количества поступающей информации.

Во-вторых, при переводе таблички *CAUTION WET FLOOR*, переводчица прибегла к приему свободного перевода. Однако в русском языке существуют эквиваленты для такого рода надписей. Так, данное словосочетание следовало перевести **ВНИМАНИЕ! МОКРЫЙ ПОЛ**.

В-третьих, А. Куклей перевела *transforming travel* как *Изменения в расписании*, что совершенно не соответствует лексическому значению словосочетания в оригинале. После опроса носителей языка выяснилось, что в данном объявлении речь идет о «путешествии, которое может изменить человека». Можно сделать вывод, что, скорее всего, это реклама турагентства. Поэтому предлагаем воспользоваться приемом смыслового развития и перевести рассма-

триваемое словосочетание как *Незабываемое путешествие*, что будет вполне приемлемо, поскольку если путешествие меняет человека, значит, он о нем не забудет.

Далее предлагаем рассмотреть примеры, при переводе которых могут возникнуть трудности. В данном предложении это ономастические реалии и реклама: *Great Western, Your 50p will keep a premature baby alive for 1.8 seconds, The Lemon Tree, IT'S DELICIOUS IT'S CREAMY AND IT'S ONLY £1.30 HOT CHOC DELUXE, Refreshingly Different*. Что касается ономастических реалий, в переводе А. Куклей они не были воспроизведены. В связи с этим нами был проведен информационный поиск. Мы предположили, что *Great Western* и *The Lemon Tree* – это названия каких-то заведений, поэтому воспользовались онлайн-картой Google города Суиндон, где проживает главный герой. В ходе поиска выяснилось, что словосочетание *Great Western* служит наименованием для отеля, больницы и дороги. Для того чтобы решить, что именно в переводе будет называться *Great Western*, мы снова обратились к карте и нашли железнодорожный вокзал, на котором находился Кристофер. Оказалось, что через дорогу от вокзала расположен отель с таким названием. Вследствие этого, предлагаем оставить оригинальное название и добавить к нему поясняющее слово «отель». Это будет нормально восприниматься русскоговорящим читателем, поскольку в повседневной жизни он часто сталкивается с иностранными наименованиями различных организаций и заведений.

Что касается наименования *The Lemon Tree*, то на карте Суиндона не было обнаружено мест с таким названием. Однако организация с названием *The Lemon Tree* была обнаружена восточнее Суиндона, в Оксфорде, и мы вполне справедливо можем предположить, что это именно то место, о котором идет речь в романе, поскольку сам автор родом из этого города, поэтому он мог включить это название. *The Lemon Tree* – оксфордский ресторан. Согласно путеводителю Оксфорда, он перестал существовать в 2008 году, но существовал на момент выхода романа. Таким образом, предлагаем применить ту же стратегию перевода, как и в предыдущем примере, сделав поясняющее добавление «ресторан».

В заключение проанализируем перевод рекламных надписей: *Your 50p will keep a premature baby alive for 1.8 seconds, IT'S DELICIOUS IT'S CREAMY AND IT'S ONLY £1.30 HOT CHOC DELUXE, Refreshingly Different*. Начнем с анализа первой надписи. Для того чтобы заключить, является ли ее перевод адекватным, необходимо понять смысл и цель этого объявления. Для этого мы обратились к носителям языка. Так, были получены следующие ответы:

- «В этом объявлении, скорее всего, просят о пожертвовании для детской больницы, программы для недоношенных детей или для семей с низким доходом, которые не могут позволить себе дорогостоящий уход за недоношенным ребенком. 50 пенсов в данном случае – смешное пожертвование, учитывая то, что этими деньгами можно оплатить лишь 1,8 секунды, а не месяцы ухода, в которых нуждается ребенок».
- «Я думаю, в объявлении хотели сказать, что любое пожертвование является ценным, даже 50 пенсов».

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что перевод А. Куклей является адекватным и звучит достаточно естественно: *Ваши 50 пенсов продлят жизнь преждевременно родившегося ребенка на 1,8 секунды*. Однако, на наш взгляд, к этому объявлению необходимо добавить переводческий комментарий, так как для русскоговорящих читателей может быть непривычна такая реклама. Комментарий будет звучать следующим образом: «В объявлении просят о пожертвовании для ухода за недоношенными детьми. С одной стороны, дается понять, что любое пожертвование важно, и с другой стороны, нам показывают, насколько это дорого, так как требуются месяцы, а не секунды ухода».

Проанализируем рекламу горячего шоколада. В переводе А. Куклей она звучит «механически», неестественно за счет того, что, во-первых, в самом начале стоит указательное местоимение «это», что является следствием буквального перевода. Во-вторых, не передается в полной мере значение прилагательных, описывающих продукт (*delicious* – *очень вкусный, креату* – *сливочный, мягкий*). Поскольку это реклама горячего шоколада, необхо-

димо, чтобы она звучала «вкусно». Для достижения этой цели мы используем прилагательные, которые могут встретиться в рекламе кофе и в кулинарных рецептах горячих напитков. Наконец, в переводе опущено название напитка, что представляется неоправданным. Таким образом, предлагаем перевод: *ИЗЫСКАННЫЙ СЛИВОЧНЫЙ ГОРЯЧИЙ ШОКОЛАД DELUXE ВСЕГО ЗА 1,30 ФУНТОВ*.

Наконец, рассмотрим слоган *Refreshingly Different*, перевод которого был опущен А. Куклей. В первую очередь, необходимо понять, к рекламе чего он относится. Для этого был проведен информационный поиск, в результате которого выяснилось, что этот слоган звучит в рекламе бутилированного холодного чая *Sun-Rupe* канадского производства. У переводчика есть две стратегии перевода: свободный перевод и подбор функционального аналога. Выбор стратегии будет зависеть от цели. Наша цель – воспроизвести рекламный слоган холодного чая, и в данном случае не имеет особого значения, кто является производителем. Поэтому предлагаем подобрать функциональный аналог, используя рекламу российского производства. Для этой цели мы обратились к базе слоганов. Так, среди подходящих аналогов можно выделить: «Твой заряд бодрости!» (Lipton Ice Tea), «Окупись в прохладу» (Lipton Ice Tea), «Наслаждайся ярким сочетанием» (Nestea), «Освежает чувства» (Nestea). Из всех вариантов необходимо выбрать наиболее лаконичный и близкий по смыслу к слогану из оригинального текста. В данном случае это *Окупись в прохладу*.

В результате проведенного анализа можно предложить следующий вариант перевода всего отрывка: «И я видел разные надписи: *Омель Great Western и холодное пиво и светлое пиво и ВНИМАНИЕ! МОКРЫЙ ПОЛ и Ваши 50 пенсов продлят жизнь преждевременно родившегося ребенка на 1,8 секунды и незабываемое путешествие и Окупись в прохладу и ИЗЫСКАННЫЙ СЛИВОЧНЫЙ ГОРЯЧИЙ ШОКОЛАД DELUXE ВСЕГО ЗА 1,30 ФУНТОВ и 0870 777 7676 и Ресторан The Lemon Tree и Не курить! и ОТБОРНЫЙ ЧАЙ и ...*». Следует также отметить, что различные шрифты также способствуют созданию эффекта хаоса, поэтому представляется важным сохранить их в переводе.

Рассмотрев проблему перевода реалий через призму ненадежного нарратора, можно сделать вывод, что данная категория как таковая не оказывает влияния на перевод самих реалий, но влияет на их передачу в тексте перевода. Так, например, не следует безосновательно опускать реалию, тем самым делая перевод вольным, далеким от оригинала. Прежде чем принимать какое-либо решение, необходимо разобраться, с какой целью автор оригинального произведения прибег к тому или иному приему.

Заключение

В заключение можно сделать вывод, что появление и распространение ненадежного нарратора в современной литературе создает новые трудности для переводчика. Однако изучение теоретической литературы и анализ корпуса примеров показали, что эти трудности вполне преодолимы при качественной работе переводчика. Так, например, приступая к переводу произведения с использованием ненадежной наррации, следует сначала выявить ненадежного нарратора, затем проанализировать особенности его языковой личности и поведения, и в процессе работы критически относиться к своему переводу и быть максимально внимательным к малейшим деталям. Также важно учитывать замысел автора оригинального произведения и суметь передать его при переводе. Выводы, полученные при проведении переводческого анализа тех или иных стилистически маркированных отрывков, могут впоследствии использоваться при аналогичной работе на материале других произведений.

Литература:

1. Федоров А. В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы). Изд. 5-е. М.: Филология три, 2002.
2. Sierotwiński S. Słownik Terminów Literackich. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1966.

3. Асратян З. Д. Языковая личность образа автора в художественном дискурсе // Гуманитарные исследования. 2016. N 2 (58). С. 76–80.
4. Nünning A. Reconceptualizing the Theory, History and Generic Scope of Unreliable Narration: Towards a Synthesis of Cognitive and Rhetorical Approaches // Narrative Unreliability in the Twentieth-Century First-Person Novel. 2008. P. 29–76.
5. Жданова А. В. К истории возникновения литературного феномена ненадежной наррации // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2009. N 2. С. 151–164.
6. Каллер Дж. Теория литературы: Краткое введение. М.: Астрель: АСТ, 2006.
7. Жданова А. В. Структура повествования в условиях ненадежного нарратора (роман В. В. Набокова «Лолита»): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2007.
8. Шайхутдинова А. М. Лингвистические характеристики ненадежности нарратора (на материале современной британской литературы) // Вестник Брянского государственного университета. 2017. N 4 (34). С. 252–258.
9. Ласточкина А. С., Коробова Д. М. О семантике ненадежной наррации // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Язык и литература. 2017. Т. 14. Вып. 3. С. 317–325.
10. Haddon M. The Curious Incident of the Dog in the Night-Time. London: Vintage Books, 2003.
11. Хэддон М. Загадочное ночное убийство собаки. М.: Издательство РОСМЭН, 2003.
12. Мамохина У. А. Особенности речи при расстройствах аутистического спектра // Аутизм и нарушения развития. 2017. Т. 15. N 3. С. 24–33.
13. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. М.: Высшая школа, 1990.
14. The Oxford Guide. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://oxford.openguides.org/wiki/?Lemon_Tree.
15. База рекламных слоганов. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://sloganlib.ru/napitki/chai>.

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Borisenko Yu. A., Pankratova E. S.
Udmurt State University, Izhevsk, Russia

**SPECIFIC FEATURES OF TRANSLATING LITERARY TEXTS
 TOLD BY THE UNRELIABLE NARRATOR
 (BASED ON “THE CURIOUS INCIDENT OF A DOG IN THE NIGHT-TIME”
 BY M. HADDON)**

The paper focuses on the peculiarities of literary translation of the texts where the story is told by an unreliable narrator. This relatively new way of narration has not been properly considered yet, as well as the criteria of an unreliable narrator and the translation strategy that should be chosen while translating such fiction. The paper discusses the features of this literary device, its functions and the ways of its linguistic representation.

The paper is based on the novel “The Curious Incident of the Dog in the Night-Time” by M. Haddon and its translation into Russian made by A. Kukley in 2003. The comparative analysis of the source and target texts focuses on the stylistic peculiarities of the novel and the language personality of the unreliable narrator. The paper reveals the following challenges that a translator can deal with: the formation of a speech profile of the narrator, the translation of colloquial vocabulary and the translation of realia. Each example that includes an extract from the original book and its translation shows the features of the narrator’s speech profile; these features can have an impact on the translation and thus, should be taken into consideration throughout the whole process of translating. The analysis touches upon the examples representing inadequate translation, and for this reason, an alternative variant, the most relevant one and conveying the idea of the author of the original book is provided. The authors make a conclusion about the best translation strategy to be used while dealing with literary texts told by an unreliable narrator.

Key words: literary translation, unreliable narrator, language personality, speech profile, colloquial vocabulary.

About the authors:

Borisenko Yulia Aleksandrovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the Department of Translation and Applied Linguistics (English and German), the Institute of Language and Literature, Udmurt State University (Izhevsk, Russia); e-mail: julie_bor@mail.ru. ORCID ID 0000-0002-4034-9560.

Pankratova Ekaterina Sergeevna, Bachelor of Linguistics, the Institute of Language and Literature, Udmurt State University (Izhevsk, Russia); e-mail: pankratovaeka@gmail.com.

References:

1. Fedorov, A. V. *Introduction into General Theory of Translation (Linguistic Problems)*. Moscow, 2002.
2. Sierotwiński, S. *Słownik terminów literackich*. Wrocław, 1966.
3. Asratyan, Z. D. "Language Personality of the Author in Fiction." *Gumanitarnye issledovaniya*, no. 2 (58), 2016, pp. 76–80.
4. Nünning, A. "Reconceptualizing the Theory, History and Generic Scope of Unreliable Narration: Towards a Synthesis of Cognitive and Rhetorical Approaches." *Narrative Unreliability in the Twentieth-Century First-Person Novel*, 2008, pp. 29–76.
5. Zhdanova, A. V. "On the History of Unreliable Narration as a Literary Phenomenon." *Bulletin of Volzhsky University after V. N. Tatischev*, no. 2, 2009, pp. 151–164.
6. Culler, J. *Literary Theory: A Short Introduction*. Moscow, 2006.
7. Zhdanova, A. V. *Structure of Narration Told by an Unreliable Narrator ("Lolita" by V. V. Nabokov)*, Cand. Sci. (Philol.) Diss. Abstr., Samara, 2007.
8. Shaikhutdinova, A. M. "Linguistic Features of the Narrator's Unreliability (Based on Contemporary British Fiction)." *Bulletin of Bryansk State University*, no. 4 (34), 2017, pp. 252–258.
9. Lastochkina, A. S., Korobova, D. M. "On the Semantics of Unreliable Narration." *Vestnik of St. Petersburg University. Language and Literature*, vol. 14 (3), 2017, pp. 317–325.
10. Haddon, M. *The Curious Incident of the Dog in the Night-Time*. London, 2003.
11. Haddon, M. *The Curious Incident of the Dog in the Night-Time*. Moscow, 2003.
12. Mamokhina, U. A. "Speech Peculiarities in Autism Spectrum Disorders." *Autism and Development Disorders*, vol. 15, no. 3, 2017, pp. 24–33.
13. Komissarov, V. N. *Theory of Translation (Linguistic Issues)*. Moscow, 1990.
14. *The Oxford Guide*, https://oxford.openguides.org/wiki/?Lemon_Tree.
15. *Sloganbase*, <https://sloganlib.ru/napitki/chai>.

DOI: 10.35634/2500-0748-2020-12-126-134

УДК 811.111'25:791.43(045)

Злобина О. Н., Ворожцов Г. Ю.

Удмуртский государственный университет, Ижевск, Россия

ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ КИНО В АСПЕКТЕ ПЕРЕВОДА (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРЕВОДА НА РУССКИЙ ЯЗЫК ФИЛЬМА «A LIFE IN JAPAN» / «ЖИЗНЬ В ЯПОНИИ»)

В статье рассматриваются проблемы аудиовизуального перевода на примере документального фильма шведского режиссера Петри Сторлопаре «Жизнь в Японии». Выбор фильма обусловлен наличием в нем сложных (с точки зрения перевода) фрагментов оперативного интервью, а также отсутствием перевода фильма на русский язык. В статье подробно анализируются особенности оперативного интервью, играющего важную роль в структуре рассматриваемого фильма, особое внимание уделено решению проблемы

синфазности при создании закадрового перевода. Актуальность исследования обусловлена недостаточной изученностью особенностей перевода документальных фильмов, как в отечественном, так и в зарубежном переводоведении, отсутствием фундаментальных теоретических исследований, обобщающих имеющийся переводческий опыт.

Цель исследования состояла в рассмотрении существующих алгоритмов и стратегий, используемых в аудиовизуальном переводе, а также в определении оптимальных путей осуществления закадрового перевода конкретного документального фильма. В ходе работы применялись следующие методы анализа материала: сравнительно-сопоставительный, лексикографический, методы контекстуального и коммуникативного анализа. Рассмотренный материал позволил определить основные проблемы, с которыми сталкивается переводчик при работе с документальным кино, к ним относятся, прежде всего, передача реалий и соблюдение тайм-кода.

В статье анализируются и обосновываются собственные варианты переводческих решений, так как фильм переводился авторами статьи самостоятельно. Проведенное исследование свидетельствует о том, что благодаря использованию компрессии, определенного набора переводческих трансформаций и способов передачи культурно маркированной лексики, переводчик может добиться адекватного по смыслу и соответствующего по времени звучания перевода документального фильма.

Ключевые слова: перевод, аудиовизуальный перевод, документальное кино, оперативное интервью, Япония.

Сведения об авторах:

Злобина Ольга Николаевна, кандидат педагогических наук, доцент, кафедра перевода и прикладной лингвистики (английский и немецкий языки), Институт языка и литературы, Удмуртский государственный университет (г. Ижевск, Россия); e-mail: onyakov@gmail.com.

Ворожцов Глеб Юрьевич, бакалавр лингвистики, Институт языка и литературы, Удмуртский государственный университет (г. Ижевск, Россия); e-mail: vgleb.v@yandex.ru.

Введение

В наше время документальное кино все больше и больше становится важным источником изучения сложного и стремительно меняющегося мира. Согласно определению И. И. Романовского, документальное кино – это род кинематографа, снимающего и показывающего реальных людей в окружении реального мира, или сам этот мир с его явлениями и событиями. Документальное кино, как правило, основано на документах и фактах, на съемках подлинных событий и лиц [Романовский, 2004: 101].

Л. Л. Геращенко отмечает, что документальный фильм обычно рассказывает о значимых социальных и политических событиях, которые происходят в мире, в нем также могут затрагиваться такие темы как природа, искусство, наука, культура и т. д. Автор считает, что документальное кино – это образное обобщение показываемого события, раскрытие причин связи этого события с общечеловеческими вопросами бытия [Геращенко, 2003: 5].

Документальный фильм, как объект лингвистического исследования, всегда вызывал определенные трудности. По мнению Л. Л. Нелюбина, перевод кино- и видеоматериалов сочетает в себе черты синхронного, последовательного и письменного перевода, в зависимости от цели и характера работы [Нелюбин, 2016: 36].

Как отмечает В. Н. Комиссаров, перевод документального фильма не может рассматриваться как устный перевод, так как он готовится письменно, с опорой на скрипт в виде монтажных листов. В случае невозможности осуществления письменного перевода перед озвучиванием, перевод может осуществляться «онлайн», с опорой или без опоры на письменный текст [Комиссаров, 1999: 46].

Несмотря на определенный интерес к особенностям перевода документальных фильмов, проявляемый в последнее время в работах некоторых отечественных и зарубежных

лингвистов, таких как Н. И. Алмазова (2017), А. Е. Королькова (2014), В. В. Сдобников (2011), А. В. Мажура, Е. Д. Тимофеева (2019) и др., их лингвистическая специфика, этапы и пути решения встречающихся переводческих проблем заслуживают более детального рассмотрения.

Цель настоящего исследования состояла в рассмотрении и систематизации существующих алгоритмов и стратегий, используемых в аудиовизуальном переводе, а также в определении, описании и обосновании оптимальных путей осуществления закадрового перевода в конкретном документальном фильме. Новизна исследования состоит в том, что лингвистические и культурологические характеристики рассматриваемого фильма ранее никем не анализировались, фильм был переведен на русский язык впервые.

1. Алгоритм действий при переводе документального кино

Понятия «стратегия перевода» или «алгоритм перевода», с одной стороны, очень популярны на современном этапе развития науки о переводе, а с другой стороны, являются одними из наименее разработанных и требующих уточнения. Говоря об особенностях процесса перевода, многие ученые (Т. К. Волкова, Л. Вентути, Н. И. Алмазова) оперируют терминосочетаниями «стратегия перевода» и «алгоритм перевода» как синонимическими понятиями. Под переводческой стратегией, или алгоритмом перевода, некоторые исследователи понимают и поведенческие характеристики переводчика, и тактику перевода, и конкретные переводческие операции, применяемые для достижения адекватности перевода. Так, например, отечественный исследователь А. Е. Королькова отмечает, что при переводе документального фильма необходимо придерживаться определенного алгоритма:

- Ознакомиться с описанием фильма, с точным указанием содержания каждого кадра и его координат на пленке.
- Определить адресата кинопродукции.
- Ознакомиться со структурой фильма, а также выявить, является ли кинолента постановочной, состоит ли фильм из репортажной съемки или из архивных видео-, аудио- и фотоматериалов.
- Рассмотреть виды структур документального фильма.
- Адаптировать текст для зрителя в процессе перевода.
- Переосмыслить ценности, заложенные в тексте, с позиции базовых ценностей носителей языка перевода (неправильная интерпретация национально-культурных ценностей может повлечь за собой ошибки и, как следствие, некачественный перевод).
- Выявить форму подачи материала (длина фраз в разных языках может существенно отличаться). На данном этапе переводчик определяет форму подачи материала, чтобы понять, с какими видами повествования ему придется работать. Фильм может состоять из диалогов, авторского текста, закадрового монолога или диалога, или же внутреннего монолога) [Королькова, 2014: 25].

По мнению В. В. Сдобникова, процесс перевода включает в себя следующие этапы:

- Анализ специфики коммуникативной ситуации.
- Осознание цели перевода.
- Выработка соответствующей стратегии перевода.
- Выбор тактик перевода в соответствии со стратегией перевода, реализацией которых являются определенные переводческие операции [Сдобников, 2011: 172].

Л. Вентути, в свою очередь, выделяет стратегии доместикации и форенизации. В первом случае перевод должен ориентироваться на принимающую культуру, переводчик стремится приблизить материал произведения к культуре целевой аудитории, использует лексико-семантические замены, экспликации. Во втором случае перевод ориентирован на оригинал, в нем сохраняются архаизмы, неологизмы, заимствования [Venuti, 1995: 240].

Т. А. Волкова полагает, что стратегия является индивидуальным систематическим подходом переводчика, связанным с его психическими процессами и корректируемым в

соответствии с профессиональным опытом и самоанализом. Под стратегией перевода этот лингвист понимает сочетание профессиональных, эффективных, динамичных, последовательных, универсальных или индивидуальных логически взаимосвязанных методов. Данные методы применяются в переводческой деятельности, т. е. в двуязычной коммуникативной ситуации, чтобы улучшить понимание исходного языка и найти наиболее точный эквивалент в языке посредством гибкого вариативного поиска с учетом коммуникативной ситуации, типа текста и характеристик предполагаемого получателя [Волкова, 2010: 248].

Таким образом, рассматривая особенности перевода аудиовизуальных текстов в целом и документальных фильмов в частности, все авторы отводят важную роль экстралингвистическим факторам. Данные факторы заключаются в определении целевой аудитории и жанра аудиовизуального произведения, поставленных перед ним задач. Изучив предлагаемые определения стратегии перевода, можно сделать вывод о том, что единый алгоритм перевода отсутствует. Ученые акцентируют разные аспекты переводческой стратегии, предлагают учитывать конкретную коммуникативную ситуацию и ориентацию на определенную культуру.

2. Перевод интервью в документальном кино

Интервью является одним из самых популярных методов подачи информации в документальном фильме. В ходе работы над фильмом его создатели обычно собирают информацию от свидетелей, участников событий, или специалистов, которые могут дать свое экспертное мнение по теме фильма.

М. Рабигер метафорически определяет интервью как «сердце документального кино». Исследователь подчеркивает, что под словом «интервьюировать» подразумевается не только извлечение информации перед камерой, но и комплексное умение поддерживать личностные отношения с героем. Перевод интервью в документальном кино имеет особое значение, так как он должен обеспечивать не только правильную передачу фактов, но и всей иной информации, получаемой от интервьюируемого [Рабигер, 2006: 248].

Одной из разновидностей интервью является оперативное интервью. Д. А. Щитова считает его подвидом информационного интервью, представленного в более сжатом варианте. Действительно, во все новостные материалы печати, информационных сюжетов радио или телевидения обязательно включаются высказывания специалистов в какой-либо области по весьма конкретным поводам, представленные в виде очень краткого, но содержательного фрагмента (20–40 секунд), выбранного из полного интервью. Популярную форму целевых интервью представляют блиц-опросы (опрос на улице / street talk / vox pop). Их характерная особенность – постановка одинаковых вопросов как можно большему числу респондентов, представителям одной или, наоборот, разных социальных групп [Щитова, 2012: 49].

В контексте оперативного интервью главной задачей является демонстрация собственных взглядов. Необходимо предоставлять каждому участнику возможность сказать то, что он хочет сказать. В рамках данного вида интервью каждый респондент обладает правом выразить свое мнение независимо от своего статуса или иных факторов [Easton, 2019: 145].

Итальянский журналист и режиссер Н. Дистефано считает оперативное интервью самым продуктивным видом интервью, так как в его рамках дается краткий ответ. Он полагает, что необходимо избегать объемных вопросов, так как более объемный вопрос подразумевает более полный и развернутый ответ. В таком случае переводчику будет затруднительно передавать содержание ответа, так как мысли респондента могут сбиваться. Для успешного перевода важно четко и сжато формулировать вопрос, чтобы в большинстве случаев переводчику приходилось переводить понятный ответ [Distefano, 2019: 2].

Оперативное интервью является главным источником информации в документальном фильме «Жизнь в Японии». Используя данный жанр, создатели предоставляют своим информантам почти весь хронометраж фильма, сопровождая ответы на вопросы съемкой

различных мест страны, при этом оставляя голос за кадром. Так как главной темой фильма является жизнь иностранцев в Японии, интервьюируемые используют различные этнографические, географические, исторические и другие реалии японской культуры, которые в отдельных случаях вызывают трудности при переводе.

С. И. Влахов и С. П. Флорин называют перевод реалий частью большой и важной проблемы передачи национального и исторического своеобразия подлинника. Эти ученые также подчеркивают, что при переводе важно правильно осмыслить незнакомую реалию на языке оригинала, нужно учитывать то, как она подана автором и какими средствами он пользуется, чтобы довести до сознания читателя ее семантическое и коннотативное содержание [Влахов, 2012: 54].

О. Н. Семенова полемизирует с этими исследователями, заявляя, что полное раскрытие слова не входит в задачу переводчика. Например, архаизм, с ее точки зрения, сохраняет для читателя некую экзотичность текста, является элементом исторической стилизации [Семенова, 1962: 145].

Обратимся к особенностям передачи реалий в исследуемом материале. Поскольку героини фильма много рассказывают о своих путешествиях и о местах своего проживания, то в фильме встречается большое количество топонимов. Многие из них имеют устоявшиеся, всем известные соответствия в русском языке: *Hokkaido* – Хоккайдо (остров), *Kyushu* – Кюсю (остров), *Honshu* – Хонсю (остров). Другие топонимы менее известны, при их передаче мы пользовались транскрипционной системой японских слов Е. Д. Поливанова, обращались к научным статьям, посвященным топонимам Японии, а также к журналам «Вокруг Света» и «National Geographic»: *Tanegashima* – Танэгасима (остров), *Nishijin* – Нисидзин (район Киото), *Arashiyama* – Арасияма (район Киото), *Hanshin* – Хансин (регион), *Tottori* – Тоттори (город), *Itami* – Итами (город), *Fukuoka* – Фукуока (город).

В фильме встретилось большое количество понятий, свойственных только японской культуре и нередко требующих пояснения. Например:

It's hard for me, even though I'm studying, trying to translate every 'kanji' in a big contract – it's impossible!

Обратившись к Интернет-ресурсу «Академик», мы выяснили, что выделенная реалия обозначает перечень китайских иероглифов, используемых в современной японской письменности. Информационный поиск показал, что наиболее употребляемым вариантом русского написания для *kanji* является «кандзи», он соответствует транскрипционной системе для японских слов, предложенной Е. Д. Поливановым. Кроме того, при переводе мы воспользовались приемом лексического добавления, поставив перед реалией слово «иероглиф» (для ее пояснения):

*Хоть я и учусь, мне трудно перевести каждый иероглиф **кандзи** в каком-нибудь важном контракте! Это невозможно!*

Приведем еще один пример:

And he kind of comes around to us. And he looks at us and says "Stand up!" So we're shooting back 'shochu'. So everybody's quite drunk and the department manager, he's really drunk!

В данном случае интерес представляет реалия *shochu*, это слово обозначает японский спиртной напиток. Он является более крепким, чем всем известный sake. Изучив русские статьи о японской культуре, мы также использовали метод переводческой транскрипции, так как именно он является наиболее употребляемым в данном случае. Однако, исходя из ситуации, очень важно подчеркнуть особую крепость напитка, поэтому было сделано лексическое добавление – прилагательное «крепкий»:

*Он к нам подходит, смотрит на нас и говорит «Встаньте!» – мы выпили **крепкого сётю**. Все напились, в том числе и начальник отдела. Он был очень пьян!*

В процессе речевого употребления некоторые слова и фразы в любом языке тоже приобретают статус своего рода реалий. Один из персонажей фильма комментирует употребление слова *Yappari*:

The term I hate the most that Japanese people use: 'Yappari'. It's like: "Just as I thought." So, you tried, you know more Japanese than the Japanese – and then when you screw up, it's 'Yappari'. I knew it, you're a foreigner!

В переводе с японского языка данное слово означает «так и знал». Говорящий использует его, когда происходит что-то очевидное, давно ему знакомое. Мы решили, что при переводе нужно использовать такой же подход, как к любым другим реалиям, т. е. также применить метод переводческой транскрипции:

Выражение, которое я больше всего не люблю из тех, что используют японцы – это «яппари». Оно означает: «так я и думал». Ты стараешься быть больше японцем, чем сами японцы – а когда в чем-то ошибаешься, то они говорят «яппари». Я так и знал, что ты иностранец!

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что в процессе перевода с одного языка на другой текст переходит из одного культурного пространства в другое. Именно здесь возникает вопрос о требующейся мере адаптации оригинального текста к новому адресату. Единого мнения по этому поводу нет до сих пор. Однако большинство, как теоретиков, так и практиков перевода, признает необходимость сохранения национально-культурного своеобразия оригинала, думается, что это особенно актуально для документального кино.

3. Проблема «фазового сдвига» при переводе документального кино

Одним из ключевых аспектов в закадровом переводе, является соблюдение тайм-кода. Традиционно технические специалисты размечают текст и разделяют его на реплики, включая маркировку в соответствии с тем, где должны начинаться и заканчиваться субтитры или озвучивание. Затем переводчик может предложить несколько различных вариантов перевода. Специфичные сложности наступают тогда, когда он сталкивается с такой проблемой, как «фазовый сдвиг» или «синфазность». Так принято называть нарушение тайм-кода [Алмазова, 2017: 3].

И. В. Иванова отмечает, что должен быть учтен промежуток времени, за который актер произносит свою реплику. То есть исходный текст (в случае постсинхронизации) или переведенный диалог (в случае дублирования) должны в точности совпадать со временем произнесения реплики, а именно начинаться в момент, когда актер открывает рот, и заканчиваться в момент, когда он закрывает рот. Такой вид синхронности называется изохронией [Иванова, 2009: 25].

Для решения проблемы синфазности переводчик может использовать метод компрессии. Как отмечает А. А. Караванский, компрессия и сжатие текста неизбежны из-за особенностей в строе исходного языка и языка перевода. Переводчик кинофильма имеет в своем распоряжении суженный спектр средств для передачи содержания высказывания. Текст перевода неизбежно подвергается последующей обработке в виде укладки для достижения максимально возможной синхронности с текстом на языке оригинала [Караванский, 2018: 10].

М. В. Савко подчеркивает, что синхронизация является завершающим этапом работы переводчика над аудиовизуальным текстом. Хотя при закадровом переводе и не требуется синхронизация речевых движений, переводчик работает почти так же жестко, как при дубляже [Савко, 2011: 20].

А. В. Козуляев также замечает, что при переводе аудиовизуального произведения переводчику всегда нужно помнить о возможности уплотнения передаваемой информации и сокращения семантической избыточности [Козуляев, 2012: 7].

Проблема синфазности достаточно часто встречалась при работе с рассматриваемым документальным фильмом «Жизнь в Японии». Мы столкнулись с данной проблемой, например, при передаче атрибутивных групп и реалий. Рассмотрим пример:

Very nice quiet very proper behaviour country.

Это очень хорошая, спокойная страна, где люди ведут себя подобающим образом.

Это отличная, спокойная страна, где народ очень воспитан.

Под цифрой 1 представлен наш первоначальный вариант перевода. Система словарей «Академик» предложила два соответствия для атрибутивной группы *proper behaviour* – «надлежащее поведение» и «подобающее поведение». С целью решения проблемы синфазности, был использован метод компрессии. Чтобы соблюсти требования закадрового перевода, мы нашли более короткие варианты передачи рассматриваемых словосочетаний (перевод под цифрой 2). Таким образом, проблема «фазового сдвига» была решена, а семантическая избыточность ликвидирована.

Поскольку некоторые высказывания трудно передать, соблюдая при этом тайм-код, переводчику необходимо найти другие переводческие решения.

Приведем еще один пример:

*I think I expected it to be something similar to Hong Kong. But more expensive. Because when I came here in 1990 – it was **the end of the bubble economy** – and this was famous as the most expensive place in the world – and that was absolutely true!*

Экономика Японии в описываемое время называлась «экономикой мыльного пузыря», который, неизбежно должен был «лопнуть», из-за того, что с 1986 года по 1991 год экономический рост базировался в основном на спекулятивных сделках с недвижимостью и ценными бумагами. Возможен следующий перевод:

Мне кажется, тогда я ожидал, что Япония будет похожа на Гонконг. Но при этом еще дороже. Потому что когда я приехал сюда в 90-м году, японский «финансовый пузырь» лопнул. Япония тогда считалась самой дорогой страной в мире. И это было чистой правдой!

Когда возникли сложности с синхронизацией, было принято решение воспользоваться методом генерализации и передать данную реалию просто как «экономический кризис»: *Потому что когда я приехал сюда в 90-м году, экономический кризис в стране уже закончился.*

Рассмотрев проблему синфазности, можно сделать вывод, что при закадровом переводе происходит взаимодействие нескольких систем: систем двух задействованных языков и системы кинотекста. Для успешного выполнения своей работы переводчику неизбежно приходится учитывать требования и соотношение этих систем.

Заключение

Подводя итог, необходимо отметить, что процесс перевода рассматриваемого документального фильма сопровождался значительным количеством переводческих проблем. Основные трудности были связаны с передачей реалий и сохранением тайм-кода. Для успешного закадрового перевода необходимо было использовать компрессию с целью уплотнения передаваемой информации, а иногда и сокращения семантической избыточности. При использовании метода компрессии в закадровом переводе сохраняется основное содержание исходного текста, но иногда теряются некоторые его компоненты – преимущественно стилистические и эмоциональные коннотации. Перед переводчиком стоит сложная задача, ему нужно определить приемлемые, допустимые потери смысла, так как эмоциональные и индивидуальные характеристики речи могут иметь очень большое значение для восприятия фильма зрителем на языке перевода. В рамках перевода отдельных фрагментов рассматриваемого фильма нами использовались многочисленные переводческие трансформации, в частности, генерализация, лексические опущения, перестановки. При их обоснованном использовании решение проблемы синфазности представляется вполне возможным.

Практическая значимость статьи, на наш взгляд, заключается в возможности использования описанного переводческого опыта при переводе подобных документальных фильмов. За пределами работы остались вопросы, связанные с возможностями более точной передачи национально-самобытной лексики в кино, а также с достижением синхронизации при передаче эмоционально-оценочных высказываний. Они заслуживают отдельного рассмотрения.

Литература:

1. Романовский И. И. Масс-медиа. Словарь терминов и понятий. М.: Изд-во Союза журналистов. России, 2004.
2. Геращенко Л. Л. Конфликт в отечественном документальном кино 90-х гг. М.: Изд-во Всеросс. гос. ин-та кинематографии, 2003.
3. Нелюбин Л. Л. Толковый переводоведческий словарь. М.: Флинта, 2016.
4. Королькова А. Е. Специфика переводов документальных фильмов. Курск: Курск. гос. ун-т, 2014.
5. Сдобников В. В. Стратегии перевода: Общее определение // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2011. N 5. С. 164–72.
6. Venuti L. *The Translator's Invisibility*. London, New York: Routledge, 1995.
7. Волкова Т. А. Понятие стратегии перевода в дискурсивно-коммуникативной модели перевода // Язык и ментальность: сб. ст. СПб: С.-Петербург. гос. ун-т, 2010. С. 620–628.
8. Рабигер М. Режиссура документального кино. М.: Изд-во Гуманитарного ин-та телевидения и радиовещания им. М. А. Литовчина, 2006.
9. Щитова Д. А. Интервью как способ создания имиджа // Вестник Томского государственного университета. 2012. N 4. С. 146–153.
10. Мажура А. В., Тимофеева. Е. Д. К вопросу о жанровой классификации интервью в журналистском творчестве // Наука и школа. 2019. N 3. С. 47–53.
11. Easton M. Why Vox Pops are Important? // BBC News. 2019. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.bbc.com/news/uk-46946442>.
12. Distefano N. Easy Steps to Transcribe and Translate Interviews with Foreign Speakers. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.voquent.com/>.
13. Matkivska N. Audiovisual Translation: Conception, Types, Characters' Speech and Translation Strategies Applied // Kalbų Studijos. N 25. 2014. P. 38–44.
14. Влахов С. И. Непереводимое в переводе. М: Р. Валент, 2012.
15. Семенова О. Н. Архаическая лексика в романе А. Н. Толстого «Петр I» и способы ее перевода на эстонский язык. М.: ТКП, 1962, С. 53–82.
16. Иванова И. В. Жанр интервью: формы бытования и языковые особенности: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Астрахань, 2009.
17. Караванский А. А. Особенности перевода экспрессивной лексики в аудиовизуальных текстах и литературе. СПб: С.-Петербург. гос. ун-т, 2018.
18. Савко М. В. Аудиовизуальный перевод в Беларуси // Мова і культура. 2011. N 14. С. 353–357.
19. Козуляев А. В. Обучение динамически эквивалентному переводу аудиовизуальных произведений // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. 2018. N 4. С. 181–199.
20. Поливанов Е. Д. Материалы по японской диалектологии. Санкт-Петербург: Императорская академия наук, 1915.
21. Академик: словари и энциклопедии. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://dic.academic.ru/>.

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Zlobina O. N., Vorozhtsov G. Y.,
Udmurt State University, Izhevsk, Russia

DOCUMENTARY FROM TRANSLATION PERSPECTIVE (BASED ON THE TRANSLATION OF THE DOCUMENTARY “A LIFE IN JAPAN”)

The article discusses one of the problems of audiovisual translation – translation of documentary films, taking “A Life in Japan” by a Swedish director Petri Storlopare as an example. The choice of the film was determined by the presence of difficult situations from the point of view of translation, as well as by the lack of Russian translation. The paper considers typical characteristics of an operational interview

which is an important constituent of the film under study. Special attention is given to the problem of synphase in voice-over translation. The topic is relevant as there are no fundamental theoretical papers devoted to translation of documentaries, both in domestic and foreign translation studies.

The main goal was to consider the existing algorithms and strategies of audiovisual translation and to find the most optimal ways of translating the definite documentary film. We employed the following methods of analyzing the data: comparative analysis, lexicographic analysis, contextual analysis and communicative analysis. The conducted research allows to define the main problems of translating documentaries, they include transmitting the meaning of realia of another country's culture and solving the "phase shift" problem when syncing the text in voice-over translation. In this paper we tried to account for our own translation solutions. The research has shown that it is possible to achieve adequacy of translation by using compression, a certain set of transformations and techniques for transferring the meaning of culturally marked lexical units.

Key words: translation, audio-visual translation, documentary film, operational interview, Japan.

About the authors:

Zlobina Olga Nikolaevna, Candidate of Pedagogy, Associate Professor, the Department of Translation and Applied Linguistics (English and German), the Institute of Language and Literature, Udmurt State University (Izhevsk, Russia); e-mail: onyakov@gmail.com

Vorozhtsov Gleb Yurievich, Bachelor of Linguistics, the Institute of Language and Literature, Udmurt State University (Izhevsk, Russia); e-mail: vgleb.v@yandex.ru.

References:

1. Romanovsky, I. I. *Mass Media. Dictionary of Terms and Concepts*, Moscow, 2004.
2. Gerashchenko L. L. *Conflict in the Domestic Documentary Cinema of the 90-s*, Moscow, 2003.
3. Nelyubin, L. L. *Explanatory Translation Dictionary*. Moscow, 2016.
4. Korolkova, A. E. *Specifics of Translations of Documentary Films*. Kursk, 2014.
5. Sdobnikov, V. V. "Translation Strategies: General Definition." *Bulletin of Irkutsk State Linguistic University*, no. 5, 2011, pp. 164–172.
6. Venuti, L. *The Translator's Invisibility*. London, New York, 1995.
7. Volkova, T. A. "The Concept of Translation Strategy in the Discursive and Communicative Model of Translation." *Language and Mentality*, St Petersburg, 2010, pp. 620–628.
8. Rabiger, M. *Directing Documentary Films*, Moscow, 2006.
9. Shchitova, D. A. "Interview as a Way to Create an Image." *Bulletin of Tomsk State University*, no. 4, 2012, pp. 146–153.
10. Mazhur, A., Timofeev, E. D. "To the Question of Genre Classification Interview in Journalistic Work." *Science and School*, no. 3, 2019, pp. 47–53.
11. Easton, M. "Why Vox Pops are Important?" *BBC News*, 2019, <https://www.bbc.com/news/uk-46946442>.
12. Distefano, N. *Easy Steps to Transcribe and Translate Interviews with Foreign Speakers*, <https://www.voquent.com>.
13. Matkivska, N. "Audiovisual Translation: concept, Types, Characters' Speech and Translation Strategies Applied." *Kalb. Studijos*, no. 25, 2014, pp. 38–44.
14. Vlahov, S. I. *Untranslatable in Translation*, Moscow, 2012.
15. Semenova O. N. *Archaic Vocabulary in the Novel by A. N. Tolstoy "Peter I" and Ways to Translate it into Estonian*, Moscow, 1962, pp. 53–82.
16. Ivanova I. V. *Interview Genre: Forces of Existence and Language Features*: Cand. Sci. (Philol.) Diss. Abstr., Astrakhan, 2009.
17. Caravanskij, A. A. *Peculiarities of Translation of Expressive Vocabulary in the Audiovisual Texts and Literature*. St. Petersburg, 2018.
18. Savko, M. V. "Audiovisual Translation in Belarus." *Mova i Kultura*, no. 14, 2011, pp. 353–357.
19. Kozhlaev, A. V. "Training a Dynamically Equivalent Translation of Audiovisual Works." *Bulletin of the Perm National Research Polytechnic University*, no. 4, 2018, pp. 181–199.
20. Polivanov, E. D. *Materials on Japanese Dialectology*. Saint Petersburg, 1915.
21. Akademik: *Dictionaries and Encyclopedias*, <https://dic.academic.ru/>.

Рябкова И. П., Дерюгина А. А.

Удмуртский государственный университет, Ижевск, Россия

ИСКУССТВОВЕДЧЕСКИЙ ТЕКСТ КАК ОБЪЕКТ ПЕРЕВОДА (НА МАТЕРИАЛЕ МУЗЕЙНЫХ ТЕКСТОВ НА РУССКОМ, АНГЛИЙСКОМ И ФИНСКОМ ЯЗЫКАХ)

Статья посвящена исследованию способов передачи стилистических и лексических особенностей искусствоведческих текстов на русском, английском и финском языках. Ввиду роста популярности музеев и увеличения их количества, исследования в области перевода музейных текстов представляются актуальными. Материалом исследования являются тексты художественных музеев Kiasma и НАМ (Helsinki Art Museum – Художественный музей Хельсинки), г. Хельсинки, а также тексты музейно-выставочного комплекса стрелкового оружия имени М. Т. Калашникова, г. Ижевск. Исходными языками (ИЯ) анализируемых текстов были русский и финский языки, языками перевода (ПЯ) – русский и английский. Целью данного исследования было изучение особенностей перевода музейных текстов. В ходе исследования был проведен лингвистический анализ текстов на ИЯ. Было установлено, что для музейных текстов характерно сочетание различных функциональных стилей. Помимо публицистического и научного стилей, музейные тексты могут включать черты литературно-художественного, официально-делового и разговорного функциональных стилей. Исследование показало прямую зависимость стилистической принадлежности текстов от вида музейного текста или направленности музея. В ходе сопоставительного и переводческого анализа текстов на ИЯ и ПЯ были определены основные стилистические и лексические проблемы, встречающиеся при переводе текстов музеев, а также выявлены оптимальные переводческие решения для передачи стилистических и лексических особенностей музейных текстов на двух языках. Было установлено, что лексические проблемы перевода чаще всего были вызваны трудностями при передаче фразеологических единиц и безэквивалентной лексики средствами другого языка, а также зависимостью текстов от визуальной составляющей художественных произведений. Стилистические проблемы, в свою очередь, были обусловлены необходимостью сохранения функционально-стилевых характеристик оригинального высказывания.

Ключевые слова: перевод, искусствоведческий текст, музейный текст, стилистические проблемы перевода, лексические проблемы перевода.

Сведения об авторах:

Рябкова Ирина Павловна, кандидат филологических наук, доцент, кафедра перевода и прикладной лингвистики (английский и немецкий языки), Удмуртский государственный университет (г. Ижевск); e-mail: irina-ryabkova@bk.ru.

Дерюгина Алена Алексеевна, бакалавр лингвистики, Институт языка и литературы, Удмуртский государственный университет (г. Ижевск); e-mail: alyonaderalija@mail.ru.

Введение

С появлением музеев у человека, который с древних времен стремился к получению эстетического удовольствия, появилась возможность наслаждаться различными произведениями искусства в культурном учреждении, созданном специально для этой цели. Понять замысел художника или же определить период создания художественного произведения в музейном пространстве человеку помогают музейные тексты.

Музейный текст – это способ взаимодействия человека и художественного произведения. Вслед за канадским музееведом Д. Камероном можно рассматривать музейный текст как средство осуществления музейной коммуникации, которая является процессом

передачи и осмысления информации, происходящим между музеем и обществом [Словарь актуальных музейных терминов, 2009: 47–68].

Музейный текст является частью музейного дискурса, понимаемого как совокупность всего, что влияет на смысл «сказанного», в том числе авторских замыслов относительно музейной экспозиции, соотношения ожидаемого и фактического прочтения смыслов музейной аудиторией, а также используемых форм презентации музейного продукта [Словарь актуальных музейных терминов, 2009: 47–68]. В свою очередь, музейный дискурс нередко рассматривается как часть искусствоведческого дискурса.

Искусствоведческий дискурс стал предметом научного изучения относительно недавно. Среди последних работ, посвященных его исследованию, наибольший интерес вызывают публикации А. Б. Ерохиной, У. А. Жарковой и А. П. Миньяр-Белоручевой. В них рассматриваются такие вопросы, как стратегии интерпретации знаков в искусствоведческих текстах, способы вербализации на разных уровнях репрезентации иконического знака [Жаркова, 2011], проблемы поликодовости искусствоведческого дискурса в контексте его восприятия [Миньяр-Белоручева, 2017], функционирование метафоры в аспекте ее прагматического воздействия [Ерохина, 2016]. Некоторые работы посвящены вопросам функционального стиля искусствоведческих текстов. Так, Л. К. Чикина относит искусствоведческие тексты исключительно к публицистическому стилю [Чикина, 1986: 18–21]. В то же время, О. С. Насонова и Ю. В. Привалова утверждают, что искусствоведческие тексты обычно обладают чертами публицистического или научного стиля [Насонова, Привалова, 2014: 164–165]. Наш языковой материал показывает, что музейные тексты могут быть еще более разнообразными с точки зрения присущего им функционального стиля. Помимо публицистического и научного стилей, музейные тексты могут обладать чертами литературно-художественного, официально-делового и разговорного функциональных стилей.

Говоря о переводческой составляющей данной работы, следует отметить, что публикации, посвященные проблемам перевода текстов искусствоведческого дискурса, включая музейные тексты, на сегодняшний день весьма немногочисленны, что делает их весьма перспективным объектом исследования. Одним из важных факторов, который, по мнению лингвистов, необходимо учитывать при переводе музейных текстов является зависимость текстов от визуальной составляющей экспозиции [Анисимова, 2003; Гаузенблаз, 1978]. В частности, А. Г. Анисимова, говоря о музейных текстах, обращает внимание на то, что в таких текстах вербальные и иконические элементы соединяются в единое целое – визуальное, смысловое, структурное и функциональное, – которое оказывает комплексное прагматическое воздействие на адресата [Анисимова, 2003: 15]. Тем не менее, наше исследование показало, что, несмотря на значимость поднимаемых переводоведами вопросов, круг проблем при работе с искусствоведческими текстами значительно шире.

Новизна предложенного в данном исследовании подхода к решению проблемы перевода искусствоведческого текста заключается в том, что при решении стилистических проблем перевода было предложено опираться на классификацию музейных текстов по видам, в результате чего была выявлена прямая зависимость функционального стиля от вида музейного текста, определившая ведущую стратегию его перевода.

Целью данной работы было изучение особенностей перевода искусствоведческих текстов (на материале переводов музейных текстов с русского языка на английский и с финского языка на английский и русский).

На основе выдвинутой цели были поставлены следующие задачи:

- классификация текстов, определение функционального стиля;
- анализ основных трудностей, возникающих при переводе музейного текста в зависимости от его вида и функционального стиля, изучение переводческих приемов, используемых для их преодоления;
- выявление оптимальных переводческих решений.

1. Этапы исследования

Исследование проводилось в несколько этапов, которые включали:

Сбор текстов в музеях города Хельсинки (Финляндия): музее современного искусства Kiasma и Художественном музее г. Хельсинки (Helsinki Art Museum, НАМ), а также в музейно-выставочном комплексе имени М. Т. Калашникова, г. Ижевск. Для текстов музеев г. Хельсинки имелись переводы на английский и русский языки (исходный язык ИЯ – финский), для текстов музея г. Ижевска имелся перевод на английский (ИЯ – русский). Для исследования было отобрано 300 музейных текстов на ИЯ, их переводы, а также фотографии экспонатов, обеспечивающие целостность их восприятия.

Классификация текстов: тексты этикетаж, ведущий, заглавный, пояснительный текст.

Анализ лингвистических и экстралингвистических особенностей отобранных текстов, определение их функционального стиля, выявление зависимости функционального стиля от типа текста и специфики самого музея.

Проведение сопоставительного анализа текстов оригинала и перевода. Выявление основных проблем, возникающих при переводе, используемых переводческих приемов, при необходимости – поиск более оптимальных решений.

2. Результаты исследования

Музей современного искусства Kiasma и Художественный музей г. Хельсинки в основном специализируются на художественных выставках или инсталляциях современных финских и мировых художников. Выставки музейно-выставочного комплекса имени М. Т. Калашникова посвящены биографии российского конструктора стрелкового оружия М. Т. Калашникова, его трудовой деятельности и истории оружейного дела.

Исследование показало, что в зависимости от тематической направленности, тексты музеев могут принадлежать к разнообразным функциональным стилям.

Текстам в музее имени М. Т. Калашникова присущи черты научного стиля, к которым можно отнести широкое употребление оружейной терминологии (*водяная турбина; ручной, станковый, танковый и бронетранспортный пулемет; оружейные стволы; конструкторские доработки образца; самозарядный карабин; опытные стрельбы*), а также черты официального-делового стиля, для которого, в частности, характерно наличие канцеляризмов (*просьба о содействии, трудовые коллективы, отчет о проделанной работе, в интересах жителей*) и аббревиатур (*СССР; ГАУ; ЦК КП(б); АКМ и РПК; ИНИТИ; АК*), употребление сложных синтаксических конструкций (*На финише работ по АКМ и РПК группа Калашникова получила новое срочное задание – подключиться к созданию единого пулемета, который бы совмещал в себе качества ручного, станкового, танкового и бронетранспортного пулемета*).

Большинство текстов художественных музеев Kiasma и Художественного музея г. Хельсинки имеют черты литературно-художественного функционального стиля, для которого особенно характерно использование изобразительно-выразительных средств речи: *viikkosiivouksen kohokohdat* (вершины еженедельной уборки); *dekadenssin huipentuma* (верх декаданса); *laheisen tuli* (огонь ближнего); *kaunis tuhmuus* (красивая непристойность); *hiljainen raivo* (тихая ярость).

Кроме того, было установлено, что лингвистические особенности музейных текстов зависят также от типа текста. В исследовании была использована классификация Т. Ю. Юрениной, согласно которой выделяются следующие виды музейных текстов:

- *этикетаж* (совокупность всех экспозиционных этикеток, содержащих название предмета, его атрибутивные данные, такие как сведения о материале, размере, способе изготовления, авторской принадлежности, социальной и этнической среде бытования, историческом и мемориальном значении);

- *ведущий текст* (выражает основную идею экспозиции в целом или же каких-то ее разделов, тем, залов или комплексов);
- *пояснительный текст* (аннотация к залу, к теме, к комплексу или к отдельному экспонату; содержит информацию, лежащую за пределами зрительного восприятия экспонатов);
- *заглавный текст* (текст, помогающий посетителю ориентироваться в экспозиции и содержащий названия залов, тематических разделов, экспозиционных комплексов) [Юренева, 2004: 442–443].

Тексты музейного этикетажера нередко обладали чертами научного стиля, для которого характерны точность значений языковых единиц, насыщенность терминами и логическая синтаксическая организация предложения: *“Jokin tuolla on” hiili vanerille, 2016* («Там что-то есть» фанера, уголь, 2016); *Опытный пистолет-пулемет Калашникова; Нагрудный знак депутата Верховного Совета СССР М. Т. Калашникова.*

Независимо от направленности музея, ведущим текстам часто присущи черты литературно-художественного функционального стиля, в частности, метафоричность высказывания (*новый мир механизмов – мир оружия; в моей голове «поселилась» идея «вечного двигателя»*), а также разговорной речи, которая отличается эмоциональностью и использованием внелексических средств: *замер: и страшно и интересно!; она-то и определила мою будущую судьбу – судьбу конструктора; оружия легкого, скорострельного, безотказного!; соседям, у кого не было детей, чтобы погонять в поле лошадей...; моя мама... была из многодетной зажиточной семьи; Щуровский полигон... там прошли мои самые лучшие годы; We Will Always Have Paris...; turvavyöt auki! (отстегнуть ремни безопасности!).*

Для заглавных текстов также характерны черты литературно-художественного (*Калашников. Траектория судьбы*) и разговорного (*Genderfuck*) функциональных стилей.

В то же время, для пояснительных текстов характерен публицистический стиль, которому присущи экономия языковых средств при информативной насыщенности, доходчивость изложения и наличие большого количества общелитературных слов (*Shopper's art dwells comfortably on the borders between art, fashion, traditional craft and design. She collaborates frequently with other artists and musicians. Shopper will represent Iceland at the 2019 Venice Biennale*).

В связи с этим одной из главных задач переводчика стало сохранение функционального стиля. Так, при переводе приведенного ниже ведущего текста на английский язык черты разговорного стиля были переданы с помощью добавления вводной конструкции:

*Основное же для каждого человека на земле – это хлебушек... .
And still, there is nothing like bread for every person in the world... .*

В следующем примере при переводе текста этикетажера на английский язык научный стиль текста был сохранен за счет использования эквивалентных оружейных терминов:

*Опытный пистолет-пулемет Калашникова.
Experimental Kalashnikov's submachine gun.*

Анализ переводов текстов музейных экспозиций в музеях Kiasma и Художественном музее г. Хельсинки показал, что нередко трудности при переводе вызваны связью визуальной составляющей произведения искусства и текста, описывающего его. Зачастую в текстах художественных музеев такие лексические трудности перевода, как перевод фразеологических выражений, были осложнены зависимостью текста от иконических элементов.

Например, в названии композиции, представляющей собой фигуру девочки с глазами на спине, в Художественном музее Хельсинки используется финский фразеологизм *silmät selässäkin* (буквально – «глаза даже на спине»), означающий, что человек «знает обо всем, что происходит вокруг». Такие переводы названия как *Eyes in the Back* и *Глаза даже на спине*, представленные в музее, не передают идиоматическое значение названия в полной мере, оставляя пространство для вариативности интерпретаций. Мы предлагаем использовать

переводческий прием, предложенный В. Н. Комиссаровым [Комиссаров, 2007], в котором перевод текста основывается на том же самом образе, который используется в исходном тексте. Удачным нам кажется такой перевод названия на русский язык, как *Всевидающая*, а при переводе на английский язык мы предлагаем использовать название *All-seeing*.

Еще один фразеологизм, также являющийся названием произведения искусства – *Ota silmä käteen ja – katso!* (букв. «возьми свои глаза и посмотри»). Сам экспонат, выставленный в Художественном музее г. Хельсинки, представляет собой небольшую открытую черную шкатулку, внутри которой находится белая шелковая ткань с изображением открытого глаза. Переносное значение финской идиомы – «возьми и посмотри сам», «увидь своими глазами». При переводе названия экспоната с финского на русский язык переводчик использует прием калькирования *Возьми глаз в руку – и смотри!* Однако данный перевод вызывает некое недоумение, русскоязычному посетителю выставки не вполне понятно, что можно увидеть, взяв глаз в руку, в чем символическое значение данного действия. В поисках более удачного соответствия мы обратились к словарям. В частности, в большом синонимическом словаре русского языка содержится русский фразеологизм, являющийся фактически эквивалентом для финского, это просторечное высказывание «разуй глаза» [Кожевников, 2003]. В этой связи считаем возможным предложить следующий вариант перевода названия экспоната: *Раскрой глаза*. Данное название (с точки зрения значения) схоже с финским фразеологизмом, не являясь, в отличие от словарного соответствия, просторечным, оно содержит ссылку на «глаз» как центральный элемент композиции, а глагол «раскрой» перекликается с образом произведения искусства – раскрытой шкатулкой.

В музейном пространстве с визуальной частью экспозиции также может быть связана проблема перевода этнографических реалий. В музее Kiasma в качестве одного из экспонатов представлена такая этнографическая реалия, как *rättiläinen*. *Rättiläinen* – бродячий шаман, продающий тряпки и лохмотья; слово образовано от финского *rätti*, что в переводе означает «тряпка». Экспонат представляет собой силуэт человека, полностью состоящий из красочных, разноцветных лоскутков ткани. На русский язык реалия *rättiläinen* была переведена как «лоточник» и «коробейник»:

Kaksi yhteensulautunutta joutsenta vetää shamaanihahmon, rättiläisen, rekeä.

Два слившихся воедино лебедя тянут сани с фигурой шамана, он же лоточник, коробейник. В прошлом столетии деревни обходило немало таких бродячих торговцев.

Согласно Толковому словарю Ожегова *лоточник* – это «человек, занимающийся мелкой розничной торговлей на улице, использующий в качестве витрины открытый прилавок или большой плоский ящик», а *коробейник* – это «торговец, вразнос продающий галантерейные товары, мелкие вещи, необходимые в крестьянском быту» [Ожегов, 2003]. Оба эти слова не вполне точно передают значение реалии *rättiläinen*, как с точки зрения продаваемых товаров, так и с точки зрения рода занятий – утрачен компонент «шаман». Полагаем, что в переводе можно использовать тот же образ, передав *rättiläinen* как «шаман-тряпичник».

Таким образом, при переводе музейных текстов такие лингвистические проблемы, как перевод этнографических реалий и перевод фразеологических выражений, часто взаимосвязаны с визуальной частью экспозиции, а это вызывает необходимость поиска творческих подходов к решению переводческих проблем. Главной задачей переводчика, в этом случае, является сохранение единого образа, созданного автором с помощью связи иконических и вербальных элементов.

Заключение

В целом, на основании проведенного исследования можно заключить, что для музейных текстов характерно сочетание различных функциональных стилей, в зависимости от вида музейного текста или направленности музея. Музейные тексты могут обладать

чертами публицистического (пояснительный текст), научного (этикетаж), литературно-художественного (ведущий текст, заглавный текст, тексты художественных музеев в целом), официально-делового (тексты музейно-выставочного комплекса им. М. Т. Калашникова) и разговорного (пояснительный текст) стилей. Сохранение стилистических особенностей оригинала является важной задачей переводчика.

Сопоставительный и переводческий анализ текстов на ИЯ и ПЯ показал, что лексические проблемы перевода чаще всего были вызваны трудностями при передаче фразеологических единиц и безэквивалентной лексики средствами другого языка, а также зависимостью текстов от визуальной составляющей художественных произведений. Многие представленные в музеях переводы остаются буквальными и могут быть оптимизированы, в первую очередь, за счет включения образа, лежащего в основе композиции, в текст на ПЯ, а также за счет сохранения переносного смысла текстов на ИЯ в тексте перевода.

Данная работа открывает перспективы для новых исследований в области искусствоведческих текстов. Особенный интерес представляет изучение подходов к переводу различных видов музейных текстов, определение их зависимости от направленности музея и музейной традиции страны.

Литература:

1. Словарь актуальных музейных терминов // Музей. 2009. N 5. С. 47–68.
2. Жаркова У. А. Воплощение знаковой природы изобразительного искусства в искусствоведческом дискурсе // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. N 33. С. 52–54.
3. Миньяр-Белоручева А. П. Поликодовость искусствоведческого дискурса // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2017. N 4. С. 16–20.
4. Ерохина А. Б. Прагматика метафоры в англоязычном критическом искусствоведческом дискурсе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. N 7. С. 86–89.
5. Чикина Л. К. Лингвистика текста: уч. пособие. Саранск: Мордов. гос. ун-т им. Н. П. Огарева, 1986.
6. Насонова О. С., Привалова Ю. В. Стилистические особенности перевода текстов искусствоведческой направленности // Успехи современного естествознания. 2014. N 8. С. 164–165.
7. Анисимова А. Г. Методология перевода англоязычных терминов гуманитарных и общественно-политических наук: дисс. ... докт. филол. наук. М., 2010.
8. Гаузенблас К. О характеристике и классификации речевых произведений // Новое в зарубежной лингвистике. 1978. Вып. 8. Лингвистика текста. С. 57–78.
9. Юренева Т. Ю. Музееведение: учеб. для высшей школы. М.: Академический Проект, 2004.
10. Комиссаров В. Н. Лингвистика перевода. М.: Издательство ЛКИ, 2007.
11. Кожевников А. Ю. Большой синонимический словарь русского языка. Речевые эквиваленты: практический справочник. Т. 2. СПб.: Нева, 2003.
12. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковик, 2003.

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Ryabkova I. P., Deryugina A. A.
Udmurt State University, Izhevsk, Russia

TRANSLATING TEXTS ON ART (ILLUSTRATED BY EXAMPLES FROM MUSEUM TEXTS IN RUSSIAN, ENGLISH AND FINNISH)

The article studies the ways of rendering stylistic and lexical features of museum texts in the Russian, English and Finnish languages in translations. Research in the field of translation of museum texts seems important in view of the growing popularity of museums and the increased

number of international visitors who have to refer to translated texts. The study uses the texts of Kiasma and the Helsinki Art Museum (HAM), Helsinki, as well as the texts of the Museum and Exhibition Complex of Small Arms named after M. T. Kalashnikov, Izhevsk. The source languages (SL) of the analyzed texts were Russian and Finnish, the target languages (TL) were Russian and English. The objective of this research was to study the peculiarities of translating museum texts. In the course of the study, a linguistic analysis of texts in the SL was carried out. It was found that museum texts feature a combination of different functional styles. In addition to publicist and scientific styles, museum texts can have some features of fiction, formal business and colloquial functional styles. The study showed a link between the type of the museum text or the nature of the museum and the functional style of the text. In the course of a comparative and translation analysis of texts in the SL and the TL, the main stylistic and lexical problems of translating museum texts were identified, and optimal translation solutions for conveying the stylistic and lexical features of museum texts were described. It was found that lexical translation problems were most often associated with idioms and the vocabulary lacking equivalents in the TL, as well as the dependence of texts on the visual component of works of art. Stylistic problems, in turn, were due to the need to preserve the functional and stylistic characteristics of the original.

Key words: translation, texts on art, museum text, stylistic problems of translation, lexical problems of translation.

About the authors:

Ryabkova Irina Pavlovna, Candidate of Philology, Associate Professor, the Department of Translation and Applied Linguistics (English and German), the Institute of Language and Literature, Udmurt State University, Izhevsk; e-mail: irina-ryabkova@bk.ru.

Deryugina Alyona Alekseevna, Bachelor of Linguistics, the Institute of Language and Literature, Udmurt State University, Izhevsk; e-mail: alyonaderalija@mail.ru.

References:

1. "Dictionary of Contemporary Museum Terms." *Museum*, no. 5, 2009, pp. 47–68.
2. Zharkova, Yu. A. "The Embodiment of the Iconic Nature of the Fine Arts in Art Criticism Discourse." *Bulletin of the Chelyabinsk State University*, no. 33, 2011, pp. 52–54.
3. Minyar-Beloruicheva, A. P. "Polycode Nature of Art Criticism Discourse." *Bulletin of South Ural State University*, no. 4, 2017, pp. 16–20.
4. Yerokhina, A. B. "The Pragmatics of Metaphor in the English-Language Critical Art Criticism Discourse." *Philological Disciplines. Issues of Theory and Practice*, no. 7, 2016, pp. 86–89.
5. Chikina, L. K. *Linguistics of the Text*. Saransk, 1986.
6. Nasonova, O. S., Privalova, Yu. V. "Stylistic Features of Translation of Texts of Art Criticism." *Achievements of Modern Natural Science*, no. 8, 2014, pp. 164–165.
7. Anisimova, A. G. *Methodology for Translating English Terms in the Humanities and Socio-Political Sciences*, Dr. Sci. (Philolog.) Dissertation, Moscow, 2010.
8. Gausenblaz, K. "On the Characterization and Classification of Speech Products" *New in Foreign Linguistics*, issue 8, 1978, pp. 57–78.
9. Yureneva, T. Yu. *Museology: Textbook for Higher Education Institutions*. Moscow, 2004.
10. Komissarov, V. N. *Linguistics of Translation*. Moscow, 2007.
11. Kozhevnikov, A. Yu. *Unabridged Dictionary of Synonyms of the Russian Language. Speech Equivalents*, vol. 2. St. Petersburg, 2003.
12. Ozhegov, S. I. *Explanatory Dictionary of the Russian Language*. Moscow, 2003.

Чертоусова С. В.*Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева, Саранск, Россия***АДАПТАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ КАРТИНЫ МИРА
В ПЕРЕВОДАХ СКАЗОК ОРАСИО КИРОГИ НА РУССКИЙ ЯЗЫК**

В статье выявляются особенности перевода сказок уругвайского писателя Орасио Кироги на русский язык в аспекте лингвокультурологии. Актуальность исследования обусловлена возрастающим интересом к сказочному дискурсу в современной лингвистике и многочисленным попыткам перевода и адаптации классических сказочных сюжетов к различным культурам. Выбор практического материала продиктован наличием в сказках Орасио Кироги разнообразных типов лексики с национальным и культурным компонентами, отражающих национальную картину мира народов Южной Америки и составляющих эстетическую ценность художественного произведения, которую необходимо адекватно передать в тексте перевода. Во введении уточняется понятие национальной картины мира и определяются ее составляющие в пространстве литературной сказки. Выделяются особенности построения и лингвистического наполнения текстов Орасио Кироги. Целью исследования стало выявление наиболее оптимальной стратегии передачи национально-культурного фона сказки в переводе на русский язык. Анализируются основные трудности при передаче ономастического пространства сказки и тропеических средств в переводе с испанского языка на русский язык. Особое внимание уделено способам соблюдения жанрово-стилистической нормы перевода, в том числе нейтрализации элементов жестокости и натурализма в современных детских сказках. В результате делается вывод о том, что стратегия доместикации позволяет адаптировать текст для реципиента, не обладающего обширными фоновыми знаниями о культуре носителей языка оригинала, что особенно важно при переводе детской литературы. Неизбежная при таком подходе потеря информации никак не влияет на адекватный перенос национальной картины мира в иную культурную среду и на отражение главных нравственных ценностей, заложенных автором в произведение.

Ключевые слова: сказка, национальная картина мира, национально-культурный фон, доместикация, культурная адаптация, ономастическое пространство.

Сведения об авторе:

Чертоусова Светлана Викторовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории речи и перевода, Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева (г. Саранск, Россия); e-mail: pippi-langstrumpf@yandex.ru. ORCID: 0000-0002-8026-6372.

Введение

Сказочный дискурс неоднократно становился объектом лингвистического исследования, в том числе и с позиций переводоведения. Особенности перевода как народных, так и авторских сказок на русский язык выявляются на материале некоторых европейских языков (английского [Зимянина, 2015], немецкого [Селезень, 2016], французского [Никитина, 2015]); ряд работ посвящен китайскому фольклору [Новикова, Лобанова, 2014]. Тем не менее, полученные теоретические результаты нельзя считать исчерпывающими, поскольку помимо общих языковых и структурных закономерностей построения сказки, при переводе особую важность приобретают специфические черты отраженной в тексте национальной картины мира, которые составляют эстетическую ценность произведения и должны быть адекватно переданы на языке перевода. В частности, интересный материал для сопоставительного

анализа представляют сказки уругвайского писателя Орасио Кироги, уже давно ставшие классикой детской литературы в странах Латинской Америки и знакомые русскоязычному читателю по переводам середины 50-х годов прошлого века, выдержавшим ряд переизданий. Особенности адаптации национальной картины мира жителей южноамериканской сельвы для русскоязычного читателя и стали предметом настоящего исследования.

Для начала уточним, что под национальной картиной мира в данной статье мы будем понимать «упорядоченную систему представлений национальной общности о мире, окружающей действительности, опосредованных языковыми составляющими» [Каналаш, 2011: 62–63]. Таким образом, сюда будут относиться не только объекты, окружающие группу языковых личностей, принадлежащих к одному этносу, но также и их ценности, модели поведения, реакции на типичные ситуации и пр. В дискурсе сказки все эти аспекты национальной картины мира могут проявляться как эксплицитно (через описание окружающей действительности – предметов быта, природы, животных, традиций и обрядов), так и имплицитно, посредством оценочной характеристики поступков героев и формулирования морали повествования, которая традиционно присутствует в сказках.

Отметим также универсальность жанра сказки в литературных традициях многих культур, что в определенной степени должно облегчить ее перевод на другие языки (в противоположность не имеющим точных аналогов в других культурах японским хайку, английским лимерикам, испанским коплам и т. д.). Как фольклорным, так и литературным сказкам присущи следующие черты: выполнение одновременно развлекательной и воспитательной функций, установка на вымысел и непосредственная связь с действительностью, особое композиционное построение текста (зачин, развитие сюжета, концовка) и линейное развитие событий без включения второстепенных сюжетов, отсутствие указания на точное время повествования. Героями сказок являются обычные люди с четко поляризованным характером и делением на положительных и отрицательных персонажей [Намычкина, 2010: 104–105]. Все перечисленные выше элементы присутствуют и в рассматриваемых в данной статье авторских сказках. Вместе с тем, при переводе необходимо учитывать своеобразные черты сказочного дискурса О. Кироги, о которых пойдет речь далее.

1. Стратегии передачи национально-культурного фона сказки в переводе

Сборник «Cuentos de la selva» («Сказки сельвы» или «Голоса сельвы» в русском переводе) состоит из восьми рассказов о дружбе животных и людей, погружающих юных читателей в мир тропического леса Южной Америки. Сам писатель долгое время жил в северной провинции Аргентины Мисьонес с детьми и именно для них писал эти сказки. Помимо увлекательного сюжета, Кирога стремился пробудить у детей интерес к природе родного края и в непринужденной форме рассказать об особенностях среды обитания и поведения некоторых животных [Villamizar, 2020: 428]. В таком случае использованный О. Кирогой антропоморфизм – наделение животных человеческими качествами – намного упрощает передачу ключевой воспитательной идеи сказки [Corti, 2012].

При передаче национально-культурного фона художественного произведения в переводе возможно использование одной из двух противоположных стратегий: культурного отчуждения (форенизации) или культурного освоения (доместикации). В первом случае переводчик стремится сохранить языковые и культурные ценности оригинала, а во втором – максимально адаптировать текст к языку и культуре перевода. Часто используемая при переводе сказок доместикация позволяет добиться не только ясности и понятности текста для юного читателя, чьи фоновые знания обычно весьма ограничены, но и точности передачи его дидактического потенциала. Однако следует иметь в виду, что текст перевода, в котором отсутствуют отличительные черты иностранного текста, а незнакомые понятия и явления опускаются или заменяются сходными явлениями культуры языка перевода, не передает национально-специфический колорит оригинала, играющий важную роль в пространстве

сказочного дискурса [Чертоусова, 2020: 105]. Поэтому наиболее оптимальным решением считается сохранение в переводе истинности без утраты при этом специфической ценности оригинала [Костикова, 2012: 111].

Пожалуй, самым заметным и нетривиальным примером доместикации с применением контекстуальной замены можно считать перевод сказки О. Кироги «Historia de dos cachorros de coatí y dos cachorros de hombre»: в ней главные герои – маленькие зверьки коати – заменены в одной из версий перевода на барсуков и енотов – в другой. Таким образом, название сказки переведено как «Сказка про двух барсучат и про двух ребят» и «Сказка про енотиков». Примечательно, что оба перевода выполнены в середине XX в. одним переводчиком – Робертом Васильевичем Похлебкиным. В связи с этим нельзя обосновать разный выбор главных персонажей переводческой предпочтением или особенностями диахронического перевода. В данном случае перед нами встает главный вопрос: оправдана ли такая замена с точки зрения целостности текста перевода и не может ли она стать причиной смысловых ошибок в отдельных отрывках? В частности, необходимо учитывать многочисленные детальные описания поведения животных О. Кирогой, которые принесли ему славу «Киплинга Южной Америки», например, в анализируемой сказке мама-коати учит детей искать фрукты и птичьи яйца для пропитания, а также забираться на деревья. Справочники по биологии подтверждают, что и барсуки, и еноты всеядны и могут прыгать по веткам. Кроме того, по внешнему облику коати – млекопитающее семейства енотовых – похож на знакомых русскоязычному читателю енота и барсука. Значит, замену в обоих случаях можно признать удачной и полностью адекватной.

Названия других представителей флоры и фауны южноамериканской сельвы часто передаются в переводе при помощи генерализации – замены видового понятия родовым (например, жесткокрылый жук – жучок, горлица – дикий голубь и др.):

El mayor de ustedes, que es muy amigo de cazar *cascarudos*, puede encontrarlos entre los palos podridos, porque allí hay muchos *cascarudos* y *cucarachas* [Quiroga, 2018: 73].

El mayor, que quería comer *cascarudos*, buscó entre los palos podridos y las hojas de los *yuyos*, y encontró tantos, que comió hasta quedarse dormido [Quiroga, 2018: 74].

Se acercaron muy inquietos y vieron entonces, en el momento en que casi la pisaban, una enorme *víbora* que estaba enroscada a la entrada de la jaula [Quiroga, 2018: 80].

El tercero, que era loco por los huevos de pájaros, tuvo que andar todo el día para encontrar únicamente dos nidos; uno de *tucán*, que tenía tres huevos, y uno de *tórtola*, que tenía sólo dos [Quiroga, 2018: 74].

Старший из вас, большой охотник ловить *жуков*, найдет их среди палых веток, где водится много *жучков* и *букашек* [Кирога, 1982: 46].

Старший, который любил ловить жучков, поискал их среди гнилушек и *опавших листьев* и нашел столько, что ел, пока не заснул [Кирога, 1982: 48].

Они с тревогой приблизились к клетке и чуть не наступили на огромную *змею*, свернувшуюся клубком у самого входа [Кирога, 1982: 52].

Младший, который обожал птичьи яички, бродил целый день и нашел всего лишь два гнездышка: одно – *птички тукана* (в нем было три яичка), а другое – *дикого голубя* (в нем было только два) [Кирога, 1967: 62].

При этом нельзя утверждать, что при переводе происходит потеря существенной информации; в приведенных выше примерах названия животных и растений служат для создания фона повествования, т. е. они должны быть четко идентифицированы юными читателями для общего понимания сказки. Значит, культурная адаптация в данном случае обязательна. В последнем примере сохраненное название птицы тукана сопровождается пояснительным существительным – «птичка», этого вполне достаточно для правильной интерпретации текста.

В отличие от народных волшебных сказок, в которых часть национальной картины мира представляют антропонимы – говорящие имена персонажей, особенностью авторской сказки является включение в нее реалий настоящего. В анализируемой сказке у животных нет имен, а ономастическое пространство представлено всего двумя топонимами, которые были переданы в переводе транскрипцией:

El segundo, que prefería las frutas a cualquier cosa, comió cuantas naranjas quiso, porque aquel naranjal estaba dentro del monte, como pasa en *el Paraguay y Misiones*, y ningún hombre vino a incomodarlo [Quiroga, 2018: 74].

Средний, который предпочитал фрукты любому другому кушанью, вдоволь наелся апельсинов, потому что в *Парагвае и Мисьонес* апельсиновые рощи находятся далеко-далеко, в лесных чащах, и люди не заходят туда [Кирога, 1967: 64].

В качестве альтернативы данному способу передачи имен собственных возможна замена онимов реалиями культуры языка перевода, однако в таком случае возникнет необходимость в более комплексных трансформациях с целью недопущения логических ошибок: например, в анализируемом предложении переводчику сложно было бы подыскать пример региона России с густыми апельсиновыми рощами.

2. Стилистический аспект перевода сказок О. Кироги

При переводе произведений художественной литературы, в том числе и сказок, трудность могут представлять средства художественной выразительности, такие как метафоры, аллюзии, а также стилистически окрашенная лексика, поскольку в них отражаются культурные особенности мировоззрения и мышления народа. Впрочем, не все тропы содержат национальный или культурный компонент и могут переноситься из одной культуры в другую без смысловых и стилистических потерь. Словосочетание «*cachorros de hombre*» («человечьи детеныши»), включенное в название сказки, не является авторским окказионализмом и встречается в других текстах детской литературы, как на испанском, так и на русском языке. Тем не менее, в заголовках обоих рассматриваемых переводов оно отсутствует. Таким образом, не сохраняется использованный автором лексический повтор: «*Historia de dos cachorros de coatí y dos cachorros de hombre*».

Небольшие стилистические различия оригинала и переводов наблюдаются и в следующих отрывках, где в текст на русском языке включены малоиспользуемые в настоящее время лексемы «гумно», «вёдро» и «взапуски», которые могут быть не совсем понятны современному юному читателю и восприниматься им как архаизмы:

Mientras el coatí esperaba en la orilla del monte que cerrara bien la noche para ir al gallinero, el hombre de la casa jugaba sobre la *gramilla* con sus hijos, dos criaturas rubias de cinco y seis años, que *corrían* riendo, se caían, se levantaban riendo otra vez, y volvían a caerse [Quiroga, 2018: 76].

Пока барсучонок ожидал на опушке леса наступления ночи, чтобы отправиться в курятник, человек, который жил в домике, играл на *гумне* со своими детьми, двумя светловолосыми малышами пяти и шести лет, которые, смеясь, *бегали взапуски*, падали, снова, смеясь, поднимались и снова падали [Кирога, 1967: 65].

Efectivamente, todas las noches, *lloviera o no*, su madre y sus hermanos iban a pasar un rato con él [Quiroga, 2018: 80].

И действительно, каждую ночь, *в дождь и в вёдро*, мать и братья приходили навещать пленника [Кирога, 1967: 67].

При переиздании сказок О. Кироги (напомним, впервые они были переведены в середине прошлого века) представляется логичным заменить указанные выше слова и выражения на контекстуальные соответствия «луг», «солнечная погода» и «бегать наперегонки».

3. Социокультурная адаптация сказок О. Кироги к русской лингвокультурной традиции

Дидактическая функция истории о детенышах коати заключается в том числе и в предупреждении детей об опасности ядовитых змей. Один из героев сказки – детеныш коати – умирает от укуса гадюки, и автор подробно поясняет произошедшее: «Los coatis son casi refractarios, como se dice, al veneno de las víboras. No les hace casi nada el veneno, y hay otros animales, como la mangosta, que resisten muy bien el veneno de las víboras. Con toda seguridad el coaticito había sido mordido en una arteria o una vena, porque entonces la sangre se envenena enseguida, y el animal muere. Esto le había pasado al coaticito» [Quiroga, 2018: 82]. – «Коати, как известно, почти не восприимчивы к яду гадюк. Яд практически не действует на них. Есть и другие животные, такие как мангусти, организм которых очень хорошо сопротивляется яду гадюки. Маленького коати наверняка укусили в артерию или вену, потому что тогда кровь сразу же отравляется, и животное умирает. Это и случилось с детенышем коати» (*Пер. авт.*). В переводе Р. В. Похлебкина данный фрагмент опущен. Это объяснимо, прежде всего, необходимостью культурной адаптации содержания сказки к русской лингвокультурной традиции, а также к современной жанрово-стилистической норме в целом, которые не предусматривают элементов натурализма и жестокости в текстах для детей. Несмотря на то, что во всех сказках О. Кироги из цикла «Голоса сельвы» счастливый конец, каждая история представляет собой постоянную борьбу за выживание: герои-животные противостоят силам природы, человеку и современному миру, способному разрушить их среду обитания. Таким образом, в своих сказках О. Кирога поднимает насущные проблемы, с которыми дети могут столкнуться в будущем, и описывает их без прикрас.

Следует отметить, что «недетский» характер присущ не только аргентинской детской литературе, он неоднократно отмечался и у классических сказок Ш. Перро и братьев Гримм [Carter M., García S. F., Vera A. L., Ornelas K., Ferreira A., Barbosa G., Guerra D., 2020]. Однако в последние десятилетия в мировой литературе в целом намечается тенденция исключения элементов жестокости и натурализма из детской литературы, обусловленная стремлением защитить чувства ребенка и уберечь его от психологических травм в столь юном возрасте [Garralón, 2015: 39]. В переводе это выражается в использовании приемов генерализации и опущения. Сравним:

Voy a poner la trampa para cazar a la comadreja que viene a *matar los pollos* y robar los huevos [Quiroga, 2018: 76].

En un segundo, entre los tres, enloquecieron a la serpiente de cascabel, saltando de aquí para allá, y en otro segundo, cayeron sobre ella, *deshaciéndole la cabeza a mordiscones* [Quiroga, 2018: 81].

Volvieron a la casa, y un nuevo coaticito reemplazó al primero, mientras la madre y el otro hermano se llevaban sujeto a los dientes el *cadáver* del menor. Lo llevaron despacio al monte, y *la cabeza colgaba, balanceándose*, y la cola iba arrastrando por el suelo [Quiroga, 2018: 83].

Выражения «убивать цыплят», «разорвать голову на кусочки», «голова свисала, раскачиваясь», являясь более точными стилистическими эквивалентами словосочетаниям оригинала, не типичны для текстов детской литературы в русскоязычной лингвокультуре и поэтому заменены на более нейтральные варианты.

Я пойду поставлю капкан, чтобы в него попала ласка, которая приходит *таскать цыплят* и куриные яйца [Кирога, 1982: 49].

В одну секунду они свели с ума гремучую змею, прыгая туда-сюда перед ее глазами, а в следующую секунду они напали на нее и *убили* [Кирога, 1967: 68].

Они вернулись в лес, унеся с собой мертвого барсучонка, а вместо него в клетке остался средний брат. Бедный мертвый барсучонок! *Голова его склонилась*, хвостик волочился по земле [Кирога 1967: 69].

Дополнительную информацию о национальной картине мира испаноязычные читатели получают также из лексико-синтаксических единиц, принадлежащих к южноамериканскому национальному варианту испанского языка. Учет межвариантной синонимии чаще необходим при переводе не с испанского, а на испанский язык. В анализируемой сказке диалектальные и региональные особенности текста оригинала никак не проявляются в тексте перевода и заменяются нейтральными эквивалентами:

¡Qué *zongo* soy! Ahora ya sé qué pájaro es ése [Quiroga, 2018: 75].

Bueno, se lo voy a dar – respondió el padre. – Pero *cuidenlo* bien, y sobre todo *no se olviden* de que los coatís toman agua como *ustedes* [Quiroga, 2018: 77].

Ну и *глупый* же я! Теперь-то я знаю, что это за птица [Кирога, 1967: 64].

Хорошо, я отдам его вам, – согласился отец. – Но только *ухаживайте* за ним хорошенько, и главное – не *забывайте*, что барсуки пьют воду, так же как и *вы* [Кирога, 1967: 66].

Заключение

Проведенный анализ выявил особенности перевода сказок О. Кироги на русский язык в аспекте лингвокультурологии. При переносе сказок для детей в новую культурную среду необходимо осуществлять социокультурную адаптацию текста и учитывать фоновые знания потенциального реципиента. В рассмотренных текстах перевода на русском языке сохранена национальная специфика произведения – его национально-культурный фон, выраженный в многочисленных названиях растений и животных аргентинской сельвы – и вместе с тем проведены необходимые трансформации в рамках стратегии доместикации с целью облегчения понимания текста юным читателем и соблюдения жанрово-стилистической нормы перевода. Являясь универсальным средством воспитания и познания, сказки имплицитно отражают систему ценностей народа, поэтому при переводе необходимо правильно передать аксиологическое содержание произведения. С нашей точки зрения, главная нравственная идея сказки о детенышах коати – важность дружбы и совершения добрых поступков – в переводе Р. В. Похлебкина полностью сохранена. Актуальность изучения сказочного дискурса подтверждает возрастающий интерес к адаптации как народных, так и авторских сказок для интерсемиотического перевода: большой популярностью не только у детей, но и у взрослых пользуются сериалы, фильмы и мультфильмы по мотивам знакомых всем сказок. Восприятие классических сюжетов с учетом различий в культурах реципиентов, с одной стороны, и глобализации мира, с другой стороны, открывает новое поле для исследований в данной области.

Литература:

1. Зимянина В. Н. Перевод авторских сказок Оскара Уайльда и проблема их адаптации к иной культуре // Вестник Российского Университета Дружбы Народов. Серия: Вопросы образования: Языки и специальность. 2015. N 5. С. 349–353.
2. Селезень О. А. Языковые особенности современной немецкой литературной сказки // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2016. N 3 (742). С. 19–29.
3. Никитина М. С. Особенности перевода реалий французских народных сказок // Мировая литература на перекрестье культур и цивилизаций. 2015. N 3 (11). С. 75–82.
4. Новикова А. С., Лобанова Т. Н. Тексты китайских сказок в аспектах аксиологии и перевода // Science Time. 2014. N 4. С. 147–155.
5. Каналаш О. П. Языковая и национальная картины мира как компонент лингвистического исследования // Lingua mobilis. 2011. N 1 (27). С. 60–64.
6. Намычкина Е. В. Сказка как литературный жанр // Вестник Вятского государственного университета. 2010. N 3. С. 103–108.
7. Villamizar, G. Fractura y resistencia en algunos cuentos misioneros de Horacio Quiroga // Revista chilena de literatura. 2020. Vol. 101. P. 427–442.

8. Corti, E. Algunas Observaciones Sobre la Representación Antropomórfica de los Animales en la Escritura de Horacio Quiroga // *Iperstoria*. 2012. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://hdl.handle.net/10446/28209>.
9. Чертоусова С. В. Стратегия доместикации при переводе художественных произведений с русского на испанский язык в аспекте диахронии // *Образ мысли: Актуальные вопросы русско-испанского и испано-русского перевода: материалы Первой междунар. науч.-практ. конф.* СПб.: Изд-во Междунар. асс-ция препод-лей рус. яз. и лит-ры, 2020. С. 104–109.
10. Костикова О. И. Истинностные и ценностные аспекты перевода сказки // *Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода*. 2012. N 2. С. 100–113.
11. Quiroga H. Historia de dos cachorros de coati y dos cachorros de hombre // *Cuentos de la selva*. Ministerio de Educación de la Nación. 2018. P. 71–83.
12. Кирого О. Сказка про енотиков // *Сказки сельвы*. Анаконда. М.: Детская литература, 1982. С. 46–54.
13. Кирого О. Сказка про двух барсучат и про двух ребят // *Голоса сельвы*. М.: Художественная литература, 1967. С. 61–69.
14. Carter M., García S. F., Vera A. L., Ornelas K., Ferreira A., Barbosa G., Guerra D. Translating The Violent Content of Grimm Brothers' Fairy Tales: an Eye-Tracker Experiment // *Cadernos de Tradução*. 2020. Vol. 40 (1). P. 17–33.
15. Garralón A. Temas y Modos en la Literatura Infantil Latinoamericana // *Cuadernos Hispanoamericanos*. 2015. Vol. 776. P. 33–47.

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Chertousova S. V.

Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russia

ADAPTATION OF THE NATIONAL WORLD PICTURE IN RUSSIAN TRANSLATIONS OF HORACIO QUIROGA'S TALES

The present research reveals the specifics of translations of Horacio Quiroga's tales into Russian from the point of view of cultural linguistics. The relevance of the problem discussed is due to the growing interest in the discourse of fairy tales in modern linguistics and numerous attempts to translate and adapt classical fairy tale stories to different cultures. The choice of the analyzed material is determined by the presence of various types of vocabulary with national and cultural components in the tales of Horacio Quiroga that reflect the national world picture of the peoples of South America and constitute the aesthetic value of a literary work, which must be adequately conveyed in the translation. The introduction clarifies the notion of the national world picture and defines its components in a literary tale. The specific features of construction and linguistic content of Horacio Quiroga's texts are highlighted. The purpose of the study was to identify the optimal strategy for conveying the national and cultural background in the translation of literary tales into Russian. The main difficulties in conveying the onomastic component of a tale and the employed figures of speech in translations from Spanish into Russian are analyzed. Special attention is given to the methods of compliance with the genre and style norms of translation, including the neutralization of elements of cruelty and naturalism in modern fairy tales for children. As a result, a conclusion is made that the domestication strategy makes it possible to adapt the text for the recipient who does not have an extensive background knowledge about the culture of the original text, which is especially important when translating children's literature. The inevitable loss of information does not affect in any way the adequate transfer of the national world picture to a different culture and the reflection of the main moral values laid down by the author in the literary work.

Key words: tale, national world picture, national and cultural background, domestication, cultural adaptation, onomastic component.

About the author:

Chertousova Svetlana Viktorovna, Candidate of Philology, Associate Professor, the Department of Speech Theory and Translation, Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia), e-mail: pippi-langstrumpf@yandex.ru. ORCID: 0000-0002-8026-6372.

References:

1. Zimyanina, V. N. "Translation of Oscar Wilde Tales and Their Adaptation Problems to another Culture." *Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Problems of Education: Languages and Specialty*, no. 5, 2015, pp. 349–353.
2. Selezhen', O. A. "Linguistic Characteristics of Modern German Literary Tales." *Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanitarian Sciences*, no. 3 (742), 2016, pp. 19–29.
3. Nikitina, M. S. "Translating French Folk Tales Realia." *World Literature on the Crossroads of Cultures and Civilizations*, no. 3 (11), 2015, pp. 75–82.
4. Novikova, A. S., Lobanova, T. N. "Texts of Chinese Fairy Tales in Aspects of Axiology and Translation." *Science Time*, no. 4, 2014, pp. 147–155.
5. Kanalash, O. P. "National Picture of the World as Part of Linguistic Research." *Lingua Mobilis*, no. 1 (27), 2011, pp. 60–64.
6. Namychkina, E. V. "Fairy Tale as a Literary Genre." *Herald of Vyatka State University*, no. 3, 2010, pp. 103–108.
7. Villamizar, G. "Fractura y resistencia en algunos cuentos misioneros de Horacio Quiroga." *Revista chilena de literatura*, vol. 101, 2020, pp. 427–442.
8. Corti, E. "Algunas Observaciones Sobre la Representación Antropomórfica de los Animales en la Escritura de Horacio Quiroga." *Iperstoria*, 2012, <http://hdl.handle.net/10446/28209>.
9. Chertousova, S. V. "Domestication Strategy in the Rendering of Russian Literary Works into Spanish in Diachronic Aspect." *Modos de Pensar: Cuestiones Actuales de Traducción Ruso-Español / Español-Ruso: Reports of the First International Scientific and Practical Conference, Saint-Petersburg, 2020*, pp. 104–109.
10. Kostikova, O. I. "Translating Fairy Tales: Truth and Value Aspects." *Moscow University Translation Studies Bulletin*, no. 2, 2012, pp. 100–113.
11. Quiroga, H. "Historia de dos Cachorros de Coatí y dos Cachorros de Hombre." *Cuentos de la Selva*. Ministerio de Educación de la Nación, 2018, pp. 71–83.
12. Quiroga, H. "Fairy Tale about Little Raccoons." *Jungle Tales. Anaconda: Fairy Tales*, Moscow, 1982, pp. 46–54.
13. Quiroga, H. "Fairy Tale about Two Little Badgers and Two Boys." *Voices of Selva*, Moscow, 1967, pp. 61–69.
14. Carter, M., García, S. F., Vera, A. L., Ornelas, K., Ferreira, A., Barbosa, G., Guerra, D. "Translating The Violent Content of Grimm Brothers' Fairy Tales: an Eye-Tracker Experiment." *Cadernos de Tradução*, vol. 40 (1), 2020, pp. 17–33.
15. Garralón, A. "Temas y Modos en la Literatura Infantil Latinoamericana." *Cuadernos Hispanoamericanos*, vol. 776, 2015, pp. 33–47.

Шамлиди Е. Ю.

Пятигорский государственный университет, Пятигорск, Россия

**ЯЗЫК СМИ И ЕГО РОЛЬ В ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
(НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ)**

Данная статья посвящена характеристике современных медиатекстов, их разновидностей и важности их изучения переводчиками. Донесение информации с помощью СМИ отражает современное состояние общественных и государственных систем и отношений между ними. Поскольку современные западные СМИ спонсируются и управляются крупными политическими партиями, объединениями и корпорациями, а авторы текстов и сообщений выступают проводниками идеологии этих организаций, в современных медиатекстах чисто информативная функция (беспристрастное сообщение новостей) все чаще совмещается с интенцией воздействия на аудиторию с целью – при помощи как чисто языковых, так и некоторых внеязыковых средств – сформировать у адресата определенную картину современного мира, выгодную правящим элитам. В этом свете особую важность для переводчиков представляет знание общественно-политической терминологии (ОПТ), а также научно-технических и гуманитарных терминов, которые неизбежно проникают в СМИ при условии приобретения этими терминами статуса социальной или политической значимости. Становясь общеизвестными, термины различных отраслей научных знаний формируют в рамках ОПТ особые микрополя, отражающие понятия государственного устройства, органов власти и общественного порядка, административно-территориального деления страны; социальной структуры общества, систем партийных и общественных объединений, организаций; культурной жизни общества; прав и обязанностей членов общества, международных отношений, институтов, государственных объединений и их политических систем, и др. Переводчикам, которые отслеживают и усваивают лексику этих микрополей, гораздо легче справиться с переводом относящихся к этим микрополям текстов. Особое внимание в статье уделяется англоязычному газетному информационному стилю: анализируются заголовки публикаций, лексические и синтаксические особенности медиатекстов, современная тенденция смешения официального стиля с разговорным, средства достижения образности и проч. Отмечается возрастающее употребление с определенными прагматическими целями оценочной и экспрессивной лексики. Также подчеркивается, что для успешного ведения устной переводческой деятельности переводчикам необходимо уделять особое внимание усвоению вплоть до автоматизма устойчивых речевых комплексов, клише, их переводческих эквивалентов и аналогов.

Ключевые слова: медиатекст, Интернет, общественно-политическая терминология, информационный стиль, газетный стиль, устойчивые выражения, переводческая деятельность, коммуникативное воздействие.

Сведения об авторе:

Шамлиди Евгений Юрьевич, кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры теории и практики перевода, Институт переводоведения и многоязычия, Пятигорский государственный университет (г. Пятигорск, Россия); e-mail: evgeny.yu@yandex.ru.

Введение

XXI в. характеризуется стремительным ростом и распространением новых информационных технологий и средств массовой коммуникации. Это влечет за собой изменения, как в способах подачи информации, так и самого языка СМИ, что и определяет актуальность

данного небольшого исследования. Язык СМИ уже давно находится в фокусе внимания лингвистов, и множество исследований посвящено описанию и анализу разных его граней и аспектов (см. работы Г. Я. Солганика, И. М. Кобозевой, А. М. Баранова, Х. Вайнриха, Л. Болинджера, Т. А. ван Дейка и др.). В фокусе внимания данной статьи – новые тенденции языка СМИ, направленные на привлечение внимания адресата и выстраивание его менталитета в определенном политическом и идеологическом русле.

Цель статьи – продемонстрировать разнообразие языка современных СМИ и доказать важность понимания и усвоения медиатекстов переводчиками для успешного осуществления ими переводческой деятельности. Указанная цель постулирует следующие задачи: определение функций СМИ на современном этапе; обоснование нивелирования информативного стиля и его слияние с публицистическим стилем в силу прагматических причин воздействия на адресата; обоснование важности и актуальности владения переводчиками общественно-политической терминологией; выявление причин поглощения СМИ терминов из различных сфер жизнедеятельности; характеристика газетного стиля как особой функциональной разновидности литературного языка, его лексических и грамматических особенностей на современном этапе; определение роли газетных заголовков и заголовков публикаций СМИ; выявление причин фамилиаризации информационного стиля СМИ путем включения эмотивных и экспрессивных стилистических средств, коллоквиальных, сленговых и жаргонных элементов; определение языковых и внеязыковых средств, используемых адресантом для заданного коммуникативного и прагматического воздействия на получателя информации.

1. Традиционные СМИ и Интернет. Нивелирование традиционного информационного стиля

Создание с помощью Интернета единого глобального информационного пространства (всемирной паутины) повлияло на то, что информация, преподносимая традиционными СМИ – печатью, радио, телевидением, – уже не принимается безоговорочно, а проверяется и уточняется по многим Интернет-источникам, иногда критикуется и даже опровергается. В отличие от традиционных СМИ, Интернет стал средой для коммуникации в более широком смысле, включающей межличностную и публичную формы общения, поскольку за новостными сообщениями следуют многочисленные комментарии читателей, которые нередко вступают в споры с авторами публикаций. Таким образом, Интернет превратился в многофункциональную систему, основными функциями которой являются не только информационная, но и экономическая, социальная, межличностная и прочие [Кутюгин, 2009; Богданов, 2011].

Донесение информации с помощью СМИ отражает современное состояние общественных и государственных систем и отношений между ними. Отличительные черты современных СМИ – это публичность, доступность, что предполагает неограниченный круг пользователей, который меняется в сторону увеличения или уменьшения в зависимости от проявленного интереса к той или иной передаче, сообщению или статье; периодичность, т. е. регулярность распространения информации; наличие современных технических средств для распространения информации, а также взаимодействие между отправителями информации.

Основные подсистемы СМИ – Интернет, печать, радио и телевидение, каждая из которых состоит из огромного числа сайтов, каналов, газет, журналов, альманахов, радио- и телепрограмм, – распространяют информацию на разных языках как в глобальном масштабе, так и в небольших, даже в самых отдаленных регионах. Этому способствует наличие дополнительных технических средств, таких как спутниковый Интернет и телевидение, кабельные сети, цифровые телекоммуникационные сети, мобильная телефония, системы Whatsapp, Wi-Fi, WIMAX и др. Главная функция СМИ – донести до адресата информацию в доступном виде.

В современных медиатекстах чисто информативная функция (беспристрастное сообщение новостей) при освещении таких актуальных тем как политика, экономика, философия, культурные воззрения, воспитание, повседневный быт и т. д. все чаще совме-

щается с интенцией воздействия на аудиторию. Поскольку современные западные СМИ спонсируются и управляются крупными политическими партиями и корпорациями, авторы сообщений выступают проводниками идеологии этих объединений, стремясь при помощи самых разнообразных средств сформировать у адресата определенную картину современного мира, выгодную правящим элитам. Так, выступая в октябре 2018 г. перед студентами и преподавателями Йельского университета, В. Познер отметил, что за последнее время в СМИ США он не нашел ни одного позитивного упоминания о России, что свидетельствует о стремлении определенных правящих кругов постоянно создавать из России образ врага. Это также присуще партнерам США по НАТО [Познер, 2018].

2. Общественно-политическая терминология

Особую важность для переводчиков в языке СМИ представляет знание общественно-политической терминологии (ОПТ), которая наряду с научно-технической подсистемой образует общетерминологическую систему языка СМИ [Гейко, 2013: 194–197]. Особенность ОПТ состоит в том, что она поглощает термины общественных, естественных, технических, гуманитарных наук, как и многих других областей, при условии приобретения терминами статуса социальной или политической значимости [Казюлина, 2011: 321–325]. Примером может служить слово «импичмент», которое стало рекуррентным при описании Уотергейтского скандала 1972–1974 гг., закончившегося отставкой президента Ричарда Никсона.

До масштабного разлива нефти компанией Бритиш Петролеум в Мексиканском заливе в 2010 г. вряд ли кто из широкой общественности знал термин нефтегазовой отрасли *ВОР: blowout preventer* (противовыбросовое устройство), однако многократное его повторение в СМИ изменило ситуацию, и на некоторое время этот термин стал известен многим, а значит, он из нефтегазовой сферы переместился в сферу ОПТ. Подобным образом из-за распространения эпидемий получили известность медицинские термины *avian flu* (птичий грипп), *mad cow disease* (коровье бешенство – губчатая энцефалопатия у крупного рогатого скота), *SARS (severe acute respiratory syndrome)* – «атипичная пневмония» (тяжелый острый респираторный синдром), *COVID-2, COVID-19 – Corona Virus Disease* (коронавирусная инфекция) и многие другие.

Развитие общественно-политической жизни и связанные с ней процессы интернационализации и глобализации требуют изучения переводчиками этой общетерминологической системы, поскольку она служит основой для общения в данных сферах социальной деятельности. При введении терминов в язык СМИ их дефиниции, как правило, не приводятся, и только контекст или обращение к специальным словарям дает возможность определить их значение.

Любая проблема приобретает политический характер, если она затрагивает классовые интересы, государственную власть. Поэтому в рамках СМИ круг ОПТ значительно шире научно-технической терминосферы (НТТ). В то время как НТТ охватывает технические и естественные науки, ОПТ использует идеологизированную часть лексики науки, политики, юриспруденции, культуры, дипломатии, религии и т. д. Иначе говоря, ОПТ представляет собой ту часть лексикона, которая участвует в организации значимых общественно-политических текстов, без знания лексикона которых переводческая деятельность в этой сфере невозможна.

В круг ОПТ входят лексические единицы различных терминологических микрополей [Хакимова, 2013: 1141]. Приведем примеры:

- юриспруденция: *diplomatic immunity* (дипломатическая неприкосновенность), *to enact laws* (проводить законы в жизнь);
- дипломатия: *to pave the way for negotiations* (проложить путь к переговорам), *to negotiate a settlement* (вести переговоры об урегулировании);
- военная сфера: *to wage a war against smb.* (вести войну против кого-л.), *to come under friendly fire* (попасть под обстрел со стороны своих), *to deploy troops* (развертывать войска);

- выборы: *electoral college votes* (амер. голоса коллегии выборщиков), *to vote by proxy* (голосовать по доверенности), *to do exit polls* (проводить опрос на выходе из избирательных участков);
- социальная сфера: *general census of the population* – (всеобщая перепись населения), *to eradicate social injustice* (искоренить социальную несправедливость);
- экономика и финансы: *to boost economic growth* (способствовать / содействовать экономическому росту), *budget overrun* (превышение расходной части бюджета);
- административная сфера: *cabinet reshuffle* (перестановки в составе правительства), *shadow minister* (член теневого кабинета министров в Великобритании);
- психология: *appeasement behavior* (умиротворяющее поведение), *charisma rating* (степень популярности политического или общественного деятеля);
- сельское хозяйство: *crop rotation* (севооборот), *to cull animals* (отбраковывать животных).

Становясь общеизвестными, термины различных отраслей научных знаний формируют в рамках ОПТ особые микрополя, отражающие понятия государственного устройства, органов власти и общественного порядка, социальной структуры общества, систем партийных и общественных объединений, прав и обязанностей членов общества, международных институтов и объединений и т. д. Переводчикам, которые отслеживают и усваивают лексику этих микрополей, гораздо легче справиться с переводом относящихся к этим микрополям текстов.

В силу приведенных причин ОПТ не ограничена сферой общения ученых и специалистов, а выходит за рамки этой сферы и воспринимается широкими слоями общества.

В терминообразовании язык старается обойтись без посторонней помощи, своими силами, однако большой поток новшеств в ОПТ вынуждает его время от времени уступать иностранным заимствованиям [Загоровская, Есмаеел, 2008: 74–81]. Приведем примеры: *franchising* (франчайзинг или франшиза, хотя можно сказать «ведение бизнеса по лицензии другой фирмы») или «лицензионное соглашение»), *futures option* (фьючерсный опцион); названия видов спорта: *windsurfing* (виндсерфинг), *arm wrestling* (армрестлинг); прочие сферы: *badge* (бэйдж), *gadget* (гаджет), *interface* (интерфейс), *mainstream* (мейнстрим) и множество других.

Среди причин, которые способствуют относительно легкому проникновению иноязычных терминов в другой язык, определенное место занимают причины социально-психологического характера. Многие носители языка считают иностранное слово более престижным по сравнению с соответствующим словом родного языка. Так, по мнению участников научных конференций, *презентация* выглядит более респектабельно, чем привычное русское *представление* или *выступление*; *эсклюзивный* лучше, чем *исключительный*; *топ-модели* шикарнее, чем *лучшие модели*; *гламурный* звучит престижнее, чем *роскошный*, *обаятельный* или *модный*. Во французском языке слово *boutique* означает «лавочка, небольшой магазин», а в России оно приобрело значение «магазин дорогой и модной одежды».

3. Газетный стиль

Особое место среди остальных стилей СМИ занимает газетный стиль; он представляет собой функциональную разновидность литературного языка и широко применяется в газетах и журналах, на телевидении и радио, в Интернет-сообщениях, в новостных телевизионных передачах, политических выступлениях, речах, в пресс-релизах партий и общественных объединений. Газета, будучи периодическим печатным изданием, является одним из основных средств массовой информации и пропаганды [Клушина, 2010: 4, 8].

В языковом отношении для газетного стиля английского языка характерно использование политических и экономических терминов, клише, сокращений и неологизмов. Грамматической особенностью новостных сообщений является наличие сложных синтаксических конструкций, что обусловлено необходимостью изложить большое количество фактов наиболее кратко.

В идеале газетный стиль отличается от публицистического стиля тем, что последний в статьях комментаторов и редакционных колонках включает авторские оценки, характеризующиеся субъективными точками зрения. Однако на современном этапе различия между этими двумя стилями нечетки и размыты, поскольку нередко наблюдается их слияние [Некрасова, 2010: 138].

Наряду с упомянутыми стилями, в газете можно встретить официально-деловой стиль – при публикации документов общего значения, элементы научного стиля – при публикации научно-популярных статей, и, наконец, в газетах публикуются отрывки из художественных произведений или, чаще, встречаются аллюзии на них.

Газетный стиль включает: новостные материалы (хроника событий); краткие информационные сообщения, (Brief News); коммюнике (communiqué), спортивные новости / репортажи, рекламные материалы и т. п. Передовые статьи (editorials), аналитические обзоры собственных корреспондентов газеты на разные темы (политика, экономика, общественная жизнь, социальные проблемы, культура, наука и т. п.), критические статьи и фельетоны, комментарии и интервью в большей степени попадают под понятие «публицистический стиль» [Солганик, 2000: 202–211; Солганик, 2005].

Газета рассчитана на массовую аудиторию. Излагаемый материал не должен требовать от читателя предварительной подготовки, а зависимость от контекста должна быть минимальной, за исключением, пожалуй, газетных заголовков, о чем будет сказано ниже. Журналисты в погоне за свежими материалами обычно не имеют времени на тщательную их обработку, что ведет к частному использованию штампов: *pillars of society* (устой общества), *sticking point = stumbling block* (камень преткновения), *to stem violence* (положить конец насилию), *volatile region* (неспокойный / взрывоопасный регион), *to fuel a conflict* (способствовать разжиганию конфликта) и проч.

Необходимость достижения краткости и компактности высказываний естественно приводит к использованию определенных синтаксических и морфологических форм. Этим объясняется частое употребление таких глаголов, как *to seem, to believe, to appear, to say, to suppose*, например, в конструкции «сложное подлежащее»: *he is alleged to have been found guilty* (по непроверенным сведениям, его признали виновным). Эти глаголы наиболее удобны для того, чтобы передать сообщение, источнику которого не всегда можно верить. Отсюда использование таких оборотов, как: *... is believed to be missing..., it was reported that..., it is announced that..., it is rumoured that..., it is suggested that...* и т. п. [Зоидзе, 2013].

Ранее в научных публикациях отмечалась такая особенность стиля газетных сообщений, как отсутствие оценочных и эмоциональных элементов языка в лексическом или в синтаксическом выражении – за исключением воспроизведенной прямой речи. В настоящее время такая традиционная точка зрения не совсем правомерна, поскольку современный газетный стиль, становясь менее формальным, прибегает к использованию большего количества стилистических выразительных средств. Все чаще можно встретить применение выражений разговорной речи: *last-ditch effort* (последнее отчаянное усилие), *to hang by a thread* (висеть на ниточке), *economy is in tatters* (экономика разорвана в клочья) и др.

В газетных сообщениях прямая речь передается, как правило, в форме косвенной речи, хотя некоторые фразы могут частично оформляться кавычками, е. г. *US President Barack Obama ... said US participation in the coalition had saved “countless lives,” but that overthrowing Muammar Gaddafi by force would be a mistake* [BBC News, 2011].

Еще одна особенность газетного стиля – наличие сокращений и аббревиатур, которые фигурируют не только в заголовках, но и в самом тексте сообщений. Такие сокращения, как *A-war, H-bomb, PM, MP, GNP, GDP, IMF, WTO, WHO, COVID-19, HR (human resources), HQ (Headquarters), CEO (Chief Executive Officer), IT (information technology)* и др. стали обычным средством обозначения научных, политических, экономических, медицинских и прочих понятий.

3.1. Эмфатические элементы газетного стиля

В современных газетных сообщениях также можно встретить сленгизмы, жаргонизмы, диалектизмы и т. д., что раньше считалось недопустимым, например, “... *she sanctions the replacement of the note with a wretched coin, which is about as popular as a nettle-brush in a nudist colony*” (выделено автором – Е. Ш.), *The Sun*, 3rd April, 2013 г.); *to get kicks* – сленг. «получать кайф, тащиться»; *chopper* (воен. жарг. вертолет, «вертушка»); *big gun* (влиятельный человек, «большая шишка»); *grandstander* (амер. сл. «выпендрейщик», пижон, позер) (употреблено Д. Трампом).

В газетных статьях применяются также традиционные перифразы: *reat powers* – США, Англия, Франция, Германия; *across the pond* (по ту сторону Атлантического океана); *down under* (Австралия).

Газеты Англии и США применяют особый фамильярный стиль, который иногда применяется в обращении к руководителям государства и крупным политическим и военным деятелям. Так, в американских и английских газетах появляются фамильярные обращения типа *Maggie* (Margaret Thatcher); *Billy* (Bill Clinton), *Obozo* (Obama), *Trumpdozer* или *Trumpdard* (Donald Trump). Подобные перифразы также могут быть представлены блендами: *Newsweak* (перифраз названия известного журнала *Newsweek*), *rapefugees* (*refugees*), *presstitute* (продажный журналист), *dumbocrat party* (*democratic party*) и т. д.

Языку современных СМИ не чужда образность. Фразеология имеет свою интенцию эмоционально-оценочного воздействия на читателя [Колдунова, Есенова, 1998: 47–49]. Приведем некоторые примеры: *to call the shots* (командовать, распоряжаться); *to climb on the bandwagon* (примкнуть к победителям, примкнуть к победившей партии), *to drain the swamp* (осушить болото, т. е. сломать сложившуюся схему коррупционно-лоббистских отношений внутри политического истеблишмента); *to swallow smth. hook, line, and sinker* (безоговорочно поверить лжи); *travesty of justice* (насмешка над правосудием); *with egg on the face* (в неловком, смешном положении) и др.

При частом употреблении образные элементы постепенно теряют свою образно-эстетическую функцию и превращаются в штампы, как например: *to ward off danger* (отвести угрозу), *to sow the seeds of doubt* (сеять семена сомнения), *rogue state* (страна-изгой) и т. д.

Нельзя не отметить тенденцию современных СМИ использовать пословицы, поговорки, аллюзии, например: *between Scylla and Charybdis* (между Сциллой и Харибдой, между двух огней); *to come full circle* (библ. вернуться на круги своя); *feast or famine* (то густо, то пусто); *a fish rots from the head* (рыба портится с головы).

Не менее эффективным способом интенсификации прагматического потенциала является употребление метафор. Метафора является тем средством, с помощью которого в процессе мыслительной деятельности индивидуума явления окружающего мира отражаются, осмысливаются, приобретают модальность, оценочность, влияя на верификацию картины окружающего его мира [Юнеев, 2007: 3]. Особенно ярко проявляется роль метафор при описании трагических ситуаций, таких как конфликты, войны, природные катаклизмы и проч. Например: *muddy sea of death* (цунами в Японии – прим. автора) (*Sunday Mirror*, March 13th, 2011); *Can America truly afford prosecuting conflicts with Russia ... now that we have **already piled up a gargantuan debt mountain?*** (выделено автором – Е. Ш.) (*The Washington Post*, December 24th, 2014). Метафора лежит в основе формирования своеобразной политической фразеологии, причем не только в исходном языке. В этот процесс интернационализации вовлечены и другие языки, в том числе и русский. Вот некоторые примеры: *brain trust* (мозговой трест), *brain drain* (утечка мозгов), *brainwashing* (промывка мозгов); *big stick policy* (политика большой дубинки), *velvet revolution* (бархатная революция) и др.

Не обходятся современные тексты СМИ и без каламбуров, как в *A Breath of Fresh Heir* (pun on *A Breath of Fresh Air* – примечание автора) с подзаголовком «*A new royal baby*

is welcomed into the world» (Chelsea Park, Reporter, April 25, 2018), или *Between Iraq and a hard place* (pun on *Between a Rock and a Hard Place* – примечание автора) (BBC News, March 17, 2014).

К числу выразительных языковых средств СМИ можно отнести эвфемизмы, назначение которых состоит в том, чтобы выражать то же самое содержание в более мягкой и тактичной форме. СМИ не могут обойтись без эвфемизмов, так как политкорректность требует замены неподобающей для нее лексики. Эвфемизация проявляется в политической сфере еще и потому, что «эвфемизмы являются средством камуфлирования действительности и сильного манипулятивного воздействия на человека» [Цыбуляк, 2013: 149]. Слова, которые признаются оскорбительными или уничижительными, заменяются более пристойными эквивалентами, т. е. происходит корректирование языкового кода. Так, *war* нередко заменяется словами *conflict, involvement, action* или *effort; civilian deaths* (потери среди гражданского населения) подается как *collateral damage* (сопутствующие потери); *slums* (трущобы) заменяется на *substandard housing* (жилье ниже требований стандарта); вместо *economic crisis* все чаще употребляются синонимы или перифразы *recession, period of economic adjustment* или *period of negative economic growth*; слова *to fire, to sack smb.* (уволить кого-л.) заменяются на *to make smb. redundant*.

Политкорректность СМИ отражается в разных сферах, среди которых:

- возраст (*old person* → *senior citizen, golden ager*);
- названия представителей коренных народов и этнических меньшинств (*Eskimo* → *Inuit, Negro or black person* → *Afro-American*);
- профессии (*barman* → *bartender, businessman* → *executive, policeman* → *police officer, bus driver* → *bus operator*);
- именованя людей с физическими или умственными недостатками (*cripples or invalids* → *differently-abled people, bald* → *hair disadvantaged, follicularly challenged; fat, obese* → *full-figured, retarded* → *with learning difficulties, minimally exceptional*);
- эвфемизмы, камуфлирующие антигуманную политику, особенно агрессивные военные действия (*bombardment* → *limited air strike, air support, to kill* → *to neutralize*);
- эвфемизмы, повышающие статус женщины (*housewife* → *house maker, domestic engineer; stewardess* → *flight attendant; wife* → *domestic partner or spouse*);
- затушевывание негативного воздействия человека на природу (*deforestation* → *vegetation manipulation*);
- введение в заблуждение (*price increase* → *liberalization of prices, industrial espionage* → *competitive intelligence*) и проч. [Пастухова, 2019: 12–13].

4. Роль заголовков в прессе

Одна из главных задач журналистов – привлечь внимание к публикуемому материалу. Ключевую роль в этом отношении играют заголовки [Kuiken, Schuth, Spitters: 2017]. Заголовок в прессе – неотъемлемый компонент информации, от которого во многом зависит, будет ли этот материал прочитан вообще. Основная функция англоязычного заголовка заключается в том, чтобы заинтриговать читателя, не раскрывая полностью содержание помещенного материала, оказать на него определенное эмоциональное воздействие и тем самым побудить прочитать статью или сообщение полностью. Для решения этой задачи используются разные средства, как языковые, так и внеязыковые. Среди последних – полиграфические: размер и форма или окраска шрифта, броское размещение материала на полосе.

В лингвистическом отношении заголовки бывают предикатными и беспредикатными. Беспредикатные заголовки представляют собой имя существительное с определениями, например, *The Great Lockdown Rebellion* (*The Guardian*, October 2nd, 2020), К предикатным относятся заголовки, фактически представляющие собой предложения с подлежащим

и сказуемым при возможном наличии и других членов, например, *MP took COVID to the Commons (The Guardian, October 2nd, 2020)*. По нашим наблюдениям, подавляющее количество заголовков – предикатные.

В предикатных заголовках превалирует настоящее время (Present Indefinite) [Williams, 2013]. Примерно 85% заголовков с предикатной связью строятся именно в этом времени, хотя логическое время может быть не только настоящим, но и прошедшим или будущим, что позволяет говорить о диффузности и широте временного значения. В заголовках глагольная форма простого настоящего времени (Present Indefinite) чаще употребляется с явной тенденцией его переосмысления как прошедшего времени, например, *Biden chooses Harris for VP (Los Angeles Times, August 12th, 2020)*, хотя логическое будущее время также может иметь место, как в *Johnson 'faces Covid revolt', and Charles' warning (Daily Star, October 2nd, 2020)*. Все же в ряде случаев наблюдается отклонение от общей тенденции к употреблению настоящего неопределенного времени, е.g. *Russians stole secret documents from ex-minister's personal email (The Guardian, April 8th, 2020)*.

Заголовок также может приводиться в виде цитаты, например: *"What did we do to deserve this?" (The Daily Telegraph, September 6th, 2004. By Tom Parfitt in Beslan)*. Этот заголовок репрезентирует слова одной из пострадавших в известных событиях в г. Беслане. Цитатный заголовок может и не иметь кавычек: *North Korea nuclear reactor site threatened by recent flooding, U.S. think-tank says (Reuters, August 13th, 2020)*.

В газетных заголовках применяются некоторые специфические грамматические средства, среди которых 1) инфинитив в значении будущего времени, е. g. *New battle to free UK from EU shackles (Daily Express, August 17th, 2020)*; 2) повелительная форма глагола, е.g. *Get to Airport 3 Hours Early (The Daily Mail, August 4th, 2007)*; 3) тенденция к опущению артиклей и вспомогательных грамматических средств: *Belarus protests: Workers boo Lukashenko as election unrest spreads (BBC News, August 17th, 2020)*, где слово *unrest* не определено артиклем; *Juan Carlos: Spain's former king confirmed to be in UAE /BBC News, August 17th, 2020* (В последнем заголовке перед *confirmed* опущен вспомогательный глагол «*is*»).

Очевидно, что заголовок приспособлен для передачи лишь общих, самых броских контуров информации без уточнения деталей. Иногда невозможно понять заголовок, если не обращаться к следующему за ним тексту. Отсюда можно сделать вывод о том, что газетный заголовок – это более или менее независимая форма жанра СМИ, часть большего целого.

Одной из характерных черт современных СМИ является использование слов, выражающих предвзятое, пристрастное отношение [Кара-Мурза, 2012; Дзялошинский, 2012: 367–468]. Так, деятельность президента В. Путина в статье *In Belarus It's Ultimately All Up to Putin (Bloomberg, August 18th, 2020)* «награждается» такими эпитетами, как *bullying, irredentist* (зд. «ратующий за присоединение земель с русскоязычным населением»), *meddling, to snatch Crimea, infiltrate eastern Ukraine with hybrid warfare, disinformation, invade outright, KGB-trained modern tsar, escalation dominance, renewed subjugation* [см. также Пищина, 2019; Мазаева, 2016; Лобова, 2016].

Всякий текст коммуникативен; он передает информацию от источника к реципиенту в расчете на формирование у него определенного прагматического отношения к сообщаемому, которое зависит не только от прагматики текста, но и от личности реципиента, фоновых знаний, предыдущего опыта, психического состояния и других особенностей, определяющих его картину мира. Предсказать реакцию всех реципиентов на получаемую информацию практически невозможно, поэтому СМИ обычно рассчитывают на потенциальное коммуникативное воздействие по отношению к типовому «усредненному» реципиенту.

Прагматическое воздействие является целью любой коммуникации, в том числе и межъязыковой, осуществляемой с помощью перевода, что в значительной степени зависит от квалификации и опыта переводчика, от выбора им адекватных языковых средств. Если пере-

водчик не согласен с содержанием устного или письменного текста, он не вправе изменять прагматическую интенцию текста, даже если это повлечет за собой негативную реакцию аудитории, что иногда бывает при осуществлении устного перевода. В таких случаях во время перерыва иногда приходится объяснять некоторым слушателям, что не вы являетесь автором текста, и со всеми вопросами нужно обращаться к автору текста, т. е. выступающему.

Анализируя язык СМИ, нельзя обойти вниманием неологизмы, т. е. новые слова и окказионализмы (*nonce-words*), которые не всегда фиксируются словарями. Приведем примеры: *app* – комп. «приложение, прикладная программа»; *ego surfer* – «пользователь сети, который выискивает в ней свое имя для поднятия престижа в собственных глазах»; *troll* – «тролль, автор вызывающих и провокационных сообщений в чатах»; *errorist* – «человек, который постоянно ошибается»; *nomophobia* – «боязнь лишиться связи из-за отсутствия доступа к мобильному телефону» [Жутовская, Кугубаева, 2017: 344–347].

5. Устойчивые выражения

Синтаксис современных СМИ характеризуется смешением книжных конструкций, устойчивых оборотов и клише, оборотов разговорной речи и просторечия [Свиридова, 2013].

Особое внимание переводчикам необходимо уделять усвоению до автоматизма устойчивых речевых комплексов, клише и их переводческих эквивалентов и аналогов. Нередко речевыми штампами становятся образные или «модные» слова и выражения, оригинальность и экспрессивность которых стирается из-за частого употребления, и со временем они превращаются в шаблонные метафоры с потускневшим смыслом. В сфере общественно-политической терминологии знание штампов и клише абсолютно необходимо; без них переводчик просто не сможет работать, так как они отражают целый ряд реалий в политической сфере, е. g. *non-proliferation treaty* (договор о нераспространении ядерного оружия), *to pursue stick and carrot policy* (вести политику кнута и пряника), *in retaliation to* (в ответ на), *to fight to the bitter end* (бороться до победного конца) и проч.

Частотность употребления устойчивых речевых комплексов увеличивается с возрастанием важности обсуждаемых проблем. Так, в результате обострения ситуации на Ближнем Востоке (Ливия, Сирия, Йемен, Иран), в СМИ возросла частотность устойчивых сочетаний военно-политической лексики: *to commit atrocities* (совершать особо жестокие преступления); *to block the peace deal* (заблокировать соглашение по мирному урегулированию); *to commit crimes against humanity* (совершать преступления против человечности); *excessive use of force* (чрезмерное применение силы); *guerilla warfare* (партизанская война); *to launch air-strikes on ...* (нанести удары с воздуха по ...); *to put to flight* (обратить в бегство).

Заключение

Подводя итог, необходимо отметить, что язык современных СМИ весьма разнообразен; он включает термины из разных областей деятельности человека, газетные клише, сокращения, неологизмы, собственные имена (топонимы, антропонимы, названия учреждений, организаций и проч.), отличается более высоким, по сравнению с другими стилями, процентом используемых числительных, обилием дат и т. п. В СМИ встречается много интернациональных слов. В коннотативном плане отмечается употребление оценочной и экспрессивной лексики с определенными прагматическими целями.

Поскольку современные СМИ находятся под контролем партий, правительств, влиятельных объединений, корпораций, конгломератов (США и страны ЕС – не исключение), в современных новостных сообщениях постоянно присутствуют факторы субъективной оценки с использованием языковых средств, отражающих предвзятое стремление авторов воздействовать на мировоззренческие позиции «широкого» читателя, то можно сделать вывод, что границы между чисто информационным и публицистическим стилями в современном языке СМИ нечетки и размыты.

Проведенный нами анализ современного языка СМИ позволяет сделать вывод о том, что общепринятая классификация терминологической системы языка на научно-техническую и общественно-политическую не вполне оправдывает себя, поскольку в круг общественно-политической терминологии входят микрополя технических, экономических, юридических, исторических, медицинских, военных, философских, психологических, филологических, педагогических, географических, сельскохозяйственных и прочих наук. Расширение общественно-политической терминологии (ОПТ) также происходит благодаря притоку интернациональной и заимствованной лексики, которую переводчики обязаны отслеживать и превращать в свой активный словарный запас.

Исходя из вышеизложенного, считаем, что информационный стиль современных СМИ характеризуется:

- экономией языковых средств, лаконичностью изложения для достижения информативной насыщенности;
- отбором языковых средств с установкой на их доходчивость;
- широким использованием общественно-политической лексики в виде как отдельно взятых лексических единиц, так и устойчивых фразеологических комплексов и клише, что обеспечивает легкую воспроизводимость готовых речевых формул и облегчает процесс коммуникации;
- жанровым разнообразием и связанным с этим широким использованием стилистических языковых средств, включая ресурсы словообразования (неологизмы и авторские неологизмы), эмоционально-экспрессивную лексику, пословицы, поговорки, идиоматические выражения, эвфемизмы и др.;
- использованием ярких, кратких, экспрессивных заголовков с прагматической целью привлечения внимания читателя;
- совмещением черт информационного стиля СМИ с чертами других стилей – научного, официально-делового, литературно-художественного, разговорного;
- привлечением терминов из различных областей знаний, если эти термины отражают насущные и жизненно важные реалии;
- использованием изобразительно-выразительных средств языка (риторические вопросы и восклицания, аллюзии, повторы, инверсии, каламбуры и т. д.);
- использованием сложносокращенных слов, аббревиатур, акронимов;
- использованием большого количества имен собственных – имен (иногда и прозвищ) известных личностей, названий организаций, топонимов и т. д.;
- использованием специфических лингвострановедческих реалий (лакун), что представляет особую трудность для переводчика.

Все эти факторы в совокупности нацелены на достижение сжатости формы, емкости содержания, на реализацию общего для всех средств массовой информации и пропаганды принципа – воздействовать на адресата таким образом, чтобы его мнение максимально совпало с интенцией и точкой зрения автора сообщения.

Литература:

1. Кутюгин Д. И. Интернет как коммуникативное пространство информационного общества: автореф. дис. ... канд. социологических наук. М., 2009.
2. Богданов Д. В. Социальные функции Интернета // Вестник Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. Социальные науки. 2011. N 1 (21). С. 114–120.
3. Познер В. Выступление в Йельском университете «Как США создали Путина». 2018. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://pozneronline.ru/2018/10/22779/>.
4. Гейко Н. Р. Общественно-политическая лексика в публицистическом дискурсе // Вестник Челяб. гос. ун-та. 2013. N 1 (292). С. 194–197.
5. Казюлина М. А. О месте политической терминологии в общественно-политической лексике // Преподаватель XXI век. 2011. N 3. Ч. 2. С. 321–325.

6. Хакимова Г. Г. Термин как лингвистическая единица, термин в рамках теории терминополья // Вестник Башкирского ун-та. Филология и искусствоведение. 2013. Вып. 4. Т. 18. С. 1136–1142.
7. Загоровская О. В., Есмаеел С. А. Об иноязычных заимствованиях в политической лексике русского языка // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. N 3. С.74–81.
8. Клушина Н. И. Стиль массовой коммуникации: учеб. пособие. М.: Изд-во Факультета журналистики Моск. гос. ун-та имени М. В. Ломоносова, 2010.
9. Некрасова М. С. О стилистической принадлежности газетного текста // Гуманитарный вектор. 2010. Вып. 2. С. 136–140.
10. Солганик Г. Я. Стилистика текста: учеб. пособие. М.: Флинта; Наука, 2000.
11. Солганик Г. Я. О структуре и важнейших параметрах публицистической речи (языка СМИ) // Язык современной публицистики: сб. статей. М.: Флинта; Наука, 2005.
12. Зоидзе Э. А. Синтаксические особенности аналитических газетных текстов (на материале русского и английского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2013.
13. Libya: Obama Says US Intervention Will Be Limited // BBC News. 2011. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.bbc.co.uk/news/world-africa-12888826>.
14. Колдунова, И. Я., Есенова Т. С. Фразеологизмы в современном газетном очерке // Взаимодействие языковых уровней в сфере фразеологии. Волгоград, 1998. С. 47–49.
15. Юнеев В. В. Метафоризация слов в текстах современной публицистики: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2007.
16. Цыбуляк О. Д. Тенденция эвфемизации политического дискурса современного русского языка // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. 2013. N 1 (292). С.148–152.
17. Пастухова О. Д. Коммуникативно-прагматические особенности эвфемизмов в политическом медиадискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2019.
18. Kuiken J., Schuth A., Spitters M., Marx M. Effective Headlines of Newspaper Articles in a Digital Environment // Digital Journalism. 2017. No. 5 (10). P. 1300–1314. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://doi.org/10.1080/21670811.2017.1279978>.
19. Williams P. 8 grammar rules for writing newspaper headlines // English Lessons Brighton. 2013. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://englishlessonsbrighton.co.uk/8-grammar-rules-writing-newspaper-headlines/>.
20. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. М.: Эксмо, 2012.
21. Дзялошинский И. М. Коммуникативное воздействие: Мишени, стратегии, технологии. М.: Изд-во Нац. исслед. ун-та «Высшая школа экономики», 2012.
22. Пищина М. О. Языковые средства репрезентации действительности в англоязычном медиадискурсе, 2019. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovye-sredstva-reprezentatsii-deystvitelnosti-v-angloyazychnom-mediadiskurse/viewer>.
23. Мазаева Т. В. Образ Путина в контексте информационной войны (на м-ле The New York Times) // Вестник Волж. ун-та им. В. Н. Татищева. 2016. N 4. Т. 2. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-v-v-putina-v-kontekste-informatsionnoy-voyny-na-materiale-the-new-york-times/viewer>.
24. Лобова А. В. Образ В. В. Путина в иностранных СМИ на примере газеты «The Guardian» // Век информации. 2018. N 2 (3). Т. 2. С. 32–28. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35170575>.
25. Жутовская Н. М., Кугубаева М. В. Неологизмы в англоязычных текстах средств массовой информации // Царскосельские чтения: материалы междунар. науч. конф., Санкт-Петербург, 2017. СПб.: Изд-во Ленин. гос. ун-та им. А. С. Пушкина, 2017. Т. 1. С. 344–347.
26. Свиридова Е. А. Взаимодействие книжной и разговорно-просторечной лексики в современной прессе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Мичуринск, 2013.

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Shamlidi E. Yu.

Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia

MASS MEDIA LANGUAGE AND ITS ROLE IN TRANSLATION ACTIVITIES (BASED ON ENGLISH MEDIA TEXTS)

This article is devoted to the characteristics of modern media texts, their varieties and importance of their study by translators and interpreters.

Reporting information by mass media reflects the current state of public and state systems and relations between them. Since modern Western media are sponsored and controlled by large political parties, associations and corporations, and the authors of texts and messages act as conductors of the ideology of these organizations, in modern media texts a purely informative function (impartial news reporting) is increasingly combined with the intention of influencing the audience with the goal of using both purely linguistic and some extra-linguistic means – to form in the addressee's mind a certain picture of the modern world, at the behest of the ruling elites. In this light, knowledge of socio-political terminology (SPT), as well as of scientific, technical and humanitarian terms, which inevitably penetrate the media, provided that these terms acquire the status of social or political significance, is of particular importance for translators. On becoming generally known, the terms of various branches of scientific knowledge form, within SPT, special microfields which embrace the concepts of statehood, authorities and public order, administrative-territorial structure of the country, its social structure, systems of party and public associations, organizations; cultural life of society; rights and obligations of society members, international relations, institutions, state associations, their political systems, etc. Translators who track and assimilate the vocabulary of these microfields on a regular basis find it much easier to cope with the translation of pertinent texts. In this article particular attention is paid to the English-language newspaper information style: the headlines of publications, lexical and syntactic features of media texts, the modern tendency of mixing the official style with the colloquial one, means of achieving imagery, etc. The article notes an increasing use of evaluative and expressive vocabulary for certain pragmatic purposes. It also emphasizes that for the successful conduct of interpreting activities, translators need to pay special attention to the assimilation and knowledgeable acquisition of set expressions, clichés, their translation equivalents and analogues – all to the point of automaticity.

Key words: mass media, media text, Internet, socio-political terminology, informational style, newspaper style, vocabulary, set expressions, expressive means, imagery, translation activity, communicative impact.

About the author:

Shamlidi Evgenij Yuryevich, Candidate of Philology, Associate Professor, Professor of the Chair of Translation Theory and Practice. Pyatigorsk State University (Pyatigorsk), e-mail: evgeny.yy@yandex.ru.

References:

1. Kutyugin, D. I. *Internet as a Communicative Space of the Information Society*, Doctor Sci. (Philol.) Diss. Abstr., Moscow, 2009.
2. Bogdanov, D. V. "Social Functions of the Internet." *Bulletin of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod. Social Sciences*, no. 1 (21), 2011, pp. 114–120.
3. Pozner, V. Speech at Yale University "How the United States Created Putin," 2018, <https://pozneronline.ru/2018/10/22779/>.
4. Geiko, N. R. "Socio-Political Vocabulary in Publicistic Discourse." *Bulletin of Chelyabinsk State University*, no. 1 (292), 2013, pp. 194–197.
5. Kazyulina, M. A. "The Place of Political Terminology in Socio-Political Vocabulary." *Teacher XXI century*, no. 3, part 2, 2011, pp. 321–325.
6. Khakimova, G. G. "Term as a Linguistic Unit, Term within the Framework of the Theory of Terminological Field." *Bulletin of Bashkir University. Philology and Art Criticism*, vol. 4, no. 18, 2013, pp. 1136–1142.

7. Zagorovskaya, O. V., Esmaeel, S. A. "On Foreign Language Borrowings in the Political Vocabulary of the Russian Language." *Bulletin of Voronezh State University. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 3, 2008, pp. 74–81.
8. Klushina, N. I. *Style of Mass Communication*. Moscow, 2010.
9. Nekrasova, M. S. "On the Stylistic Affiliation of Newspaper Text." *Humanitarian Vector*, no. 2, 2010, pp. 136–140.
10. Solganik, G. Ya. *Stylistics of the Text*. Moscow, 2000.
11. Solganik, G. Ya. "On the Structure and the Most Important Parameters of Publicistic Speech (Mass Media Language)." *Language of Modern Journalism*, Moscow, 2005.
12. Zoidze, E. A. *Syntactic Features of Analytical Newspaper Texts (based on the Russian and English Languages)*, Doctor Sci. (Philol.) Diss. Abstr., Moscow, 2013.
13. "Libya: Obama Says US Intervention Will Be Limited." *BBC News*, <http://www.bbc.co.uk/news/world-africa-12888826>.
14. Koldunova, I. Ya., Esenova, T.S. "Phraseological Units in Modern Newspaper Essay." *Interaction of linguistic levels in the sphere of phraseology*, Volgograd, 1998, pp. 47–49.
15. Yuneev, V. V. *Metaphorization of Words in the Texts of Modern Socio-Political Journalism*, Doctor Sci. (Philol.) Diss. Abstr., Moscow, 2007.
16. Tsybulyak, O. D. "The Tendency to Euphemize the Political Discourse of the Modern Russian Language." *Bulletin of Chelyabinsk State University. Philology. Art criticism*, no. 1 (292), 2013, pp. 148–152.
17. Pastukhova, O. D. *Communicative and Pragmatic Features of Euphemisms in Political Media Discourse*, Doctor Sci. (Philol.) Diss. Abstr., Chelyabinsk, 2019.
18. Kuiken, J., Schuth, A., Spitters, M., Marx, M. "Effective Headlines of Newspaper Articles in a Digital Environment." *Digital Journalism*, no. 5 (10), 2017, pp. 1300–1314, <https://doi.org/10.1080/21670811.2017.1279978>.
19. Williams, P. "8 Grammar Rules for Writing Newspaper Headlines." *English Lessons Brighton*, 2013, <https://englishlessonsbrighton.co.uk/8-grammar-rules-writing-newspaper-headlines/>.
20. Kara-Murza, S. G. *Manipulation of consciousness*. Moscow, 2012.
21. Dzyaloshinsky, I. M. *Communicative Impact: Targets, Strategies, Technologies*. Moscow, 2012.
22. Pishchina, M. O. Linguistic Means of Representing Reality in the English-Language Media Discourse, 2019, <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovye-sredstva-reprezentatsii-deystvitelnosti-v-angloyazychnom-mediadiskurse/viewer>.
23. Mazaeva, T. V. "The Image of Putin in the Context of the Information War (based on The New York Times)." *Bulletin of Volzhsky University after V. N. Tatischev*, no. 4, vol. 2, 2016, <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-v-v-putina-v-kontekste-informatsionnoy-voyny-na-materiale-the-new-york-times/viewer>.
24. Lobova, A. V. "The Image of V. V. Putin in Foreign Media based on "The Guardian" Newspaper." *Information age*, no. 2 (3), vol. 2, 2016, pp. 32–28, <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35170575>.
25. Zhutovskaya, N. M., Kugubaeva, M. V. "Neologisms in Mass Media English-Language Texts." *Tsarskoye Selo readings: Reports of the International Scientific Conference*, St. Petersburg, April 2017. St. Petersburg, 2017, vol. 1, pp. 344–347.
26. Sviridova, E. A. *The Interaction of Bookish and Colloquial Vocabulary in the Modern Press*, Doctor Sci. (Philol.) Diss. Abstr., Michurinsk, 2013.

Шутова Н. М., Мощевитина В. А.

Удмуртский государственный университет, Ижевск, Россия

СОВРЕМЕННАЯ СОЦИАЛЬНАЯ РЕКЛАМА: ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА (НА МАТЕРИАЛЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ РЕКЛАМЫ)

Рекламный дискурс является в современной лингвистике одной из наиболее активно исследуемых областей. В последнее время все популярнее становится социальная реклама, она привлекает внимание к серьезным и актуальным проблемам, которые могут повлиять на жизнь как отдельного человека, так и всего общества в целом. В век интенсивного развития науки и техники, а также участвовавших техногенных катастроф, возрастает значимость такой важной составляющей социальной рекламы, как экологическая реклама. Основной задачей социальной рекламы экологической направленности является привлечение внимания к острым проблемам окружающей среды. Она призвана повлиять на мировоззрение людей, изменить их отношение к природе, животному миру, привлечь к решению существующих проблем. Так как социальная реклама экологического характера затрагивает проблемы всех жителей нашей планеты, то этот тип рекламы чаще всего выходит на международный уровень, соответственно изучение проблем ее адекватного перевода является актуальным.

Основной целью настоящего исследования являлось определение ведущих коммуникативных стратегий, используемых в социальной экологической рекламе, а также тех лингвостилистических средств их реализации, которые создают трудности в процесс перевода. Применялись следующие методы анализа материала: метод сплошного лингвостилистического анализа текста; метод когнитивного анализа; метод лексикографического анализа, а также методы контекстуального и сопоставительного анализа.

Рассмотренный материал позволяет сделать вывод о том, что самой распространенной рекламной стратегией в современной экологической рекламе является стратегия эмоционального воздействия на адресата. Для ее реализации используются такие стилистические приемы как метафора, эпитет, параллелизм, антитеза и т. п. Адекватная передача этих средств выразительности при переводе составляет основную переводческую задачу.

Ключевые слова: социальная реклама, экологическая реклама, коммуникативные стратегии, проблемы перевода.

Сведения об авторах:

Шутова Нелла Максимовна, кандидат филологических наук, доцент, кафедра перевода и прикладной лингвистики (английский и немецкий языки), Институт языка и литературы, Удмуртский государственный университет, г. Ижевск; e-mail: Nella_Shutova@mail.ru. ORCID ID: 0000-0003-3361-1943.

Мощевитина Виктория Александровна, бакалавр лингвистики, Институт языка и литературы, Удмуртский государственный университет (г. Ижевск, Россия), e-mail: victoria_m29@mail.ru.

Введение

Нарушение экологического равновесия, наличие угроз окружающей среде и миру животных являются, к сожалению, реальными фактами современной действительности. Сегодня на нашей планете бесконтрольно вырубается леса, происходит выброс вредных веществ в атмосферу, ради ценного меха и кожи истребляются дикие животные. Защита природы и прав животных является одной из самых актуальных проблем современности. Нельзя не отметить, что в последнее время эта проблема все чаще привлекает внимание

ученых различных отраслей знания. Одним из проявлений этого интереса становится возрастающая популярность экологической рекламы.

Экологическая реклама обычно выделяется учеными как отдельный тип социальной рекламы. Н. А. Драй, например, определяет экологическую рекламу как «специальное направление социальной рекламы, которое пропагандирует идеи и проекты охраны окружающей среды, природы, животных и растений» [Драй, 2019: 47]. Н. О. Деркач понимает под экологической рекламой форму медийного экологического дискурса, нацеленного на информирование общества о состоянии окружающей среды и на популяризацию мер по охране и защите природы [Деркач, 2011: 182]. Ф. Джефкинс, однако, придерживается другого подхода к определению экологической рекламы. Исследователь называет экологической рекламой распространенную форму корпоративной рекламы, нацеленной на повышение престижа компании путем распространения информации о ее деятельности в сфере защиты окружающей среды [Джефкинс, 2008].

Исходя из представленных выше определений, можно утверждать, что экологическая реклама является типом социальной рекламы, призванной обратить внимание общества на проблемы, связанные с экологией, изменить модели поведения адресата и его отношение к окружающей среде в лучшую для экологической обстановки сторону. Кроме того, экологическая реклама является также и каналом коммуникации между коммерческими организациями и обществом, выполняя иногда функцию корпоративной рекламы.

Что касается специфических особенностей данного типа рекламы, то И. И. Гайнуллина называет ключевой характеристикой экологической рекламы образный ряд, основанный на использовании природных текстур, растений, животных и зеленого цвета. Именно за счет этого такая реклама воспринимается адресатом как «зеленая», т. е. экологическая. Исследователь также отмечает, что нередко материалы, используемые в экологической рекламе, бывают жестокими и шокирующими, поскольку показать адресатам настоящий вред, наносимый экологии, лучше всего удастся, применяя принципы натурализма [Гайнуллина, 2017: 112–113].

Н. О. Деркач подчеркивает, что экологическая реклама направлена на широкую общественность, она должна быть понятна каждому человеку. Среди средств, использующихся в экологической рекламе для влияния на адресата, исследователь отмечает эмоциональную насыщенность и экспрессивность. Среди других методов влияния на адресата автор называет манипуляцию и внушение [Деркач, 2011: 181–183].

Совершенно очевидно, что социальный рекламный дискурс является одним из самых сложных с точки зрения перевода. Е. В. Медведева отмечает, что количество проблем, стоящих перед переводчиком, увеличивается за счет того, что рекламное сообщение обычно содержит максимальное количество информации при минимальном объеме текста, и при этом сжатость изложения должна сочетаться с образностью и экспрессивностью [Медведева, 2003: 23].

По мнению многих исследователей, чтобы социальное рекламное сообщение смогло выполнить свою функцию и повлиять на адресата, рекламный дискурс должен быть включен в культурную среду языка перевода. В. Н. Комиссаров подчеркивает, что, так как при переводе рекламы на другой язык изменяется ее адресат, требуется использование и иных средств убеждения. Чтобы текст был понятен иностранной аудитории, переводчику необходимо внести в него определенные коррективы, учитывая, в частности, прагматический аспект. Подобная адаптация нередко приводит к составлению нового параллельного текста на языке перевода [Комиссаров, 1990:184].

Обзор имеющейся литературы свидетельствует о том, что социальный рекламный дискурс в целом очень мало изучен с точки зрения перевода. Работы, посвященные проблемам перевода именно экологической рекламы, практически отсутствуют. Тем не менее, перевод этой рекламы представляет собой очень сложный процесс, так как на

первый план часто выходят не лингвистические проблемы, а проблемы социолингвистической и социокультурной адаптации рекламного текста. Необходимо учитывать аудиторию, на которую ориентирован данный дискурс, исходить из культурной среды языка перевода, сохранять способность социальной рекламы влиять на поведение и взгляды человека.

Основной целью настоящего исследования являлось определение ведущих коммуникативных стратегий, используемых в социальной экологической рекламе, а также тех лингвостилистических средств их реализации, которые создают трудности в процесс перевода. В этой связи в задачи исследования входило, прежде всего, рассмотрение на конкретном языковом материале самих принципов создания исследуемой рекламы, в частности использования ее невербальной составляющей. Встречающиеся лингвостилистические приемы рассматривались лишь как средства реализации определенных коммуникативных стратегий. Новизна исследования состоит в том, что проблемы перевода экологической рекламы рассматриваются именно в коммуникативном аспекте, особое внимание уделено влиянию невербальной составляющей рекламы на процесс перевода.

1. Основные рекламные стратегии, используемые в рассматриваемой экологической рекламе

В ходе исследования был проведен анализ 100 социальных рекламных сообщений, размещенных в сети Интернет и посвященных таким темам как: изменение климата и глобальное потепление, вымирающие виды животных, вырубка лесов, загрязнение мирового океана, окружающей среды и воздуха, строительство заповедников, переработка мусора, жестокое обращение с животными. Примеры экологической рекламы были взяты с официальных сайтов некоммерческих экологических организаций: *Greenpeace*, *Surfrider Foundation USA*, *World Wide Fund for Nature (WWF)*, *Ocean Conservancy*, *People for the Ethical Treatment of Animals (PETA)*, *Dogs Trust*, *Sea Shepherd*, *SOS Mata Atlântica Foundation*, *Trash Hero*, *Environmental Defense Fund*, *Friends of the Earth International* и др.

При анализе материала и выявлении основных рекламных стратегий, применяемых в экологической рекламе, были использованы классификации стратегий в социальной рекламе, предложенные Е. Ю. Здесенко [Здесенко, 2016], Т. В. Солодовниковой [Солодовникова, 2019] и Е. С. Сотниковой [Сотникова, 2017].

На основе собранного фактического материала и анализа примеров рекламных сообщений, можно выделить следующие рекламные стратегии, которые используются в рассматриваемой экологической рекламе:

- *стратегия диалога с адресатом* (как правило, прямое обращение к адресату);
- *стратегия информирования* (рекламное сообщение нацелено на передачу информации о проблеме или ее возможном решении);
- *стратегия побуждения к действию* (мотивирует изменить поведение, поспособствовать решению экологической проблемы, сделать пожертвование и т. д.);
- *эмоциональное воздействие на адресата*, причем, в зависимости от вызываемых эмоций, можно выделить 3 типа данной стратегии: стратегию запугивания, стратегию вызывания жалости, стратегию создания юмористического эффекта.

Наиболее часто употребляемой стратегией в рассмотренных рекламных сообщениях является эмоциональное воздействие на адресата. Данная стратегия встречается в 72 рекламных текстах, причем чаще всего используется запугивание. Такая тенденция вполне закономерна, так как страх считается самой сильной эмоцией, способной сподвигнуть человека на изменение своего поведения. Более половины рекламных текстов, в которых наблюдается использование эмоциогенной стратегии, вызывают у адресата шок или страх посредством невербальных или вербальных приемов, а также их сочетания. В большинстве рекламных сообщений, исследованных в рамках данного типа стратегии, отмечается

использование шокирующих изображений жестокого обращения с животными – страданий вымирающих диких сухопутных животных и морских обитателей, ужасающих последствий загрязнения окружающей среды и т. д. Что касается вербальных приемов, то среди них выделяется использование слов с негативной коннотацией. Например, в рекламных сообщениях часто встречаются такие слова как *die, murder, kill, scream, slaughtered, shocking, cancer-causing, horrific, blood, monsters* и т. п.

Как правило, лингвистическая составляющая рекламы является комментарием к изобразительному ряду. Например, в одном из сообщений представлено реалистичное изображение задыхающейся морской черепахи с целлофановым пакетом на голове. Надпись гласит: *The plastic you use once tortures the oceans forever. – Всего лишь один раз использованный вами пластиковый пакет будет мучить океан целую вечность* (здесь и далее перевод авторов статьи – Н. Ш. и В. М.).

Наш материал свидетельствует о том, что вариантом пугающей стратегии является стратегия перевернутой ситуации. Для того чтобы заставить адресата испытать более сильный страх, создатели экологической рекламы предлагают человеку представить себя или своих близких на месте животного, страдающего от истребления или жестокого обращения. Например, в одном из рекламных сообщений момент охоты на тигров представлен следующим образом: человек целится из ружья в маленькую девочку в костюме тигра, играющую в лесу. Текст рекламы таков: *Imagine this is yours. – Представь себе, что я твоя дочь.*

Эмоциогенная стратегия вызывания жалости встретилась в 39 рекламных сообщениях. Как правило, эта стратегия используется в рекламе, затрагивающей проблемы животных. Например, на ней (в естественной и комфортной среде обитания) могут быть изображены дикие звери, чья жизнь находится под угрозой вторжения человека.

Стратегия эмоционального воздействия на адресата, создающая юмористический эффект, является самой редко используемой среди исследованных рекламных сообщений. Она встретилась лишь в 3-х рекламных текстах из 100. Задача такой стратегии заключается в том, чтобы представить негативную ситуацию в комическом оформлении и тем самым повлиять на сознание реципиента, заставить его задуматься о представленной проблеме. Например, в одном из рекламных сообщений, посвященных проблеме загрязнения пляжей, изображен оставленный отдыхающими пластиковый стаканчик, который будто бы загорает, лежа на песке. Рисунок сопровождается следующим текстом: *Don't give trash a break. – Не позволяйте мусору отдыхать на пляже.* Проблема загрязнения окружающей среды приобретает в данном случае комический оттенок.

Одной из основных целей социальной рекламы является побуждение к совершению действия. Все исследованные рекламные сообщения, так или иначе, мотивируют адресата на совершение какого-либо действия, но эксплицитно это происходит только в 59 случаях. При этом адресант напрямую предлагает перейти на какой-то сайт, пожертвовать деньги, остановить жестокое обращение с животными и т. д. Стимул к дальнейшему действию или к прекращению деятельности в этой стратегии нередко завуалирован в визуальных образах. Так, например, высыхающие леса, изображенные в виде легких человека, мотивируют задуматься о проблеме вырубки лесов. Для побуждения адресата к действию используются и лингвистические средства, например, императивные предложения, содержащие команду, просьбу или совет: *Protect the forests. – Защищайте леса. Let's go green and go paperless! – Давайте защищать экологию и обходиться без бумаги.*

Что касается стратегии простого информирования, то она использована в 58 рекламных текстах. Цель данной стратегии – передать информацию о каком-то негативном явлении, осветить экологическую проблему, ее масштаб, рассказать о возможных способах решения проблемы. Например, одна реклама демонстрирует то, как человек выбрасывает упаковку из пенопласта и сообщает, что она разлагается 1000 лет: *Gone in 1,000 years.* Эта стратегия

может выполнять напоминающую функцию и демонстрировать какие-либо известные факты, о которых мы не задумываемся в повседневной жизни.

На основе изученного материала можно сделать вывод, что, используя стратегию диалога, создатели рекламы стремятся создать эффект личного обращения к адресату. Это подразумевает вовлечение человека в беседу или его ответ на поставленный рекламой вопрос, что увеличивает вероятность того, что адресат задумается о представленной ему проблеме. Стратегия диалога была использована в 23 рекламных сообщениях. Было отмечено, что характерным признаком этой стратегии является использование вопросительных предложений и прямой апелляции с помощью личных местоимений во втором лице: 1) *Horrific animal abuse. Are you really down with that?* – Ужасное отношение к животным. **Вы** действительно к этому причастны?; 2) *If you call it “medical research,” you can get away with murder.* – Если **вы** называете это «медицинскими исследованиями», то **вам** просто сходит с рук настоящее убийство.

Итак, анализ рассмотренных рекламных сообщений показал, что создатели экологической рекламы чаще всего обращаются к стратегии эмоционального воздействия на адресата, поскольку этот прием является самым эффективным способом заставить человека думать о поставленной проблеме и способствовать ее решению. Довольно часто авторы рекламы используют несколько стратегий в одном рекламном сообщении и сочетают как визуальные, так и лингвистические приемы воздействия на адресата, что позволяет им создать высокоэффективный рекламный дискурс. Несмотря на то, что основная задача социальной экологической рекламы состоит в том, чтобы побудить адресата совершить поступок, благоприятный для экологии, прямой призыв к этому встретился только в 23 случаях.

2. Роль невербального компонента в экологической рекламе и его влияние на перевод

Рассмотренный материал свидетельствует о том, что современная экологическая реклама является семиотически осложненным текстом, в котором главная идея передается с помощью сочетания вербальных и невербальных средств. Для данного типа рекламы визуальный компонент является неотъемлемой частью, и для осуществления адекватного перевода такой рекламы необходимо обязательно учитывать паралингвистические средства, сопровождающие письменную речь.

В исследованных рекламных сообщениях часто встречаются изображения животных и растений, а также большое количество элементов зеленого цвета. Например, зеленого цвета может быть весь текст рекламы, либо им выделяются ключевые понятия. Кроме того, лозунги, призывающие адресата заботиться об экологии, нередко тоже расположены на фоне зеленого цвета. В одном из примеров экологической рекламы в качестве фона использовано изображение зеленых полей. Реклама содержит следующий слоган: *Go green before green goes*. Слово *green* в английском языке, как известно, является многозначным и имеет значение, связанное не только с цветом, но и с природой, экологией в целом. Перевод слова *green* с помощью соответствия «зеленый» в данном случае не будет адекватным, поскольку он не передаст главную идею слогана, мотивирующего нас поддерживать экологию, пока природа не исчезла совсем. На наш взгляд, можно перевести этот слоган следующим образом: *Защити природу, пока природа еще жива*. Причем, мы сохраняем при переводе прием аллитерации, хотя и повторяется другой звук.

Наш материал подтверждает данные тех авторов, которые утверждают, что основными визуальными образами в экологической рекламе являются животные и дети. Именно они способны оказать самое сильное воздействие на социальное поведение адресата и повлиять на его желание способствовать решению экологических проблем. Например, составители одного рекламного сообщения, направленного против изготовления одежды из натурального меха, используют изображение кролика, к его уху булавкой прикреплена бирка от шубы.

Надпись гласит: *Labels to die for?* Создатель рекламы стремится донести до адресата мысль о том, что животные умирают ради изготовления теплой одежды. Буквально текст можно перевести так: *Бирки, за которые стоит умирать?* Однако нам кажется, что для усиления воздействия рекламы, необходимо непосредственно обратиться к человеку от имени животных: *Бирки, за которые Вы готовы нас убивать?*

Другим часто встречающимся в экологической рекламе изображением является тающее мороженое в виде планеты Земля, помещенной в стаканчик. Надпись на одной рекламе гласит: *"I Scream."* Как видим, используется оригинальный лингвистический прием – языковая игра. С одной стороны, фраза буквально означает «Я кричу» (Земля кричит от глобального потепления), но при чтении ее звучание на английском языке близко к слову *ice-cream* – «мороженое». Именно это обыгрывание делает рекламу интересной и запоминающейся, а, следовательно, и более эффективной. Чтобы довести до адресата весь смысл рекламного сообщения, предлагаем использовать прием лексического добавления: *Наша Земля тает на глазах и кричит о помощи.*

Визуальный компонент в экологической рекламе, в сочетании с использованием многозначных слов в ее тексте, оказывает значительное влияние на перевод и в других случаях. Интересна, например, реклама, в которой адресату демонстрируются сразу два изображения нашей планеты – Земля, размещенная слева, выглядит высохшей, она неприглядного серого цвета, а Земля справа – зеленая, она действительно «живая». Сопровождающий текст таков: *Choose the **right** planet to live in.* У слова *right* есть два лексических значения – «правильный» и «правый». Авторы намеренно использовали это слово, чтобы придать рекламному сообщению двойное значение – планета, изображенная справа, – это «правильная», т. е. желаемая, планета. В данном случае при переводе необходимо сохранить оба значения слова *right*, поскольку игра слов хорошо сочетается с картинкой, она обосновывает использование визуальной составляющей. Помимо правильной передачи полного смысла высказывания, переводчику необходимо сохранить и лаконичность фразы. Можно предложить такой перевод: *Выбери планету **справа** – это **правильно**.*

Невербальный компонент в экологической рекламе повышает ее эффективность не только за счет использования образов, ассоциирующихся с природой или воздействующих на эмоциональное состояние адресата. Наш материал свидетельствует о том, что адресант рассматриваемой рекламы практически всегда использует действенные визуальные компоненты для улучшения понимания рекламного текста, авторы стремятся с помощью изображения объяснить адресату то, о чем говорится в тексте. Например, в одной рекламе визуальный ряд представляет собой изображение кроны дерева в виде зонтика, текст рекламного сообщения следующий: *Protect the forests, they are **the climate umbrella** of our planet.* В этом случае невербальный компонент позволяет адресату лучше воспринять метафору, лес сравнивается с зонтиком, защищающим климат нашей планеты. Атрибутивное сочетание «существительное + существительное» (*climate umbrella* – «климатический зонтик») иллюстрирует способность английского языка к компрессии, но оно требует развертывания, лексических добавлений при переводе. Предлагаем следующий вариант: *Защитите леса, это – **зонтик, охраняющий климат** нашей планеты.*

Невербальный компонент имеет особое значение в экологической рекламе, реализующей стратегию перевернутой ситуации. В таких случаях визуальная составляющая обычно изображает человека на месте истребляемых животных или уничтожаемой природы. Так, одно из рассмотренных рекламных сообщений содержит изображение кисти человека с отрубленным пальцем и изображение срубленного дерева, лежащего на месте отсутствующего пальца. Таким образом проводится параллель между миром природы – лесом, который вырубает, и телом человека – рукой с отрубленным пальцем. Текст рекламы следующий: *We **cut off** something that doesn't grow again.* Если рассматривать текст отдельно от визуаль-

ного компонента, то глагол *to cut off*, применяющийся в контексте повествования о лесе и деревьях, должен быть переведен как «вырубается». Однако из-за сравнения деревьев с пальцами, переданного через невербальную составляющую, мы не можем использовать этот глагол в русском языке. Для выполнения адекватного перевода данной экологической рекламы необходимо использовать глагол, который сочетается как с существительным «дерево», так и с существительным «палец». Предлагаем такой перевод: *Мы отрубает то, что больше не вырастет.*

Визуальный компонент, несомненно, оказывает большое влияние на перевод рекламного текста. Невербальная составляющая может дополнять текст рекламы или пояснять его и, тем самым, влиять на использование определенных лингвистических средств в переводе.

3. Используемые стилистические приемы и проблемы их передачи при переводе

Для реализации избранных коммуникативных стратегий составители современных рекламных сообщений экологического характера активно используют разнообразные лингвистические средства выразительности. Лингвистическая составляющая экологической рекламы, несомненно, имеет большое значение для ее эффективности и нередко создает проблемы при переводе.

Как свидетельствует фактический материал, одной из целей рассматриваемой рекламы является создание в сознании адресата яркого запоминающегося образа, который позволит передать основную идею рекламы и надолго оставит ее в памяти реципиента. Для осуществления этой цели широко используются стилистические приемы, переводчику необходимо сохранить как само средство речевой выразительности, так и его коммуникативную функцию. Наиболее часто используемыми стилистическими приемами в рассмотренных рекламных сообщениях являются эпитеты, метафоры, параллельные конструкции (в частности, прием антитезы), а также риторические вопросы. Встречаются также примеры использования аллитерации, аллюзии, эллипсиса и др.

Переводческий анализ рекламных сообщений показал, что стилистические приемы можно передавать двумя основными способами: дублирование в переводе приема, использованного в тексте оригинала; употребление другого стилистического приема, способного выполнить схожие функции в тексте. Рассмотрим ряд примеров и предложим свои варианты перевода.

Одним из приемов выразительности речи, употребляемым в экологической рекламе особенно часто, является параллелизм синтаксических конструкций. Так, например, в одной рекламе, призывающей присоединиться к такой экологической акции, как час Земли, изображена электрическая лампочка, стекло которой пробивает зеленый росток, и на лампочке образуется трещина. Текст рекламы гласит: *Lights off. Green on.* При переводе на русский язык трудно сохранить антитезу, можно просто сохранить параллелизм: **Выключи** свет. **Поддержи** природу.

Другой синтаксической фигурой, встречающейся во многих анализируемых рекламных текстах, является эллипсис. Этот стилистический прием позволяет добиться сжатости изложения и придать рекламному сообщению разговорный характер. В одном из примеров мы видим изображение пингвина, составленное из воздушных шариков. Фигурка пингвина стоит на куске льда, внутри которого находится булавка. Лед тает, и булавка вот-вот может проколоть шарики. Создатели рекламы пытаются довести до нас мысль о том, что из-за глобального потепления пингвины могут погибнуть. Текст рекламы представляет собой неполное предложение: *Too fragile for human greed.* Предлагаем использовать структуру неполного предложения и в переводе: *Так уязвим перед человеческой жадностью.*

Во многих рекламных сообщениях используется риторический вопрос, он, как известно, является средством создания эффекта прямого обращения к адресату. Например, в рекламе, посвященной борьбе с тестированием косметических средств на животных, изображена девушка, наносящая на губы красную помаду, изображение сопровождается

следующей надписью: *If you don't want blood on your hands, why would you put it on your face? End animal testing.* Предлагаем следующий перевод: *Если вы не хотите пачкать кровью руки, зачем вы мажете ею лицо? Прекратите тестирование на животных.*

Одним из самых популярных стилистических приемов в экологической рекламе можно назвать метафору. Изображение в одном из примеров демонстрирует океан, в водах которого плывет акула, а под ней плывет целлофановый пакет, в несколько раз превышающий ее размеры. Текст рекламы такой: *Bags. The deadliest predator in the ocean is a man made problem.* В данном рекламном сообщении пластиковые пакеты, попадающие в океан, авторы называют «самыми смертоносными хищниками». Предлагаем следующий вариант перевода: *Пакеты. Самые опасные хищники в океане – проблема, созданная руками человека.*

В другой экологической рекламе авторы образно сравнивают человека с вирусом, от которого «болеет» Земля. В центре картинка изображена наша планета в медицинской маске, в одной руке Земля держит пробирку, внутри которой мы видим человека. Вокруг планеты можно увидеть маленькие картинки, показывающие «симптомы болезни» планеты, то, от чего она страдает, например, на одном из таких изображений показано, как Земля обнимает животных и хмурится, смотря на человека, который целится в них из ружья. Текст рекламы следующий: *Pandemic. Human-19.* При переводе данного текста (для улучшения его восприятия реципиентом) предлагаем использовать прием лексического добавления: *Пандемия. Вирус: Человек-19.*

Очень часто встречается в текстах экологической рекламы и такой вид метафоры как персонификация. Неодушевленные предметы, например, природа и растения, наделяются человеческими чертами. В качестве примера можно привести рекламу, посвященную проблеме загрязнения окружающей среды мусором. На изображении мы видим огромный шар из мусора, перед ним видна маленькая фигурка человека. Сбоку размещена надпись: *From our planet's point of view, there's no throwing garbage out. Because there is no 'out'.*

Автор рекламного текста одушевляет Землю, говоря, что у нее есть свое мнение. Передача олицетворения в данном случае не вызывает трудности, однако сложно обыграть лексический повтор предлога *out* («вне», «за пределами»), поскольку в первом случае употребления предлог является частью фразового глагола *to throw out* («выбрасывать»), а во втором – употребляется как самостоятельное слово. При переводе можно заменить лексический повтор предлога другим лексическим повтором. Предлагаем следующий вариант перевода: *Нашей планете не понятна фраза «вынести мусор». Потому что ей некуда его выносить.*

Эффективным средством воздействия на адресата является и обновление фразеологических единиц. В одном из рекламных сообщений на фоне изображения карты мира зеленого цвета виднеются два указателя в виде стрелок «направо» и «налево». Текст рекламы содержит следующий слоган: *East or west, going green is the best.* Мы наблюдаем аллюзию на известную английскую поговорку *East or west, home is best.* – В гостях хорошо, а дома лучше. Авторы рекламы обновляют ее, переделывают под устойчивое словосочетание *to go green* – «стать зеленым», т. е. «защищать экологию». В тексте присутствует рифма, которую желательно сохранить при переводе. Приведенный выше русский аналог английской поговорки нельзя использовать, так как, из-за изображенных на рекламе указателей, перевод должен содержать в себе какое-то указание на направление движения. Можно предложить аллюзию на другую фразеологическую единицу – *Все дороги ведут в Рим: Все дороги ведут к природе.* Такой перевод будет сочетаться с визуальной составляющей рекламы, и, хотя у нас не получилось подобрать рифму, повторение слога *po* придает высказыванию определенный ритм.

Сохранение стилистических и эмоциональных компонентов содержания рекламы является непременным условием достижения адекватности ее перевода, поскольку переводной текст должен вызывать у нового адресата ту же реакцию, на которую рассчитывали составители рекламы на языке оригинала.

Заключение

Как уже отмечалось, рекламный дискурс привлекает внимание ученых самых разных направлений, однако в большинстве исследований рассматривается коммерческая реклама. В последнее время, в связи с эффективностью влияния СМИ на общество, предпринимаются попытки повлиять на поведение людей с помощью социальной рекламы. Ухудшение экологической ситуации в мире обуславливает появление и популярность такого вида социальной рекламы как экологическая реклама. Для успешного осуществления перевода этой рекламы переводчику необходимо знать специфические особенности рекламного дискурса экологической направленности. Очень важно добиться передачи задуманного психологического и эмоционального воздействия на адресата.

В ходе нашего исследования были проанализированы образцы социальной экологической рекламы, посвященные проблемам изменения климата, исчезновения отдельных видов животных, загрязнения окружающей среды, жестокого обращения с животными и т. п. Безусловно, существует еще много тем, к которым необходимо привлечь внимание общества, в том числе и посредством рекламных сообщений. Например, в процессе исследования собранного фактического материала нам встретились интересные рекламные сообщения социального характера, посвященные таким актуальным темам как продвижение здорового образа жизни, проблемы зависимости от социальных сетей и гаджетов. Перспективу исследования может составить рассмотрение экологической рекламы, представленной различными организациями, но посвященной одной и той же проблеме, это сделает возможным выявление разных подходов к оформлению рекламного дискурса и выбору средств реализации определенных рекламных стратегий. В данной работе мы лишь затронули некоторые способы реализации рекламных стратегий в экологической рекламе, эти способы заслуживают отдельного изучения и классификации. Кроме того, приемы достижения адекватности при переводе рекламного дискурса экологической направленности необходимо рассмотреть на базе более обширного корпуса примеров. Анализ и сравнение уже переведенных и используемых экологических рекламных сообщений также представляет интерес для дальнейших исследований.

Литература:

1. Драй Н. А. Особенности экологической рекламы, направленной на решение проблемы пластиковых отходов // Проблемы массовой коммуникации. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2019. С. 47–49.
2. Деркач Н. О. Лінгвостілістичні особливості сучасного англомовного екологічного дискурсу (на матеріалі екологічної реклами) // Вісник Житомирського державного університету. 2011. N 59. С. 182–183.
3. Джевкинс Ф. Реклама. М.: Юнити-Дана, 2002.
4. Гайнуллина И. И. Экологические образы в рекламе // Природа и человек в пространстве культуры. 2017. Часть 1. С. 112–113.
5. Медведева Е. В. Рекламный текст как переводческая проблема // Вестник Московского университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2003. N 4. С. 23–42.
6. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Высшая школа, 1990.
7. Здесенко Е. Ю. Дискурсивные стратегии социальной и коммерческой рекламы // Современный дискурс-анализ. 2016. N 2 (15). С. 73–78.
8. Солодовникова Т. В. Дискурсивные инструменты социальной, коммерческой и политической рекламы // Ученые записки. 2019. Том 29. С. 239–243.
9. Сотникова Е. С. Коммуникативные стратегии в дискурсе социальной рекламы // Вопросы филологии и межкультурной коммуникации. Чебоксары: Изд-во Чуваш. гос. пед. ун-та им. И. Я. Яковлева, 2017. С. 177–180.

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

CONTEMPORARY SOCIAL ADVERTISING: TRANSLATION PROBLEMS (BASED ON ECO ADVERTISING)

In our days advertising discourse presents an actively studied field. Eco advertising has recently become very popular as it draws attention to many serious and urgent problems which influence the society on the whole and each individual in particular. At the time of intensive development of science and technology, frequent technological disasters the role of eco advertising as a constituent of general social advertising is constantly growing. The main goal of social eco advertising is to call attention to acute environmental problems. Its primary objective is to influence people's outlook, change their attitude to nature, the animal world, and involve them into solving the existing problems. As this kind of advertising concerns all the inhabitants of the Earth and is of international importance, the study of the problems of its adequate translation is very challenging. The present paper discusses the dominating communicative strategies employed in eco advertising and those linguistic means of their realization which present some difficulties for translation. The following methods of analyzing the data were employed: linguostylistic analysis, cognitive analysis, lexicographic analysis, contextual analysis and comparative analysis. The conducted research makes it possible to conclude that the strategy of emotional impact is most frequently employed. This strategy is implemented with the help of various stylistic devices: metaphors, epithets, parallel constructions, antitheses, etc. Adequate translation of the listed expressive means poses the main problems for translators.

Key words: social advertising, eco advertising, communicative strategies, translation problems.

About the authors:

Shutova Nella Maksimovna, Candidate of Philology, Associate Professor, the Department of Translation and Applied Linguistics (English and German), the Institute of Language and Literature, Udmurt State University (Izhevsk, Russia); e-mail: Nella_Shutova@mail.ru. ORCID ID: 0000-0003-3361-1943.

Moshchevitina Victoria Alexandrovna, Bachelor of Linguistics, the Institute of Language and Literature, Udmurt State University (Izhevsk, Russia); e-mail: victoria_m29@mail.ru.

References:

1. Draï, N. A. "Some Characteristics of Eco Advertising on the Problems of Plastic Waste." *Mass Communication Problems*, Voronezh, 2019. pp. 47–49.
2. Derkhach, N. O. "Linguostylistic Features of Contemporary English Eco Discourse (Eco Advertising)." *Bulletin of Zhitomir State University*, no. 59, 2011, pp. 182–183.
3. Jefkins, F. *Advertising*. Moscow, 2002.
4. Gainullina, I. I. "Eco Images in Ads." *Nature and Man in Cultural Domain*, part 1, 2017, pp. 112–113.
5. Medvedeva, Ye. V. "Advertising Text as a Translation Problem." *Moscow State University Vestnik. Linguistics and Cross-Cultural Communication*, no. 4, 2003, pp. 23–42.
6. Komissarov, V. N. *Translation Theory (Linguistic Aspects)*. Moscow, 1990.
7. Zdesenko, Ye. Yu. "Discourse Strategies in Social and Commercial Advertising." *Contemporary Discourse Analysis*, no. 2 (15), 2016, pp. 73–78.
8. Solodovnikova, T. V. "Discourse Instruments of Social, Commercial and Political Advertising." *Uchyonye Zapiski*, vol. 29, 2019, pp. 239–243.
9. Sotnikova, Ye. S. "Communicative Strategies in Social Advertising Discourse." *Issues of Philology and Cross-Cultural Communication*, Cheboksary, 2017, pp. 177–180.

Н а у ч н ы й ж у р н а л

**МНОГОЯЗЫЧИЕ
В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ**

**Том 12
2020**

Ответственный за выпуск: А. М. Шингаркина
Оригинал-макет: А. М. Шингаркина

Подписано в печать 10.12.2020. Вышел в свет 17.12.2020. Формат 60x84^{1/8}
Печать ризографическая. Усл. печ. л. 20,33. Уч.-изд. л. 14,92.
Тираж 100 экз. Заказ № 1967.
Цена свободная

Редакция:
426034, Удмуртская Республика,
г. Ижевск, ул. Университетская, д. 1, корп. 2, ауд. 310
Тел.: (3412) 916-267, e-mail: mnogoyaz@yandex.ru

Издатель:
Издательский центр «Удмуртский университет»,
426034, Удмуртская Республика,
г. Ижевск, ул. Университетская, д. 1, корп. 4, к. 207.
Тел./факс: +7(3412) 500-295, e-mail: editorial@udsu.ru

Типография:
Типография Издательского центра «Удмуртский университет»
426034, Удмуртская Республика,
г. Ижевск, ул. Университетская, д. 1, корп. 2.
Тел.: 68-57-18

Номер реестровой записи СМИ ПИ № ФС77-74921 от 21 января 2019 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций